

№ 3

УРАЛЬСКИЙ
снеговик

2003

Маршруты Уральского следопыта

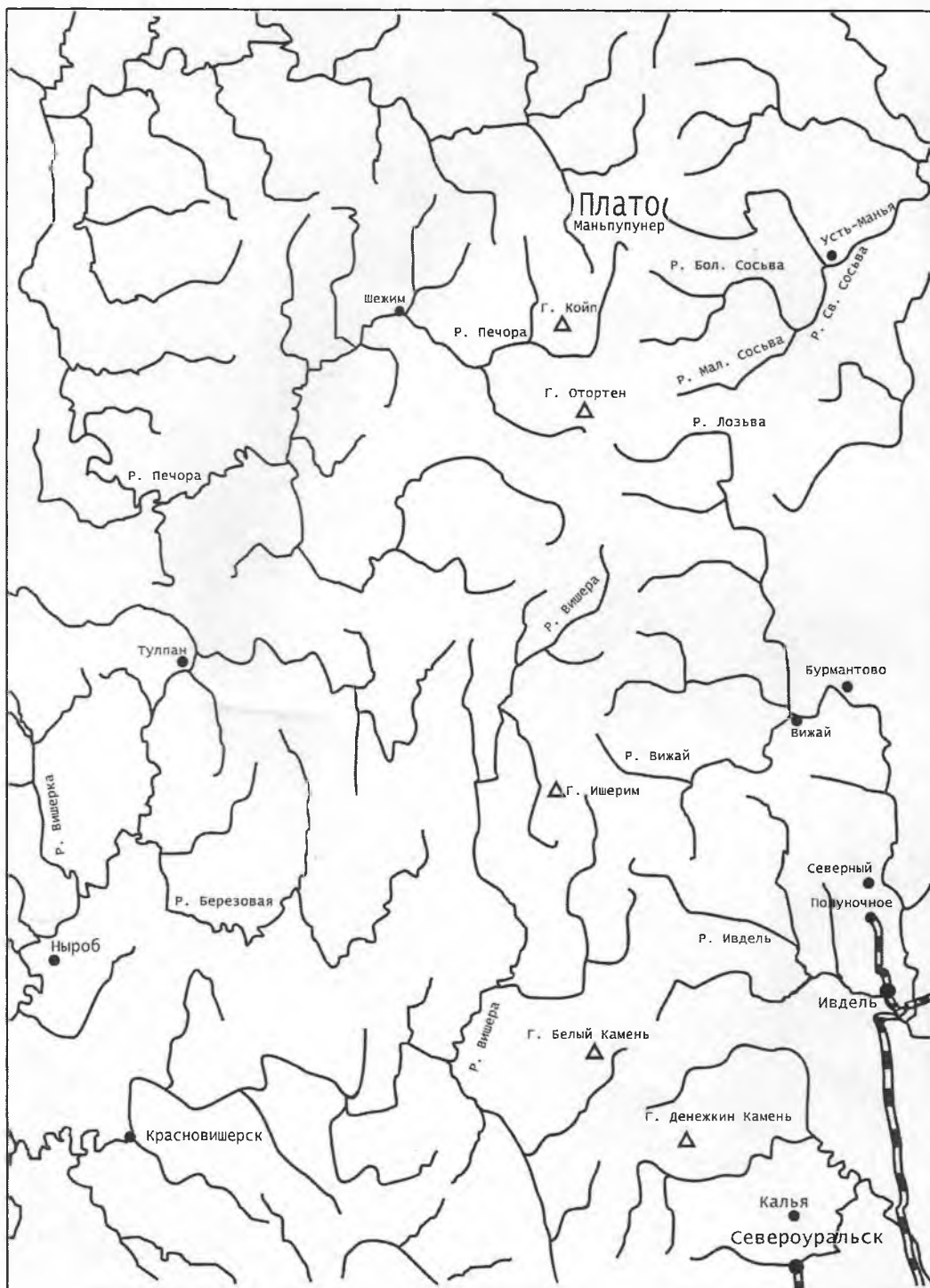

Плато Маньпупунер (Болвана-Из)

На языке коми – Болвана-Из или Болбана-Из; название двух хребтов на берегу Печоры в ее верховьях: первый из этих хребтов находится к западу от водораздельного хребта прямо против горы Печерья-Талях-Чахль и у коми называется Ичот-Болвана-из, то есть «Малый Болвано-Из», второй – дальше на юг и юго-запад (между Печорой и ее правым притоком Большая Порожня), его название – Ыджыд-Болвана-Из, то есть «Большой Болвано-Из». Наиболее известен Ичот-Болвана-Из (840 м).

На одной из вершин хребта Ичот-Болвана-Из возвышается семь высоких (до 30 м) каменных скал-останцев в форме столбов, видных на очень большом расстоянии. В коми языке болван, болбан – «болван», прилагательное болвана, болбана – «болванский», поэтому Болвано-Из (как и коми-язывинское Бёлбана-Из) – «Гора Болванов» или «Болванская гора». Еще одно аналогичное название Болбанты – озеро в верховьях реки Хугли на Приполярном Урале – надо переводить с коми языка как «Болванское озеро». Но во всех этих случаях имеется в виду не болван в общеизвестном оскорбительном смысле, а истукан, каменный столб, идол (каменный или деревянный). Коми слово в обоих его значениях заимствовано из русского языка.

По легенде, отражающей древние столкновения манси и ненцев, великаны-самоеды решили пойти на манси войной. Поднялись они на одну из вершин в верховьях Печоры и увидели невдалеке страшного в своем

гневе Тагт-Талях-Ялпынг-Нёр-Ойку. Это «Святой старик Урал в вершине Северной Сосьвы», более известный картографам как Сосьвинский Молебный Камень или Сосьвинский Ялпынг-Нёр. И превратились великаны в каменные столбы. Так они теперь там и стоят. А их вождь-шаман уронил свой бубен. Покатился бубен и превратился в громадную гору – Койп.

А.К. Матвеев

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

РЕКА-ВРЕМЕНИ

СТР. 3-38

СТР. 39-59

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 61-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА,
ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

3"2003

Конкурс «Большие надежды»	
Итоги конкурса	2
Заочная экспедиция	
В. ТРУСОВ «Правда о пограничном обелиске»	4
Родословная	
Е. АРАПОВА «Демидовы из Первопрестольной»	8
Мемуары	
Г. ПАВЛОВ «Оболенский в моей судьбе, или Почем в России пуд таланта» (окончание)	11
Далекое-близкое	
В. ПЛАСТИНИН «Часовня»	16
Занимательная нумизматика	
В. ПУРОНЕН «Какие бывают монеты»	18
Тропой поиска	
В. ШИЛОВ «Канкор, или дом на Каме»	24
Н. КОРЕПАНОВ «Медь Мотовилихи»	27
Легенды и были	
Ю. ЧЕРЕМНЫХ «Кукушка» и ее дети	24
Страна топонимия	
Ю. ДУНАЕВ «Фаламиха-Паламиха»	26
Из «Сундучка уральского краеведа»	
Г. КУЛАГИНА Головоломки	31
Заповедные земли Урала	
А. ШУКШАЕВ «Из истории Зауралья»	33
Фантастика	
А. КИРЬЯНОВА «Метро»	40
И. ДАНЬЕВ «Отец Сейшензль»	54
Современная поэзия Урала	
О. БОЧЕНИНА Стихи	46
Современная проза Урала	
Н. КОЛЯДА «Нелюдимо наше море...»	48
Челябинская литературная мастерская. Стихи	57
Путешествия	
С. БАРАНОВ «Маньпупунер - гора Богов»	62
Экспедиции	
В. ЮКЧУБАЕВ	
«Непройденный маршрут» (продолжение)	66
Экстремальные профессии	
Т. СУВОРОВА «Где слоны - там мой дом родной»	38
Проекты «Уральского следопыта»	
М. РАСКОЛЬНИКОВА «Майские рокеры-экстремалы»	70
Записки очевидца	
Ю. ВЛАДИМИРОВ «За тех, кто в поле»	72
Публицистика	
Ю. ДЕМИН «О торжестве морального уродства на российских просторах»	75

Итоги конкурса «Большие надежды. 2002»

Номинация «Поэзия»

Мы разделили всех авторов на три возрастные группы. В самой младшей, от 6 до 10 лет, мы присудили **1 место** **Евдокии Анаиной**, ученице 2 класса лицея искусств им. Дятлева, а **2 место** — **Екатерине Шемякиной**, ученице 2 класса лицея № 40. А 3 место никому не присуждено.

В средней возрастной группе **первое место** заняла **Юлия Неврасва**, ученица 7 класса средней школы № 9 из города Миасса Челябинской области.

Второе место — **Любовь Чебыкина**, ученица 9 класса школы № 56 из города Новоуральска.

Третье место поделили **Юлия Масалова** и **Евгения Дервцова** из пос. Уральский Белоярского района Свердловской области.

Отмечены работы **Марины Рябчевской** из Тарко-Салинской средней школы (ХМАО), **Наташи Канавской** из города Нефтеюганска, **Дианы Гладий** из г. Сургута.

Самая серьезная поэзия — у авторов из старшей группы, от 15 до 18 лет.

Победительница — **Евгения Потапова** из города Лесного Свердловской области.

Второе место мы отдали **Марине Соколовой** из города Междуреченска Тюменской области.

Третье место заняла **Мария Серикова** из Екатеринбургa. Марии 17 лет.

Еще мне хочется отметить стихи **Ольги Речкаловой** из Екатеринбургa, **Радики Файзуллина** и **Анатолия Помахова** из Нефтеюганска, **Андрея Титовца**.

Вадим Осипов, поэт, член Союза писателей России.

Номинация «История и краеведение»

Подведены итоги очередного конкурса «Большие Надежды». «Урожай» историко-краеведческих рукописей не особенно тучен, но научная основательность присланных работ внушает уважение к труду молодых авторов.

Победителями конкурса стали:

1. **Дарья Степаненко**, ученица 11-го класса. Центр детского туризма и краеведения. Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, пос. Тарко-Сале. «Современное состояние жизни селькупов».

2. **Светлана Лобова**, ученица 9-го класса. Новоуральск. «Сказочный мир ледяной пещеры».

3. **Славенко Олег**, ученик 11-го класса. Челябинская обл., с. Фершампенуаз. «История народного образования в 1930-1990 гг. на примере Чумбейской школы».

Вот что, однако, хотелось бы заметить. «Уральский следопыт» — журнал не научный, а массовый, научно-популярный. Это, разумеется, не исключает необходимой точ-

ности и новизны в отборе и исследовании фактов. Но их подача, язык, композиция статей и очерков в нашем конкурсе стоят не на втором, а, пожалуй, на первом месте. Не только ЧТО вы пишете, но и КАК, насколько доходчиво, увлекательно и по возможности сжато изложены результаты ваших поисков — именно на это направлены «большие надежды» организаторов конкурса. Ведь сегодняшние юные авторы — наша завтрашняя смена, а значит, завтрашний «Уральский следопыт».

*Юний Горбунов,
редактор отдела истории и краеведения*

Номинация «Проза»

Победителями конкурса стали:

1. **Никифоров Николай**, проза, г. Североуральск, Свердловская область.

2. **Кукса Анна**, проза, пос. Уральский, Белоярский р-н, Свердловская область.

Номинация «Сказка»

1. **Шемякина Екатерина**, сказка, «Сокровища земли Уральской».

2. **Гремячкин Юрий**, сказка, «Я учу летать Жар-Птицу», г. Екатеринбург.

*Все работы победителей конкурса
будут опубликованы в журнале
в течение 2003 года.*

Мы рады объявить о том, что «Большие Надежды. 2002» завершены, но конкурс продолжается! «Большие Надежды. Уральский следопыт. 2003» объявляет о приеме новых конкурсных материалов.

Условия участия в конкурсе:

Прислать в адрес редакции: заявление (рукописное) на участие в конкурсе; анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение); копию подписного абонемента (не менее 6 месяцев) на журнал «Уральский следопыт»; работы по любой из номинаций (компьютерный набор, текст плюс дискета).

Номинации: Сказка; Проза; Поэзия; История и краеведение.

Срок приема работ до 1 февраля 2004 года.

Возраст участников: от 6 до 25 лет.

Творческих успехов вам, дорогие наши друзья!

*Редакция журнала
«Уральский следопыт»*

РЕКА ВРЕМЕНИ

Правда о пограничном обелиске
Демидовы из Первопрестольной
Какие бывают монеты
Канкор, или дом на Каме
Медь Мотовилихи
«Кукушка» и ее дети
Фаламиха-Паламиха
и другие материалы

ДОЛГОВЕКИЕ «ЗАПИСКИ УОЛЕ»

В нынешнем марте исполняется 130 лет со времени появления первого выпуска «Записок Уральского общества любителей естествознания». Не ахти какая солидная дата по нынешнему меркантильному времени. Но именно сегодня и хочется напомнить краеведам и краелюбам эту скромную дату и поклониться бескорыстной работе на научно-издательской ниве тоже скромного деятеля Онисима Егоровича Клера.

Не будучи поначалу ни официальным редактором «Записок», ни президентом УОЛЕ, О.Е. Клер тем не менее был, что называется, душой и мотором издания. «Записки», благодаря его энергии и подвижничеству, не только явились печатным органом уральского научно-краеведческого общества, но они принесли ему всероссийскую, если не сказать — всемирную известность и признание.

Круг тем «Записок УОЛЕ» был необычайно широк и в то же время отражал научно-творческий, поисковый характер деятельности Общества. Местный фольклор и геология, математика и минералогия, палеонтология и этнография, археология и ботаника, зоология и медицина, сельское хозяйство и промышленность региона — вот ряд тем, далеко не исчерпывающий содержание «Записок». Было бы труднее отыскать такую отрасль науки, которой бы пренебрегли «Записки УОЛЕ». Наверно, каждый член Общества (а их к 1914 году насчитывалось более 540 человек) считал своим долгом выступить на страницах «ученого» издания, а значит, быть не номинальным, а действительным работником на научно-краеведческом поприще.

Но и не только местные краезнатоцы считали за честь попасть на страницы «Записок». Среди авторов были такие научные светила, как геолог А.П. Карпинский, минералог и геохимик А.Е. Ферсман, географ и путешественник

И.В. Мушкетов... А уж без реферата, рецензии или отчета самого Онисима Егоровича не обошелся, наверно, ни один выпуск издания.

И теперь к вопросу о скромности. Когда один из корреспондентов Клера назвал его в письме «авторитетом науки», тот посчитал это «ошибкой» и продолжал: «Я — чернорабочий, снаряд для писания переводов, чтения корректур, составления протоколов, отношений, донесений, рапортов и т.п.». К этому надо добавить, что всеми этими делами Онисим Егорович занимался без всякого вознаграждения. И то сказать: либо ты при жизни недолго катаешься как сыр в масле, либо оставляешь о себе долговечную память в потомках...

Начавшись в 1873-м, «Записки УОЛЕ» продержались на плаву 54 года. Пока этот рекорд, пожалуй, не побил ни одно уральское научное или научно-популярное издание.

Библиотека «Уральского следопыта» может гордиться тем, что в ее фонде, наряду с другими дореволюционными изданиями, хранятся и несколько выпусков «Записок УОЛЕ».

Юлий Горбунов
Фото Е.В. Савенко

Владимир ТРУСОВ, г. Первоуральск

Правда о пограничном обелиске

Первый каменный столб на границе Европы и Азии установлен в 1846 году

В 1829 году русское правительство пригласило совершить путешествие по России немецкого ученого Александра Гумбольдта. Его сопровождали два соотечественника-профессора Густав Розе и Христиан Готтфрид Эренберг. У них был в проводниках чиновник Горного департамента Меншенин, владевший немецким и французским языками. Выбор направления и цели путешествия предоставлялись на усмотрение ученых, и правительство попросило только «оказать содействие науке и, насколько возможно, промышленности России».

На участке Сибирского тракта от Перми через Кунгур до Екатеринбурга Г. Розе вел замеры высот и первым определил, что гора Березовая возле деревни Талица является наивысшей точкой на этой дороге. В дальнейшем в опубликованных работах он отметил, что здесь же проходит водораздел.

Первые заметки о путешествии Густав Розе напечатал в «Горном журнале» в 1832, 1834 и 1835 годах. Потом книга Розе выходила на немецком языке, а в 1873 году в Екатеринбурге (типография А. Безбородова) она напечатана под заглавием «Путешествие по Уралу Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году». Перевел ее с немецкого и дополнил примечаниями Наркиз Константинович Чупин. Издание вышло как приложение к «Запискам Уральского Общества Любителей Естествознания». Вот как описывает Густав Розе участок дороги возле горы Березовой: «Тремя верстами далее у деревни Талицы (сейчас один из районов г. Первоуральска. — В. Т.) переезжают через третий небольшой приток Чу-

Обелиск «Европа-Азия» Фото В. Трусова.

совой — Талицу; это вместе с тем и последний по Сибирскому тракту приток европейских рек. Далее дорога поднимается мало заметно и постепенно на протяжении шести верст, на высоту широкого горного хребта, который называется Березовой горою (так же как и вышеупомянутая гора между станциями Кленовой и Киргишаном). Образуя высшее поднятие на этой дороге, она однако ж достигает лишь весьма умеренной высоты 1271 англ. фут., превосходящей лишь немного высоту перееханной нами ранее одноименной с нею горы. Но недалеко отсюда к югу, в той же цепи находится другая гора, называемая Волчьей, которая превосходит горный хребет на екатеринбургской дороге на 1000 футов высоты. От Березовой горы дорога спускается столь же постепенно, как и поднимаясь, и через 15 верст от Шайтанского завода переезжают у дер. Ново-Алексеевской речку Решетку, которая впадает в Исеть, посредством ея соединяется с Тоболом и, стало быть, принадлежит уже к системе азиатских

вод. У деревни она имеет южное направление, но скоро изгибается к востоку, а потом принимает северо-восточное направление, так что у деревни Решеты, последней станции перед Екатеринбургом, в 23 верстах от этого города и в 31 версте от Билимбаевского завода, приходится во второй раз переезжать эту речку.

Поэтому Березовая гора составляет гребень Уральских гор, который здесь образует также и водораздел».

В 1837 году девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что закончивший основной курс обучения всем необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, императора Николая I, совершил известное путешествие по России в сопровождении действительного статского советника В.А. Жуковского и других лиц.

На горе Березовой близ деревни Талицы Александр Николаевич с сопровождающими были в третьей декаде мая. (В двух документах я встретил дату их прибытия в Екатеринбург, которая на четыре дня опережает ту, что указана в дневнике Жуковского, и поэтому предстоит дальнейшее исследование.)

В 1845 году, знакомясь с промышленностью, Урал посетил герцог Максимилиан Лейхтенбергский. А 5 января 1846 года генерал-лейтенант Чевкин прислал из Санкт-Петербурга Горному начальнику Екатеринбургских заводов письмо следующего содержания: «Его Императорское Высочество (М. Лейхтенбергский (1817-1852) был женат на дочери Наполеона I, а потому носил личный титул императорского высочества. — Ред.) герцог Лейхтенбергский, бывши на Урале, в даче Екатеринбургских заводов всходил на одно из возвышений онаго, где началось разделение течения рек и сделал там собственноручно надпись. Столь достопамятный случай должен быть ознаменован прочным памятником, и поэтому прилично на месте, ознаменованном присутствием Его Высочества, воздвигнуть колонну из тесаного гранита. Для сего покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие приказать: сделать проект этой колонны и смету расходам, какие на то будут нужны; и то и другое прислать ко мне в С-Петербург. Деньги на это я предполагаю употребить из 5% капитала; посему надобно в назначении расходов быть сколь возможно умереннее».

Цесаревич Александр Николаевич.

Было представлено четыре проекта со сметами. Три варианта сделал архитектор Екатеринбургских заводов Эрнст Христиан Георг Сорториус и один — архитектор Уральских заводов Карл Густавович Турский. Лучшим проектом Чевкин признал вариант Турского, который одобрили и М. Лейхтенбергский, и министр финансов. Пояснительная записка Карла Густавовича: «Мраморный памятник предполагается сделать полированный, как значится по рисунку из 5-ти частей, две части из белого мрамора с орнаментами, и три части из светло-серого мрамора; фундамент под памятник предполагается вывезть из бута и обложить притесанным отборным диким камнем в перевязку. По собранным сведениям, мраморная работа будет стоить с установкою от 1500 руб. до 1750 руб. ассигнациями. Перевозка до 200 руб. Бутовая работа с обкладкою 200 руб. ассиг. Итого вся ценность памятника по высшей цене составляет 2150 руб. ассиг. или 600 руб. серебром».

Уже летом был подписан договор между Горным начальником Екатеринбургских заводов Павлом Ефимовичем Ахматовым и Василием Михайловичем Тра-

пезниковым.

«1846 года 24 июня в присутствии Главной конторы Екатеринбургских заводов служащий при Императорской Екатеринбургской гранильной фабрике, канцелярист Василий Михайлов Трапезников заключил сие условие, на приготовление по выданному ему рисунку, памятника на Березовой горе, от коей начинается деление вод на восток и на запад и на коей в 14-е сентября 1845 года Его Императорское Высочество герцог Максимилиан Лейхтенбергский изволил сделать собственноручную подпись на одном дереве...» Договор гласил:

«1. Мраморный памятник Трапезников обяыывается согласно выданному ему рисунка, приготовить самой лучшей и прочной отделки, полированный, с тем, чтобы две части сделать из белого мрамора с орнаментами, а прочие из светло-серого мрамора, фундамент под памятник вывезть из бута и обложить лицевую сторону притесанным, а прочие простым отборным диким камнем в перевязку.

2. Мрамор и дикий камень дозволить Трапезникову добыть и перезти к месту постройки собственным коштом из тех мест, где только он найдет удобным и чтоб мрамор, равно как и дикий камень, были соответственны предназначенной цели, стараясь как наивозможно найти их лучшего качества, добротные, словом, крепкие и без трещин.

3. Лес, потребный при добыче мрамора и дикого камня, Трапезникову употреблять из отведенного на месте постройки памятника, со всевозможным сбережением, не требуя с него за это изрядной платы денег.

4. Известь, нужную при кладке фундамента под памятник, Трапезникову отпустить из казны по стоящим ей ценам, без наложения процентов и следующие за это деньги удержать у Трапезникова из рядной платы. Что касается до песка, воды, делания творил и т. д., он Трапезников обяыывается производить на собственный кошт без всякой за то от казны платы.

На границе Европы и Азии. Открытка. Фото А. Грахова.

5. Когда будет приходиться принятая Трапезниковым на себя работа памятника к окончанию, то для освидетельствования оной в прочности и чистой отделке, командировать чиновника на счет казны, а не его, Трапезникова.

6. Памятник с его принадлежностями Трапезников обяывается выстроить непременно в течение нынешнего лета, употребляя все меры покончить его к четырнадцатому числу сентября месяца.

7. За приготовление памятника со всеми к нему принадлежностями, Трапезников рядил получить платы шестьсот рублей серебром, в число которых при написании сего условия, выдать ему половинное количество, т. е. триста рублей, а остальные триста рублей заплатить по окончательном установе памятника и освидетельствовании его в прочности.

8. В обеспечение исправного выполнения принятой на себя обязанности и взятых вперед денег трехсот рублей серебром, Трапезников представляет залогом собственный свой каменного строения дом, состоящий в первой части Екатеринбургской полиции, в улице называемой Однорядка.

9. Условие сие со стороны казны и его, Трапезникова, исполнить в точности».

Василий Трапезников выполнил условия договора в срок. Из Екатеринбурга на место установки памятника приехал архитектор Турский, который в сво-

ем отчете указал: «А/ Фундамент наружный или цоколь, обложенный притесанным отборным диким камнем, прочен, но по косогористому месту, с одной стороны несколько ниже. Б/ Мраморные части памятника сделаны согласно рисунка с орнаментными украшениями из 5-ти частей: искусно, правильно и чисто отполированы, но с тремя вставками, одна в верхней и две в большой средней части. С/ Второй части снизу с выкружкой следовало бы быть светлее, но несмотря на упомянутые погрешности, памятник мало теряет виду и прочности. А величина его, высокая отделка, затруднительная добыча больших мраморных штук, дальняя не временная перевозка и, наконец, затруднительный подъем и установка ломких, тяжелых штук на место неоспоримо стоит 600 рублей серебром».

Об авторе проекта памятника на Березовой горе известно следующее. Карл Густавович Турский (1803-1884) — архитектор Уральских заводов (1841-1884). Начал службу в 1821 году чертежником-художником Академии художеств. В 1832-1838-м был томским губернским архитектором. В январе 1841 года назначается архитектором Златоустовских заводов, а с декабря того же года — архитектором Уральского горного правления. Спроектировал и построил ворота с чугунной решеткой на Екатеринбургском монетном дворе (со стороны архива), здание Городского театра (позднее — кинотеатр «Октябрь», а сейчас — «Колизей»), здание госпиталя в Екатеринбурге на берегу Исети и другие объекты. В сентябре 1856 года награжден бриллиантовым перстнем «за безвозмездные труды по постройке зданий Екатеринбургской гранитной фабрики».

На пограничном памятнике была высечена надпись: «Память посещения этого места Их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем в 1837 году, и Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1845 году». Позднее на деревянной оградке памятника повесили таблички: с левой стороны — «Европа» и с правой — «Азия».

В дальнейшем столб стали именовать как обелиск на границе Европы и Азии.

В 1920-х годах надпись на памятнике сбили, и никто не вспоминал, в честь какого события был уста-

4 августа 2002 г. Хоккеист Павел Дацюк с кубком Стэнли на границе Европы и Азии. Фото В. Трусова.

новлен этот каменный столб.

В 1950-х годах вокруг столба сделали чугунную литую ограду, которую в середине 1990-х годов заменили столбиками с цепями.

Ныне на гору Березовую, на границу Европы и Азии приезжают почетные гости Урала и туристы со всего мира.

Итак, в 1846 году колонна была поставлена как памятник в честь пребывания здесь высочайших особ. Обелиск не был сориентирован на части света (восток и запад, север и юг), а обращен своею надписью к Сибирскому тракту.

В середине 1990-х годов при очередной реконструкции колонны кто-то распорядился провести от обелиска к дороге символическую черту, якобы разделяющую Европу и Азию. Но все школьники знают, что граница Европы и Азии проходит по Уралу с севера на юг, а не с востока на запад. Дезориентирует публику и чугунная плита, сообщающая о том, что столб установлен в 1937 году.

До 275-летия города Первоуральска остается четыре года. Есть время, чтобы отлить новую чугунную плиту.

Елена АРАПОВА, г. Верхний Тагил

Демидовы из Первопрестольной

С деяними уральских горнозаводчиков Демидовых сегодня знакомы многие. Но мало что известно о потомках этой знаменитой династии, наших современниках, оставивших, как и их предшественники, заметный след в истории России.

Служитель двух муз

Адриан Иванович Ефимов родился и вырос в семье художников: И.С. Ефимова, потомка Прокофия Демидова, и Н.Я. Симонович-Ефимовой, сестры великого русского художника Валентина Серова. Единственный сын в семье, окруженный с детства атмосферой творчества, он, тем не менее, выбрал для себя профессию геолога. Решающую роль в этом сыграл известный русский философ и ученый, профессор Павел Александрович Флоренский, частый гость дома Ефимовых. Он же на первых порах и помогал Адриану Ивановичу «встать на ноги» в науке. Как и многие

А.И. Ефимов с правнучкой Машей в кресле с Демидовским гербом (1998 г.)

выдающиеся личности сталинской эпохи, П.А. Флоренский закончил свою жизнь на Соловецких островах.

Тридцать лет своей жизни Адриан Ефимов провел в «скитаниях», занимаясь разведкой источников водоснабжения в Восточной Сибири. Будучи старшим научным сотрудником Института мерзлотоведения, он участвовал в исследованиях Западной и Центральной Якутии, где с 1955 по 1963 годы проводились

широкомасштабные буровые работы по разведке алмазных и газовых месторождений. Потомок Демидова был одним из пяти первооткрывателей Якутского артезианского бассейна, доказавших, что под мерзлым грунтом толщиной в четыреста метров находятся залежи пресной воды. Он участвовал в строительстве Иркутской ГЭС, проводил детальное обследование грунта в поисках безопасных площадок под промышленные объекты. Разработал ряд инженерных мероприятий, позволяющих закладывать фундаменты зданий в условиях вечной мерзлоты. А его теоретические расчеты о методах поиска подземных вод в дальнейшем подтвердились на практике.

Дома, в Москве, где его ждали жена и двое дочерей, Адриан Иванович появлялся редко. Но когда он приезжал (и часто не один, а в компании какого-нибудь «бродяги»-балагура), в доме наступал праздник. На огонек съезжались знакомые, друзья, и Адриан Иванович устраивал для них кукольное представление — так как вдобавок ко всему был умелым кукловодом.

Так продолжалось до 1963 года, когда Адриан Иванович наконец покинул Якутию и переехал в Москву, где работал в институте гидрогеологии до 1976 года. Им опубликовано более ста научных трудов.

Закончив походную жизнь, он смог заняться историей и искусством. Начиная с 60-х годов, он работает над художественным и литературным наследием своих родителей-художников, готовит к изданию их книги, а с середины 70-х целиком отдается архивам.

Этими годами датированы его письма, пришедшие на имя Н.И. Рябова, бывшего директора Верхнетагильского исторического музея. В письмах он описывает обстоятельства, связанные с разделом имущества между его предками-братьями после смерти их отца, известного заводладельца Акинфия Демидова.

Адриан Иванович помнил о своих «корнях». Работая над архивами, он обнаружил документы, каса-

ющиеся своего прямого предка Прокофия Демидова. Издавна считалось, что Прокофий избавился от Невьянской группы заводов из-за своей недалёковидности и лени. Молва приписывала Прокофию характер самодура. Адриан Иванович, пытаясь восстановить справедливость, убедительно доказывает, что Прокофий был не только меценатом и покровителем наук, но и знающим ботаником, селекционером. Да, бывало, он чудачил, — но беззлобно, и над его шутками смеялась вся Москва. Веселость была отличительной чертой его характера. Её унаследовал и Адриан Иванович: даже его научные статьи и заметки подчас не лишены определенной доли юмора.

Не без посредства А. И. Ефимова в Москве уже не первый год проходят Демидовские чтения, и потомки заводчиков бывают там желанными гостями.

Адриан Иванович имел обыкновение все значимые события, касающиеся жизни своего научного коллектива и своей семьи закреплять на бумаге: со временем интересные подробности стираются в памяти. И когда в кругу друзей или домашних он принимался читать свои заметки, радости не было границ. Иногда в доме Ефимовых устраивались целые концерты, а однажды выступал поморский писатель Б.В. Шергин. Аккомпанируя себе на гуслях, он пел о севере, об отважных рыбаках и утлых их суденышках, а с портретов безмолвно взирали знаменитые предки Адриана Ивановича — Никита, Акинфий и Прокофий Демидовы.

Как член общества Российского фонда культуры, Адриан Иванович участвовал в различных его мероприятиях — выставках, вечерах памяти выдающихся деятелей культуры, устраивал кукольные спектакли. По инициативе и при активном участии Адриана Ивановича был создан музей Валентина Серова, которому в дальнейшем он подарил фотографии и письма художника. Участвовал и в создании телефильма о русском живописце, поделившись с создателями фильма своими детскими впечатлениями.

В 93-летнем возрасте Адриан Иванович Ефимов ушел из жизни. Он был служителем двух муз, одна из которых — наука, а другая — история и искусство. И обем он послужил на славу, а себе — на добрую память.

Сестра художника Серова

Спутницы выдающихся мужчин... Как несправедливо мало внимания уделяет им история, нередко попросту не сохраняющая никаких сведений об их судьбах!

Отец и сын Ефимовы. (Художник Д.Д. Жилинский, 1955 г.)

У Акинфия, сына основателя династии, было две жены. О них мне сообщила в своем письме Елена Адриановна Ефимова, наследница Прокофия Акинфиевича. По ее словам, совсем недавно историк И.Н. Юркин в книге «Дом в Туле» приводит новые сведения, в частности, о том, что в первом браке Акинфий имел двух дочерей — Евдокию и Анну (вторая скончалась в младенчестве). А вот все три его сына рождены второй женой — Евфимией Ивановной.

Нет никаких сведений и о том, каким человеком была Евфимия. Пишущие люди того времени вообще не обозначили ее персоны в своих трудах.

Мы можем как-то судить о ней только по ее поступку. После кончины Акинфия в написанном его рукой завещании обнаружился «сюрприз» для наследников: оказалось, что все свои заводы он решил передать младшему из сыновей, Никите, материнному любимцу. По мнению Е. А. Ефимовой, этот «сюрприз» Акинфий уготовил именно по ее, Евфимии, настоянию.

Адриан Иванович Ефимов, который много лет активно реабилитировал демидовскую династию, не забывал о женщинах рода, в частности, о своей матери, Нине Яковлевне Ефимовой.

Она приходилась сестрой великому русскому художнику В. А. Серову и сама была художницей «по профессии, по духу, по образу жизни и мироощущению» — как и ее муж, также известный живописец. Впрочем, помимо живописи увлекались они и скульптурой, и керамикой, и театром — в частности, кукольным и театром теней.

По роду своей деятельности супругам очень часто приходилось бывать в разъездах, и Адриан всегда сопровождал родителей. В книге Нины Яковлевны «Записки художника» прослеживается постоянная

Елена Адриановна Ефимова.

борьба между ее материнской любовью и непреодолимым стремлением к творчеству. Не могла она позволить себе замкнуться в материнстве, но и «подбрасывать» ребенка родственникам на время своих разъездов тоже считала абсолютно неприемлемым.

Нина Яковлевна как человек, ценящий красоту мысли и слога, благоговела перед талантливыми людьми и регулярно во время домашних бесед записывала интересные высказывания тех, кто был в их доме, в том числе и русского философа Флоренского, порой и вступая с ним в спор. Много лет спустя Адриан Иванович, ее сын, систематизирует эти записи, и они частично будут опубликованы в философском наследии Флоренского.

В день свадьбы Адриана в роду Демидовых-Ефимовых появилась еще одна женщина — Екатерина Рейтлингер.

Познакомились они в Доме ученых на представлении кукольного театра Ефимовых, где Адриан, как

обычно, помогал родителям. С Екатериной Александровной он прожил дружно и красиво более шестидесяти лет.

Оба по профессии геологи, супруги выбрали разные направления деятельности. Адриан Иванович связал свою судьбу с Восточной Сибирью и ее недрами, а Екатерина Александровна работала в лаборатории геологического института Академии наук в Москве под руководством замечательных ученых-профессоров. К середине прошлого века она защитила кандидатскую диссертацию и впоследствии стала известным специалистом как в нашей стране, так и за рубежом. Ею опубликовано более ста работ, она соавтор четырех монографий и двух томов «Справочника по микрофауне».

А в свободное от основной работы время Екатерина Александровна с удовольствием разводила редкие растения и ухаживала за ними. На ее садово-огородном участке прижилась даже «каменная береза», специально привезенная в Москву с Камчатки.

В семье Ефимовых выросли две дочери, и обе также выбрали геологические профессии. Старшая из сестер, Наталья, умерла в возрасте 53 лет. Младшая, Елена Адриановна, работает ведущим научным сотрудником кафедры в Университете имени Ломоносова в Москве, кандидат наук.

Адриан Иванович и Екатерина Александровна богаты внуками и внучками, правнуками и правнучками. Так что есть кому бережно хранить и нести через годы и века память не только о выдающихся мужчинах демидовской фамилии, но и о женщинах, всегда идущих рядом с ними.

НЕ ДАТЬ СВЕЧЕ ПОГАСНУТЬ

Такое название носит долговременная благотворительная программа журнала «Уральский следопыт» и Содружества павленковских библиотек. Она направлена на поддержку библиотек (прежде всего сельских и школьных) и других социально малообеспеченных учреждений.

И вот наша очередная благотворительная акция.

По заявкам учреждений (детских домов, приютов, школ для слаборазвитых детей, Домов инвалидов и т.д.) редакция высылает почтовым отправлением следующие детские книжки (до 10 экз.):

- Р. Киплинг. Слононок.
- Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приемыш.
- «Бой Добрыни с Ильёй Муромцем» (русская былина в современном пересказе).

Более объемные заказы (до 100 экз. каждой книги) выполняются самовывозом.

Книги изданы Содружеством павленковских библиотек в рамках программы «Не дать свече погаснуть».

Книги для социально уязвимых учреждений передаются редакцией безвозмездно.

Георгий ПАВЛОВ

Оболенский в моей судьбе, или Почему в России пуд таланта

Встреча

В 1969 году я работал в «УРАЛТЭПЕ» в группе физиков-расчетчиков биологической защиты при проектировании атомных электростанций. В этом же году Свердловская киностудия объявила набор на разовые двухгодичные курсы кинорежиссеров научно-популярных фильмов на базе высшего образования. Первый год был теоретическим, и занятия проводились в вечернее время без отрыва от производства. Это меня устраивало.

На этих-то курсах мне и пришлось повстречаться с Леонидом Леонидовичем Оболенским. Он читал нам «Историю искусства». Первый раз я увидел незнакомого мне человека в кафетерии Центрального гастронома, что напротив входа в киностудию. До этого момента я подобное видел только в кино. Даже сейчас мне трудно подобрать те слова, которыми можно было бы описать мое первое впечатление. Лучше выразить одним словом — князь. Именно этот отрицательный типаж мне приходилось видеть в кино. Для Урала это была экзотика. На общем фоне его выделяла, в первую очередь, благородная стать, которую особо украшала его простота в обращении с незнакомыми ему людьми. Доброта искрилась из его глаз, естественная, приветливая улыбка, умение мгновенно расположить к себе собеседника и неумение смутить его, причинить ему неловкость. Чувствовалось, что за всю историю естественного отбора этого рода только благородные гены были откультивированы и сохранены.

В другой раз я увидел Леонида Леонидовича уже непосредственно на занятиях по «Истории искусства». Как он читал!? Описать невозможно, «нужно красок 40 ведер». Занятия проходили в вечернее время с 18 до 22 часов, но мы, как правило, прихватывали еще час-полтора и уходили приятно уставшими от такой эмоциональной перегрузки. Присутствие молоденьких курсисток настолько вдохновляло его, что он превращался в соловья и пел, переходя от трелей к руладам. Не только мы (технари) слушали его с отвисшей челюстью, но и гуманитарии, которым наверняка уже приходилось сдавать экзамены или зачеты по тому, что он сейчас нам читал.

Теоретический курс пролетел незаметно, на второй (практический) курс нужно было увольняться с работы. Я сделал это незамедлительно, тем более что зарплата моя

Георгий Павлов (портрет с фотографии 1970 г.)

увеличивалась. Мне хотелось выбрать фильм по интересующей меня теме. Разумеется, к этому времени у меня уже были свои задумки, и даже был готов киносценарий под названием «История развития мер и весов, или смертельная доза точности», но я не хотел его кому-либо показывать, надеясь на лучшие времена, когда «сами станем с усами». Но с нами обошлись так, как поступают на любом производстве: списочным указанием, кто к какому фильму прикреплен. Мне достался фильм «Техника безопасности на предприятиях цветной металлургии». Я был безмерно рад, потому что режиссером на этом фильме оказался Леонид Леонидович Оболенский. Вот где пересеклись направленные кем-то когда-то друг к другу векторы наших судеб!

По роду нашей деятельности мы проживали совместно в одном гостиничном номере. Меня сразу удивило то, что его мало интересовал наш фильм. В гостинице мы постоянно вели беседы о чем угодно, только не о том, что и как мы будем завтра снимать. Еще на Свердловской киностудии я приносил ему для оценки мои разработки по режиссерскому сценарию, но они также мало интересовали его. Зато он интересовал меня как великолепный рассказчик. Первое

(Окончание. Начало в № 2, 2003 г.)

время нашего совместного проживания в гостиницах он восполнял мои незнания, но только не по технологии кино, а его собственной персоны и, по мере возможности, удовлетворял мое любопытство.

В начале Октябрьской революции его отец был хранителем Эрмитажа. Леонид Леонидович принял революцию, ибо воевал потом в составе армии Блюхера.

После Гражданской войны он встречается с теоретиком кино Л.В. Кулешовым, снимается в его фильмах, читает курс лекций по «Истории искусств».

Постепенно, во время нашего совместного проживания в гостиницах различных городов, у Леонида Леонидовича появился интерес к моей персоне. Он не мог понять, почему я после окончания физико-технического факультета не захотел «грести деньги лопатой», а ввязался в рискованную авантюру, от которой мне ничего не светит. Он убедился, что я много чего знаю наизусть из Пушкина, Лермонтова, Байрона, Маяковского, Есенина и других «всяких там Демьянов». Из «Евгения Онегина» я знал наизусть добрую половину. Узнав, что родился я в уральской глуши, он был удивлен уровнем преподавания литературы в нашей школе. Пришлось ему объяснить, что в средней школе я даже не читал «Евгения Онегина» — потому что мне это не нужно было. Я учил его самостоятельно в течение двух лет в начальной школе, едва научившись читать, во втором и третьем классах. У меня однажды появились какие-то деньги, видимо, подарки моих бабушек. Я пошел на рынок купить чего-нибудь съестного, но моих денег не хватило даже на стакан семечек. Зайдя в книжный магазин, я увидел набор открыток, — как выяснилось впоследствии, на тему «Евгения Онегина», причем на одной стороне был написан текст, а на другой — рисунок. Сейчас мне вспоминается рисунок, который пояснялся следующим текстом:

Татьяна к окошку подошла,
На стекла холодные дыша,
Измучилась, моя душа,
И нежным пальчиком писала,
На отуманенном стекле
Заветный вензель «О» да «Е».

Для меня это был ребус, на расшифровку которого потребовался не один год, пока я не выучил наизусть все открытки, которых было около полусотни. Это меня и захватило.

Так я пристрастился к поэзии. Никто из моих учителей, тем более из друзей, этого не знал из-за моей природной застенчивости.

Таким образом, вечерами в гостинице мы устраивали литературные диспуты. Постепенно Леонид Леонидович начал понимать и мириться с мыслью, что я изменил своей профессии инженера-физика не случайно, а по призванию Всевышнего. Но, тем не менее, он бы никогда этого не сделал. Узнав, что я еще до института работал сварщиком, он заподозрил, что я «не того», и чуть было не потерял ко

Л. Оболенский. (Фото М. Тереньева.)

мне интерес. Его горький опыт подсказывал, что в советские времена лучше профессии сварщика не бывает.

Но интерес его ко мне еще более возрос, когда он узнал, что нам на физтехе три семестра читали радиобиологию, а перед моим распределением на Якутскую Республиканскую санитарно-эпидемиологическую станцию я прошел специализацию в Ленинградском институте радиационной гигиены. Оказалось, это был его конек. Он живо интересовался тем, что касалось влияния радиации на живой организм.

Между делом, он рассказал мне о своих взаимоотношениях с Кулешовым, Эйзенштейном, Игорем Ильинским, Пудовкиным, Хохловой, а также с Сергеем Есениным и Айседорой Дункан. Он имел серьезные намерения к Хохловой, но она вышла замуж за самого мэтра кино Кулешова.

Наступает 1937 год. Его за что-то арестовывают и отправляют в ГУЛАГ. За него хлопочет Кулешов, напомнив, что лояльным к советским властям был не только Леонид Леонидович, но и Оболенский-страший, перечислив все его заслуги перед советской властью. Никто не надеялся на успех, но Леониду Леонидовичу повезло. В 1939 году его освобождают, и он, возвратившись в Москву, начинает преподавать уже во ВГИКЕ и сниматься на «Мосфильме». С началом войны, несмотря на имеющуюся у него броню, Оболенский вместо эвакуации в Алма-Ату, куда эвакуируют весь «Мосфильм», идет на фронт добровольцем, обуреваемый единым и страстным порывом: «За Родину, за Сталина!» Попадает в окружение, оказывается в концлагере, расположенном у границы с Францией.

Он нашел общий язык с французскими пленными. Вскоре французы его предупредили, что он включен в список специальной команды для отправки на Восточный фронт. Оболенский слабо верил в успех этого мероприятия, но согласился на побег дал. Дорога длинная. Маршрут следо-

вания не известен. Что делать дальше — подскажут обстоятельства.

И вот эшелон, спешащий на Восточный фронт, а в нем — Оболенский. По его предположению, эшелон пойдет через Бессарабию, где много украинских и даже русских поселенцев. Так оно и вышло.

Проезжая по Бессарабии, на одной станции он заметил православного монаха и понял, что где-то поблизости должен быть монастырь. Мгновенно в голове созрел план. И снова ему повезло. Побег осуществился на славу. Настоятель приютил его у себя в монастыре. Там он и жил до освобождения русскими войсками. Во время вхождения их в город Оболенский был в числе ликующей толпы, и кто-то его узнал. На другой же день он был арестован и сослан под Норильск, где пришлось ему отбыть 20 с лишним лет из 25.

Поначалу было очень трудно, но потом лагерное начальство доверило ему постановку самостоятельных спектаклей с правом свободного подбора труппы из числа всего ГУЛАГА. Во вновь созданной им труппе подобрался состав, не уступающий лучшим театрам страны.

Я узнал, что до нашей встречи, по договору со Свердловской киностудией, он принимал участие в съемках фильма «Во власти золота» в качестве ассистента режиссера по актерам. То есть ему продолжали не доверять, не подпуская к самостоятельной работе над художественными фильмами. Я начал все более и более понимать, что имею дело с несчастнейшим и крайне бедным человеком. Ему с огромным трудом приходилось поддерживать внешне свой человеческий облик. Он десятилетиями лет не имел своего постоянного угла, поэтому ему нигде было притулить свою голову. В первый же день нашего совместного проживания в гостиничном номере он сразил меня наповал тем, что, ложась в постель, принялся чинить свои кальсоны, которые были в сплошных разноцветных заплатках.

Новый 1972 год мы со всей съемочной группой встречали на натурных съемках в Башкирии, в городе Учалы, но Леонид Леонидович не принимал участия в этом празднике. Он уехал в Челябинск. По его возвращению наши вечерние диспуты с ним продолжились. Он рассказал, что ездил к своей подруге, которая была студенткой одного из вузов Челябинска. Новый год ему пришлось встречать в кругу студентов. Встречей с подругой он был доволен, но сильно обескуражен уровнем культуры студенческого общежития и морально-этическим уровнем современного студенчества. В сравнении с его студенческими годами это выглядело полной деградацией. Похоже, впервые за 70 лет бедный «князь» столкнулся с извечной проблемой «отцов и детей».

Я, наконец, убедился, что Леонид Леонидович, будучи на восьмом десятке, продолжал оставаться ребенком и во многом был очень непрактичным человеком. Следуя христианской заповеди, он предпочитал оставаться ребенком и

верить, что наступит день, когда он будет востребован его родиной. А родина уже давно отвернулась от него.

Диспуты наши продолжались. Темой их оставался все тот же его конек — радиобиология, но не только. Мы много говорили о Библии, о живописи, о «Черном квадрате» Малевича.

Вскоре я подбросил Леониду Леонидовичу такую тему, актуальность которой продолжала волновать его, я думаю, до конца жизни. Эта тема придала ему такую энергию, которой хватило для того, чтобы свернуть меня с ложного пути и направить на путь Истины. Его, как и многих в то время, интересовали проблемы рака. И на этот раз темой дискуссии была радиобиология, причем на нее неожиданно свернул я сам. Леонид Леонидович рассказал мне про научную статью, в которой утверждалось, что при делении клетки живого организма испускается квант энергии, вектор которого имеет строго определенные величины и направление.

На этот раз уже меня осенила догадка. Прервав его, я сказал: «Если это так, то я могу объяснить, в чем причина появления раковой опухоли». Я на листе бумаги изобразил клетку человека в виде круга. Провел в нем диаметр, разделив его тем самым пополам и, продолжив его за круг, подрисовал стрелку. Точкой приложения вектора я выбрал центр воображаемой клетки.

Моя гипотеза заключалась в следующем. Если в процессе нормального деления клетки на две равные части (рис. 1) на самом деле появляется квант энергии, вектор которого имеет строго определенную величину и направление (рис. 2), то если клетка в момент деления подвергнется внешнему энергетическому воздействию, то результирующий вектор энергии уже не будет иметь строго определенную величину и направление. При этом клетка будет делиться на две произвольные части.

Л. Оболенский. На 87-м... (Фото А. Ушкова.)

— Именно так, а не иначе! — оживился Оболенский, не дослушав меня до конца. Я продолжал.

Если вектор от внешнего источника энергии совпадает по величине, но будет направлен противоположно вектору, возникшему при делении клетки, то эта клетка делиться не будет, так как суммарная энергия деления будет равна нулю. Эта клетка может потерять код наследственности и способность дальнейшего деления. Если же вектор внешнего источника не совпадает по направлению с вектором деления клетки, и будет составлять с ним какой-то угол (рис. 3), то результирующий вектор изменится как по величине, так и по направлению (рис.4). Это может изменить код самого деления, и клетка будет делиться на две не одинаковые части. Нарушится и сам процесс видового сохранения; станет развиваться нечто чужеродное организму, который будет бороться и отторгать новоявленное образование. Эта борьба может идти с переменным успехом, в результате которого может победить то или другое.

— Жорка! Мы сделали открытие! — зашептал Оболенский.

Ему хотелось написать о нашем «открытии» крупными буквами через все небо. Меня он стал представлять не иначе как потенциального лауреата Нобелевской премии. Вечерами в гостинице все темы дискуссий были закрыты, кроме одной — что делать дальше с нашим «открытием». Он советовал немедленно бросить все, вернуться в Свердловск и действовать.

По возвращении в киностудию он удивлялся, почему я проявляю нерешительность. Уверял, что студийная кормушка не для меня. Здесь меня заставят только вкалывать, а кормить будут только объедками с барского стола. Ни к какой творческой работе меня не подпустят и близко.

— Беги, беги из этого царства разрушения, не медли, пока еще есть возможность все исправить и спасти, — внушал он мне. — Сейчас тебе с Неба свалился шанс, не упусти его, ведь он может быть последним. Твое место в науке, а не в кино.

Для меня его слова были громом с ясного неба. Я не смог ничего ему ответить, потеряв дар речи. Мне требовалось какое-то время подумать, переварить и осмыслить

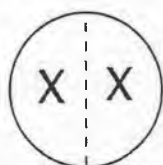

Рис. 1

Клетка до деления

Нормальные условия

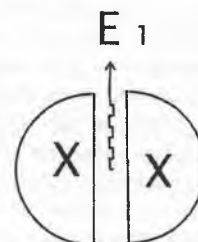

Рис. 2

Клетка после деления

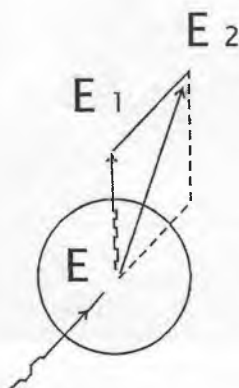

Рис. 3

Условия влияния внешнего кванта энергии

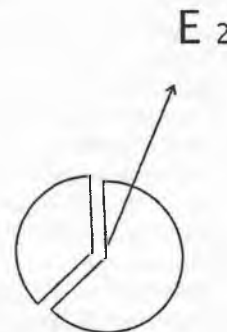

Рис. 4

все услышанное. Для меня вновь рушились все надежды. Я уже думал о том, что, если информация о делении клетки подтвердится, то можно будет начать с помощью Оболенского уговаривать академика Шварца, с которым он был на короткой ноге, открыть эту тему или любую другую, связанную с радиобиологией.

Вскоре, после монтажа картины, вся съемочная группа была расформирована. Оставшуюся часть работы осуществлял уже Леонид Леонидович с администратором нашего фильма. Я был прикреплен к другой съемочной группе — и опять ассистентом режиссера. Фильм назывался «Тормозная система локомотива». Съемки, в основном, проходили в Свердловске на станции Сортировка, поэтому с Леонидом Леонидовичем мы встречались почти каждый день. Он продолжал настойчиво рекламировать наше «открытие» и искать первоисточник интересующей нас информации. Но энергия, переданная мне Оболенским, вызвала во мне брожение. Я начал убеждать сам, что кино действительно не для меня, ибо Оболенский знает, что говорит, он обманывать меня не стал бы.

Расставание

Настало время Оболенскому ехать в Москву сдавать картину. Первоисточника о делении клетки он так мне и не нашел. Будучи в Башкирии на натуральных съемках, он узнал о кончине в Москве его учителя и друга Л. В. Кулешова. Следовательно, его бывшая любовь овдовела. В душе, видимо, затеплилась слабая надежда на ее руку и сердце. «Князю» на восьмом десятке лет негде было притулить голову. Нам казалось, что мы расстаемся ненадолго. Я продолжал работать над тормозной системой локомотива и звать Леонида Леонидовича.

Вдруг неожиданно я получил предложение возглавить кино-фотогруппу в одном из НИИ Свердловска. Это оказалось именно то, чем я занимался в институте. Фотографические методы исследования были темой моих студенческих научно-исследовательских работ. Они легли в основу и моей дипломной работы. То есть я нашел место, сулившее мне радужную научную перспективу. Самому мне бы и в голову не пришло оставить то, чего я сам упорно добивался.

Вскоре я занялся исследованиями, связанными с лазерной фотографией — голографией. Для меня это не было трудно, так как все базировалось на фотографии. Изучив основы голографии, я убедился, что она один к одному пытается копировать классический процесс образования скрытого фотографического изображения. Я сразу понял, что это ограничивает ее возможности. Все мои предположения и теоретические выкладки потребовали экспериментального подтверждения. Я перешел на преподавательскую должность в УПИ. Надежда на испытанный мною еще

в институте эффект соляризации оправдала себя. Впервые была получена позитивная голограмма на новой физической основе. Я опять вспомнил Оболенского. Его флюиды все-таки сделали свое дело.

Благодаря активному вмешательству в мою судьбу Леонида Леонидовича Оболенского, мне удалось стать ученым, защитив степень кандидата физико-математических наук, получить звание доцента, стать изобретателем и оставаться таковым по сей день. Часть моих первоначальных задумок, связанных с позитивной голографией и не осуществленных в свое время из-за отсутствия персональных компьютеров, удалось осуществить теперь. Темами моих изобретений являются устройства, базирующиеся на использовании лазерных технологий, в частности, применение синтезированных, с помощью компьютерной графики, голограмм в информационных системах. За мою 40-летнюю приверженность к лазерным технологиям и практический вклад, внесенный мною в эту область, я был избран членом-корреспондентом Инженерной Академии наук Российской Федерации по специальности «Лазерные технологии». Всему этому я обязан доброму человеку Леониду Леонидовичу Оболенскому!

Но не прошло и десяти лет, как все оборвалось. Рухнули в одночасье наука, кино и вообще всякое производство. Не лучше обстояло дело и у Леонида Оболенского. Его связь с вдовой Кулешова оборвалась, так как он опять стал невостребованным. Фильмы не снимались. Ему пришлось вернуться в Челябинск, к знакомой, с которой он встречал Новый 1972 год в студенческом общежитии. Несмотря на то, что он был старше ее на 50 с лишним лет, она не отказала ему в своем приюте и продолжала согревать его теплом своей души до конца его дней. Судя по тому, любительскому фильму, который, по случаю его кончины, был сделан ею из своих архивных материалов и показан по телевидению, мне стало ясно, что она искренне любила его. Я был рад за Леонида Леонидовича, что последние годы его жизни, наконец, оказались востребованными одной единственной женщиной. Я восхищен ее поступком и благодарен ей за то, что она сделала для Леонида Леонидовича.

Сейчас я на пенсии и, несмотря на то, что 1 сентября 2000 года отметил 50-летие своей трудовой деятельности, моей пенсии еще далеко до прожиточного минимума, — говорят, не хватает стажа. Квартиру мне так и не удалось получить из-за той же Перестройки. По-прежнему живу у разбитого корыта в общежитии родного УПИ. Я пришел снова к тому, с чего начал свою трудовую деятельность. Как работал по 16 часов в сутки, получая ставку разнорабочего 1-го разряда, так и продолжаю работать уже по 20 часов в сутки, тоже ничего не получая.

Схожесть наших с Оболенским судеб парадоксальна. Нам помешало одно и то же — Былос.

Валерий ПЛАСТИНИН

Часовня

Главная улица на Турьинских Рудниках (старая открытка).

Часовня Святого Князя Александра Невского была построена в поселке Турьинские Рудники во второй половине XIX столетия на народные деньги — в честь отмены крепостного права. Начиная с 20-х годов XX века, она долгое время стояла заброшенной, с заколоченными дверями и окнами. Лик святого на ее восточной стороне потемнел и едва проглядывал сквозь многочисленные набелы посеревшей от времени штукатурки. Деревянная крыша строения обветшала, местами покрылась мхом, а с ее южной стороны из мха пробивались к солнцу и свету ветки неизвестного кустарника. Северная же сторона часовни была изуродована металлической конструкцией, на которой торчали разбитые фарфоровые изоляторы и свисали ржавые провода.

А когда-то, неброско красивая, она входила в ансамбль культовых зданий поселка Турьинские Рудники и исполняла свои скромные обязанности. Здесь отпевали усопших, а в дни религиозных праздников святили куличи, яйца и прочую праздничную снедь. Невысокая, всего шестнадцать метров высотой, но ладно скроенная, огороженная кованой металлической решеткой, возвышаясь над окружающими ее одноэтажками, часовня украшала главную улицу поселка. Весь ее облик с гордо вознесенным вверх куполом как бы подтверждал старую поговорку: «Мал золотник, да дорог».

Но все же главной достопримечательностью часовни

была не внешняя общая привлекательность, а редкого мастерства и выразительности фреска, на которой в полный рост был запечатлен святой князь Александр Невский. Выполненная принятым в те годы методом многослойной штукатурки, она не боялась ни дождя, ни холода. В любую погоду князь мудро и спокойно, с терпением и пониманием наблюдал за круговертью событий, пронсящих мимо стен старой часовни.

А в событиях недостатка не было. В России вступал в свои права двадцатый век. Русско-японская война, первая Русская революция, народное ликование по поводу трехсотлетия Дома Романовых и шок от первой импе-

риалистической — все эти исторические вихри всколыхнули и подвели страну к тому времени, которое нынче одни называют Великой Октябрьской социалистической революцией, другие — октябрьским переворотом. И, может быть, именно в эти годы лихолетья впервые посуровел и помрачнел лик святого, словно предчувствуя тяжкие дни грядущего своего бытия. Затих в ожидании и поселок. Одни ждали, что вернется старый налаженный быт, а других увлекли идеи всеобщего счастья, социального равенства и братства. Последние победили. Началась новая жизнь, в которой религия признавалась опиумом для народа и все, что с ней было связано, подверглось осмеянию и разрушению. Как-то незаметно, в отличие от Максимовской и Фроловской церквей поселка, исчезли с часовни крест и купол, словно растворились в небытии, в которое уходила вся прежняя жизнь.

В первые годы Советской власти о часовне, казалось, забыли — навалились дела и объекты поважнее. Но все чаще, особенно в дни пролетарских праздников, на майские и ноябрьские торжества, как заноза раздражал новую власть лик святого, с укором и недоумением взиравший на суетливую круговерть и колонны демонстрантов. Поэтому дважды в год стали приходить рабочие и замазывать фреску известью.

Но после очередного дождя миру вновь являлся лик Александра Невского, словно сказочный богатырь, омы-

тый и возрожденный к жизни не дождевой, а живой водой.

Пустовала часовня примерно до начала тридцатых годов прошлого столетия, а затем ей нашли применение, и до конца сороковых в ней располагалась парикмахерская. Ну, а потом часовня стала элементом технического прогресса: в ней устроили трансформаторную подстанцию, и она под грозным оком святого питала электроэнергией дома жителей старой части города (в 1944 г. поселок Турьинские Рудники стал городом Краснотурьинском.).

Выдержав и это испытание, часовня после демонтажа трансформатора вновь зажила бесцельной жизнью.

Покой ее изредка нарушали рудничные мальчишки, да однажды она дала приют беглому зеку из колонии. Здесь его изловил и отправил на дальнейшую отсидку местный «карацупа» — старшина-сверхсрочник Алексей Степаненко.

Прошли годы. У власти в городе появились другие люди, для которых слова «история, память, наследие» были не пустым звуком. Менялось и само время. В начале восьмидесятых мне довелось возглавлять городской отдел культуры. Однажды первый секретарь горкома партии пригласил в свой кабинет и рассказал, как ему, молодому тогда руководителю городской комсомолки, партия поручала организацию субботников по соскабливанию со стены часовни изображения Александра Невского.

— И сколько бы мы его ни скоблили и ни забеливали, он проявлялся вновь и вновь, — говорил Первый.

— Так мне что, идти его доскабливать? — уже понимая, о чем дальше пойдет речь, спросил я.

— Нет. Пришло время часовню восстанавливать, — подвел итог разговору секретарь.

И снова пришли люди к часовне на субботник, но на этот раз они не ломали, не крушили, не скоблили, а очистили помещение от годами копившейся грязи и стали думать, с чего начать, как приступить к восстановлению памятника истории и архитектуры, с которым так неразумно, не со зла, а по невежеству своему, обошлись предшественники. Не простым это оказалось делом. Еще долгих восемь лет ждала часовня, когда поднимется на ней купол с золоченым крестом. Сначала попытались привлечь к реставрации часовни столичных спецов. Москвичи внимательно выслушали посланцев с Урала, похвалили за рвение к памятнику и вежливо отказали, сославшись на то, что им и в центре России дел хватает, а так как часовенка местного значения — то ждите, когда до вас руки дойдут, или восстанавливайте своими силами.

Стали искать умельцев у себя. Взяться было за работу известная в городе в ту пору бригада каменщиков В. Панькова, — но, проработав несколько дней, отказалась. Народ в бригаде был честным, своим добрым именем дорожил. Поняли, что кладка у часовни особая, и без грамотного, знающего архитектора им эту работу не поднять. А халтурить на таком объекте совесть не позволяет. И опять тихо стало у старой часовни.

А время шло. Заведующий отделом культуры стал секретарем горкома партии. Забот, понятно, у него добавилось, но мысли о восстановлении часовни покоя не давали. Как-то, будучи в командировке в Москве поделился ими со старым приятелем, архитектором, одним из создателей двух городских памятников. Евгений Георгиевич Ефремов оказался как раз тем человеком, которого так долго и томительно ждала часовня. И вновь появились возле нее люди, и часовня словно приподняла, распрямила за годы невзгод осевшие стены, как будто понимая, что закончилось для нее годы забвения.

Каждый день происходили события, приближающие час ее воскрешения. Поднялись строительные леса, начался ремонт фасада. Другие рабочие приступили к изготовлению каркаса купола часовни и — совсем уже не виданное по тем временам дело — на одном из предприятий города отливали четырехметровый православный крест...

Не было в те дни в городе более популярного строительного объекта. Одни останавливались и молча наблюдали за работами, другие пытались подсказать и помочь рабочим советами, а третьи недоуменно пожимали плечами, задавая молчаливый вопрос: зачем это? И надолго ли? Но все понимали: что-то в этом мире меняется. И вот, наконец, настал день, когда поднялся над часовней купол, и в небе над городом засиял золоченый христианский крест, как символ возрождающейся, новой России... И вновь стал светел и ясен лик святого князя Александра Невского, спокойно взирающего со стены часовни, и, казалось, что взгляд его из глубины веков устремляется в будущее.

Добавим к сказанному, что средства на восстановление часовни выделили трест «Базстрой», Южно-Заозерский прииск, Краснотурьинская птицефабрика. Изготовление креста взяли на себя рабочие управления «Уралметаллургомонтаж». Столярная мастерская Южно-Заозерского прииска выполнила работы по изготовлению маковки на купол, окон и дверей. Управление «Спецстрой» выделило технику для перевозки и поднятия каркаса часовни. Военно-пожарная часть №17 обеспечила тройку специальной техникой для обработки купола и фасада. Плотник по имени Николай из поселка Рудничный (фамилия, к сожалению, автору статьи неизвестна), выполнил практически все работы по дереву. Словом, и восстанавливали часовню тоже всем миром — как издавна повелось на Руси.

Прошло с тех пор более десяти лет. В Свердловской области и в городе Краснотурьинске сделано очень много по восстановлению православных святынь. Реставрированы храмы Верхотурья, Екатеринбург и других городов. С позиции сегодняшнего дня реставрация часовни в Краснотурьинске кажется событием малозначимым. Но большое начинается не само собой, а с малого. Первые шаги возрождения 15-летней давности (а они не бывают простыми) — это уже тоже история, о которой нельзя забывать.

Владимир ПУРОНЕН

Какие бывают монеты?

Монета... Откуда взялось это столь привычное для нас название металлических денег?

Этим словом металлические деньги привычного нам образца впервые стали называть в Древнем Риме приблизительно с конца третьего века до н. э. Монета — имя собственное, одно из почетных прозвищ древнеримской богини Юноны, супруги верховного римского божества Юпитера. В переводе на русский «монета» примерно то же самое, что «советница», «пророчица», «охранительница». В древнеримском пантеоне Юнона-Монета числилась главной богиней-покровительницей Рима. Но какая же связь между Монетой и монетами? А все дело в том, что первый римский монетный двор находился при храме Юноны на Капитолии. Вот и металлические деньги в Риме стали называть монетами. А когда Рим сделался центром мировой державы, это название широко распространилось по всему свету и со временем стало общепринятым во многих странах, в том числе и у нас.

Первоначально монеты чеканились из благородных металлов, точнее — из их сплавов. Тому было несколько причин. И серебро, и, особенно, золото — металлы очень пластичные, «мягкие». Поэтому изделия из чистого золота быстро приходят в негодность, стираются. Добавка (лигатура) к золоту серебра или меди делает золотые монеты более твердыми, а следовательно — более долговечными в обращении. В качестве добавки к серебру обычно использовалась медь.

Золото и серебро на протяжении более двух тысяч лет были главными монетными металлами. Главными, но не единственными. Третьим монетным металлом была медь. Правда, найти монету из чистой меди непросто, так как уже в древности для изготовления медных денег пользовались сплавами. Чистая медь для монетного дела неудобна, она также излишне мягка и подвержена коррозии. Так что «медные» монеты на самом деле чаще всего являются бронзовыми, изготовленными из сплава меди с оловом. Но в обиходе, а также в популярной литературе монеты из медных сплавов (не только с оловом) час-

*(Продолжение серии статей.
Начало в № 1-2, 2003 г.)*

Золотая монета Бактрийского царя Евкратиды (около 200 лет до н. э.)

то называются просто медными.

Золото, серебро, медь... На монетах Древнего Рима, начиная с императора Коммода, все три монетных металла изображались иногда символически в виде трех прекрасных женщин. Аллегория отражала реальное положение дел — в Римской империи чеканились и золотые, и серебряные, и медные монеты. А вот в некоторых городах-государствах Древней Греции «своих» золотых или даже серебряных денег, случилось, не было вовсе.

Конечно, золото — металлы более ценный, чем се-

ребро, и золотую монету обычно можно было разменять на десяток и более равных по весу серебряных. Но вплоть до девятнадцатого века из-за частой нехватки золота основным монетным металлом являлось все-таки серебро, добыча которого из века в век все увеличивалась. Кстати, во французском языке слова «серебро» и «деньги» звучат одинаково. А с конца прошлого века именно золото стало главным монетным металлом в большинстве стран мира.

Скупка золотых монет стала выгодным вложением капитала. В результате некоторые страны, в их числе Великобритания, ЮАР, Панама, возобновили чеканку золотых монет, продажа которых — в основном, за границу, — стала давать изрядный доход государственной казне. Наибольшим спросом на международном золотом рынке пользуются кюргеррэнды ЮАР и соверены Великобритании.

Помимо золота, серебра и меди, для изготовления монет использовались и другие металлы. Но если раньше эти самые «другие» металлы употреблялись в исключительных случаях, то сегодня они успешно конкурируют с медью.

Со середины прошлого столетия в монетном деле стал использоваться никель. Монеты из чистого никеля — редкость, гораздо чаще этот металл, как и олово, применяется в качестве лигатуры. Говорят, что все новое — хорошо забытое старое. Впервые монеты из никельных сплавов выпускались в Бактрии — государстве, возникшем на развалинах державы Александра Македонского, еще лет за двести до н. э. В то время никель был редкостью, стоил дорого, и плавить его умел далеко не каждый. Сегодня монеты из медно-никелевых сплавов чеканятся во многих странах мира. В США во второй половине прошлого века монеты мелких номиналов даже получили прозвище «никель».

Первая мировая война внесла заметное расстройство в хозяйство многих стран. Наряду с другими металлами, медь и никель почти полностью расходовались на военные нужды. Волей-неволей приходилось искать им замену из менее дефицитных материалов. К этому времени относятся попытки чеканить монету из стали и алюминия. Однако такие деньги широкого распространения не получили. Тем не менее, итальянские монеты достоинством в пятьдесят лир с 1939 года и по настоящее время изготавливаются из специального стального сплава — акмонитала. Из стали с медно-никелевым покрытием чеканятся «даймы» — десятицентовики США.

Гораздо большим успехом пользуются деньги из алюминиево-магниевого сплава, впервые появившиеся еще в конце Первой мировой войны. Такие монеты выпускаются во многих странах, в том числе в

Ольвийская медная монета.

Германии, Польше, Венгрии, Румынии, КНР, Индии, Монголии...

Фарфоровые деньги (их, как и некоторые другие, принято называть «деньги чрезвычайных обстоятельств») выпускались время от времени в Германии, главным образом в Саксонии, с конца восемнадцатого века и до 1921 года включительно.

После Первой мировой войны в Германии свирепствовала небывалая инфляция, когда бумажные деньги обесценивались с каждым часом (именно с каждым часом — здесь нет преувеличения), а металлические полностью исчезли из обращения. (Вообще во время мировых войн в Германии в большом ходу были всевозможные заменители, «эрзацы» необходимых товаров.)

Казалось бы, стекло — материал слишком хрупкий и для монетного дела совершенно непригодный. Но в музеях Чехии сохранились стеклянные монеты, ходившие в Восточной Словакии в пятнадцатом столетии.

Все знают, что есть кожаные куртки, сапоги, шапки, но — монеты? А ведь есть упоминания древних, что в Карфагене одно время в ходу были деньги из кожи. Какие-то кожаные деньги («жеребья»?) вроде бы обращались кое-где на Руси... В отделе нумизматики Государственного исторического музея сохранились кожаные денежные знаки (марки) Российско-Американской компании разного достоинства — от десяти копеек до десяти рублей. (В Канаде сохранилась марка в двадцать пять рублей.) Эти деньги печатались на тюленьей коже и обращались в российских владениях в Америке до 1867 года, когда Аляска и близлежащие земли были проданы США.

Как видим, для изготовления монет использовались материалы достаточно разнообразные.

Наверное, следует кое-что рассказать о размерах и формах монет.

Какая монета является самой маленькой? Здесь среди специалистов нет единого мнения. Если верить сообщениям периодической печати, самой маленькой серебряной монетой была непальская монета-крошка, выпущенная примерно в 1740 году. Ее масса — около одной сотой грамма, и размер примерно четыре квадратных миллиметра. За право считаться самыми маленькими золотыми монетами могут поспорить нюрнбергский «дукат» 1699-1700 гг. и так называемые «булавочные головки» — золотые монетки, выпущенные в Южной Индии, в Кольпате, около 1800 года. Вес тех и других близок к одной десятой грамма.

А вот самыми крупными по размеру и стоимости золотыми деньгами были, наверное, отчеканенные по повелению Великого Могола Шах-Джахана (он же построил Тадж-Махал) в 1654 году монеты номиналом в двести мухр (мохур), что в переводе составляло примерно пятьсот английских фунтов стерлингов. Монета в двести мухр имела вес около 2 200 г при диаметре почти тринадцать сантиметров. Отпечаток такой монеты хранится в Британском музее в Лондоне. Последний известный экземпляр исчез в индийском княжестве (сегодня — штат) Бихар в 1810 году. Из сохранившихся до наших дней золотых монет на звание самой большой может, скорее всего, претендовать японская монета XV века. Она сохранилась в

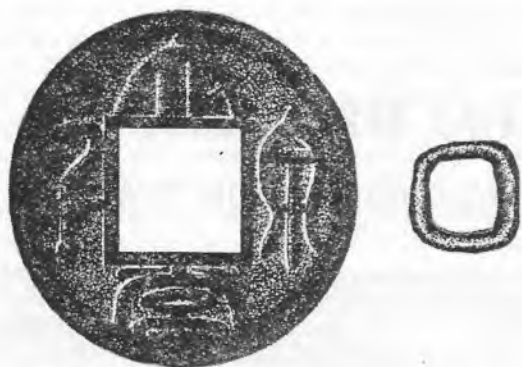
Фарфоровая монета из Саксонии.

единственном экземпляре, является государственной собственностью, редко выставляется, и точного описания ее найти не удалось.

Если вы пробьете в монете дырку, вы ее безнадежно испортите. Но если вам в руки попадет монета с отверстием в центре, не спешите зачислять ее в фальшивки или в брак. Такие монеты вполне официально выпускались в Дании, Китае, Монголии, Вьетнаме. Их чеканили для своих колоний Франция и Бельгия, а однажды — для Нового Южного Уэльса (Австралия) — и Англия... Назначение отверстий было различным. В Дании они служили средством различения номиналов. В Азии и кое-где в Африке монеты традиционно нанизывают на шнуры, так их и считают — связками. При этом в каждой связке — определенное коли-

Сестрорецкий медный рубль весом в 1 кг. Такие рубли предполагалось использовать для выкупа ассигнаций.

*Китайские монеты III в. нашей эры: 1000 шу и 5 шу.
На последней, называемой «журавлиный глаз»,
из-за уменьшенных размеров не осталось места
для иероглифов.*

второй половине XVIII века в Трансильвании. (Сегодня эти шестиугольники — большая редкость.)

И в нашем столетии, например, в Германии, в форме квадратов выпускались пробные, памятные и наградные монеты.

В разное время среди монет встречались и гиганты, и карлики, деньги в форме плит, колец, чечевиц, капель, многоугольников и вообще неопределенной формы, золотые, серебряные, медные, стальные, алюминиевые и т. д. Но все они — полноправные члены страны нумизматики.

чество монет. А вот монеты для Австралии перечеканивались в начале прошлого века из мексиканских песо, которые после вырубки в них большого отверстия и нанесения новых надписей должны были считаться пятишиллинговыми кронами.

Нечасто можно встретить квадратные или многоугольные монеты из драгоценных металлов. Но бывали и такие. Большинство из них — скандинавского или греческого происхождения. Их название — «клиппы», и известны они с XI века. Чаще всего такие монеты выпускались в чрезвычайных обстоятельствах, когда не хватало или просто не было нужных мастеров, инструментов и времени. Часть клипп — «осадные» монеты. В многочисленных войнах средневековья и начала нового времени осады городов длились месяцами и даже годами. Неудивительно, что при этом у осажденных или у осаждающих, или у тех и других одновременно, иссякали запасы наличных денег, а торговцы продовольствием и боеприпасами, как правило, в долг не давали. И тогда монету готовили из подручного серебра, часто даже из столового.

С XVI по XVIII век в Мексике и Перу чеканились грубые, угловатые, неправильной формы серебряные монеты, называемые «макукинами». В Европе их называли также «корабельными деньгами». Предполагалось, что их чеканят моряки во время плавания через Атлантику, а такой путь в те времена мог длиться месяцами. Чаще всего макукины потом перечеканивались в местную монету.

Золотые монеты достоинством в десять дукатов в форме правильных шестиугольников чеканились во

“Все флаги в гости будут к нам”

Урал — земля не только погранично-евразийская, но и издревле населенная многими национальностями, как ее недра — самоцветами. И хотя мы порой даже не сразу узнаем, что наш сосед по улице или лестничной площадке — грек, башкир, уроженец солнечного Юга или сибирского севера, это не мешает каждому из нас ощущать себя представителем своего народа, беречь язык, традиции, культуру этноса.

Страницы нашего журнала всегда были открыты для авторов всех национальностей. Чтобы четче обозначить этот межнациональный принцип, «Уральский следопыт» объявляет конкурс на наилучшее освещение национально-культурной политики в регионе, который пройдет под патронажем областного Министерства культуры.

Лучшие конкурсные работы, написанные в русле «следопытской» тематики, будут поощрены и напечатаны на страницах журнала.

Конкурс будет проходить с марта по ноябрь 2003 г.

В том же русле лежит и другое начинание редакции — подготовка в рамках проекта «Уральский этнос» серии книг «Народы и народности Свердловской области». В богато иллюстрированных изданиях, как сказал поэт, «все флаги в гости будут к нам», и каждый этнос предстанет во всей своей историко-культурной неповторимости.

Приглашаем к участию всех заинтересованных.

Редакция журнала “Уральский следопыт”

Владимир ШИЛОВ, г. Березники

Канкор, или дом на Каме

(Недра древнего Пыскора открывают свои тайны)

Минувшим летом в селе Пыскор вели археологические изыскания историки Пермского госуниверситета. Участвовали в раскопках и юные березниковские археологи из ЦДЮТТ под руководством С.В. Скорняковой. Они впервые обнаружили здесь каменные скребки, чей возраст — 6-7 тысяч лет! То есть на правом берегу Камы, напротив нынешних Березников жили люди каменного века!

Еще раньше в окрестностях Березников были открыты стоянки первобытного человека с массой кремневых находок: микропластины, острия, концевые и овальные скребки, сверла, уникальные желобчатые шлифовальники из мелкозернистого песчаника для обработки косяных наконечников стрел и дисковидное орудие. И возраст этих стоянок мы датировали VIII-VII тыс. до н. э.

В середине 90-х годов XX века в Усольском районе близ деревни Таман была открыта стоянка эпохи палеолита (это древнекаменный век, имевший место 20 тысяч лет назад. Пока это самая северная из известных в Прикамье стоянок первобытного человека. А ведь на левый берег Камы, на котором раскинулись Березники со своими окрестностями, еще ни разу не ступала нога археолога. Как сказал поэт: «О, сколько нам открытий чудных...»

Но вернемся к Пыскору. Это древнейшее (после Соликамска) средневековое селенье на территории Верхнекамья, в котором селилось как местное аборигенное население, так и пришлые русские люди. Годом его возникновения нынешние пыскорцы считают 1558-й. Кстати, об этой дате писал Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского»: «...довольные царскою милостью, деятельные и богатые Строгановы основали в 1558 году близ устья Чусовой городок Канкор, на мысу Пускорском (где стоял монастырь Всемилостивого Спаса)».

Уважаемый историк ошибся, написав «близ устья Чусовой», — видимо, прочитав грамоту Ивана IV Грозного, он не очень внимательно познакомился с картой. А самая первая жалованная грамота Ивана

*Пыскорский монастырь
(старая гравюра).*

Грозного Григорию Строганову, сыну сольвычегодского солепромышленника Аники Строганова, была дана на земли от устья Лысьвы в районе Соликамска и вниз до р. Чусовой по обоим берегам Камы (то есть Строгановы получили всю современную территорию Березников!). И начали строить свои укрепленные городки. В том же году они возвели укрепленный городок Канкор, т. е. Пыскор. Прежнее коми-пермяцкое название в переводе означало: «Жилище (или) дом на Каме». В 1564 году появляется Кергедан (Орел-городок), а в 1568 — Нижний Чусовской городок...

В Пыскоре Строгановы основали Преображенский мужской монастырь. Сначала он располагался на реке Нижней Пыскорке (южная окраина села), а в 1570 году переместился на реку Верхнюю Пыскорку — на место того самого, еще с коми-пермяцким названием городка Канкор. Сегодня от монастыря сохранилась уникальная, 1695 года постройки каменная Никольская церковь, которая первоначально была сооружена как монастырская ризница, а затем обращена в больничную церковь при монастыре. После закрытия монастыря она стала приходским храмом для жителей села. Никольская церковь — удивитель-

ное творение прикамских зодчих, прекрасно дополняющее неповторимый пейзаж с камскими просторами. Она стоит на северной окраине села, на высокой горе. Но сегодня, к глубокому сожалению, пребывает в крайне бедственном состоянии.

Известно, что каменный Пыскорский Преображенский монастырь в свое время был одним из богатейших в России. Как писали в 1868 году «Пермские Епархиальные ведомости», монастырю принадлежали: вотчинные земли по берегам Камы на 50 верст, до 50 сел и деревень, несколько солеварен и три подворья — два в Москве и одно в Соликамске. Как видим, вся территория современных Березников с окрестностями долгое время была вотчиной богатейшего российского монастыря.

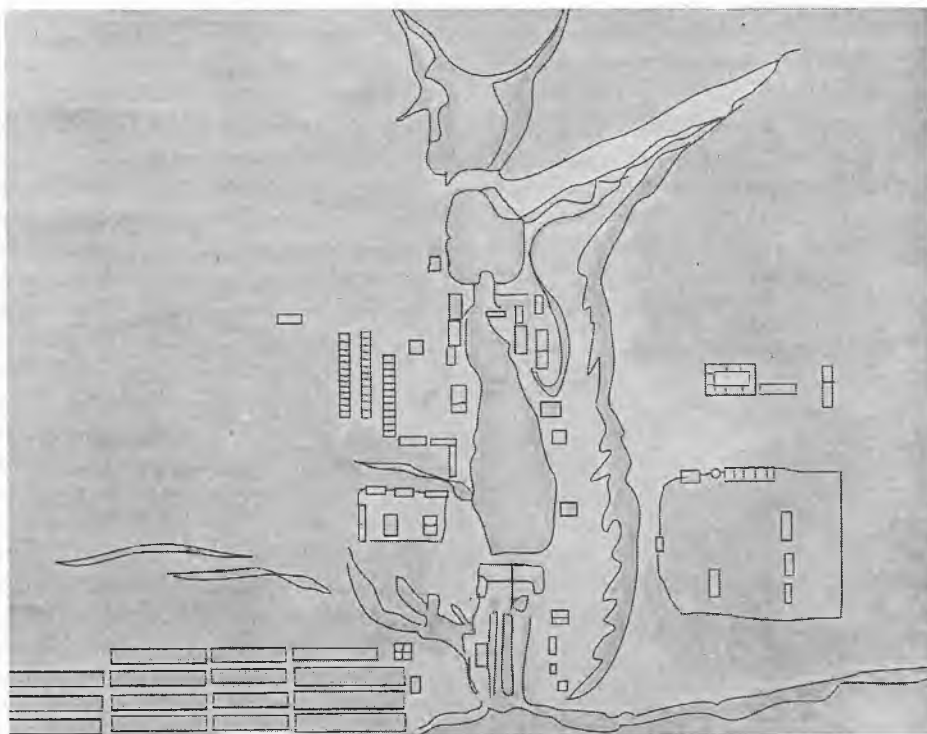
Во время раскопок 1993 года на месте разобранного Спасо-Преображенского собора археологи обнаружили остатки фундамента, деревянные настилы, погребение конца XVIII века, а также печные изразцы, лепнину — детали отделки собора, и много бытовых вещей. Между речками Верхняя и Нижняя Пыскорка (притоки Камы) на 10-метровом берегу найдены следы поселения, основанного в 1570-е годы как монастырская слобода. А может быть, это и остатки женс-

кого Введенского монастыря, прекратившего существование в середине XVIII века, на что наталкивают находки керамики, монет, фрагментов слюдяной окончины...

В 1970 году свердловские археологи из УрГУ, а позднее и прикамские археологи, нашли материальные свидетельства существования Пыскорского медеплавильного завода (первое о нем упоминание относится к 1630-м гг.).

Впрочем, строительство плотин для этого первого на Урале медеплавильного завода подробно описал управляющий Уральскими казенными заводами Вильгельм де Геннин. До настоящего времени сохранились три плотины: нижняя, средняя и верхняя. Мосты и шлюзы по ветхости не восстановимы, пруды спущены...

Эти уникальные инженерные сооружения старых прикамских мастеров заслуживают того, чтобы стать историческими памятниками ирригационной и промышленной архитектуры. (Этому способствует и подписанный 25 июня 2002 года Президентом РФ В.В. Путиным Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».)

*План Пыскорских заводов, 1735 г.
(реконструкция старинной карты).*

Николай ЧЕРЕМНЫХ

«Кукушка» и ее дети

Завидна, интересна история узкоколейной железной дороги, соединяющей Нижний Тагил с поселком Висимо-Уткинском. Она пересекает Уральский хребет и границу Европа-Азия.

Дорога — детище уральских заводчиков Демидовых. Выплавлялся металл — требовалась и его отгрузка. Приходилось доставлять его прямо в Петербург.

Хроническое российское бездорожье вынудило Демидовых построить узкоколейку до реки, что давало возможность заводчикам отправлять железо водным путем по Чусовой. Обратно из висимских краев везли в город лес, древесный уголь для домен, камень для строительства. И у населения поселков появилась возможность пользоваться железнодорожным транспортом.

Началом строительства узкоколейки считается весна 1895 года. Первый отрезок дороги был проложен до поселка Антоновского, а к 1897 году ее протяженность составила уже 64 км. В 1926 году было проложено еще 11 километров рельсов — до Соловьевского рудника, откуда и по сей день вывозится камень дунит.

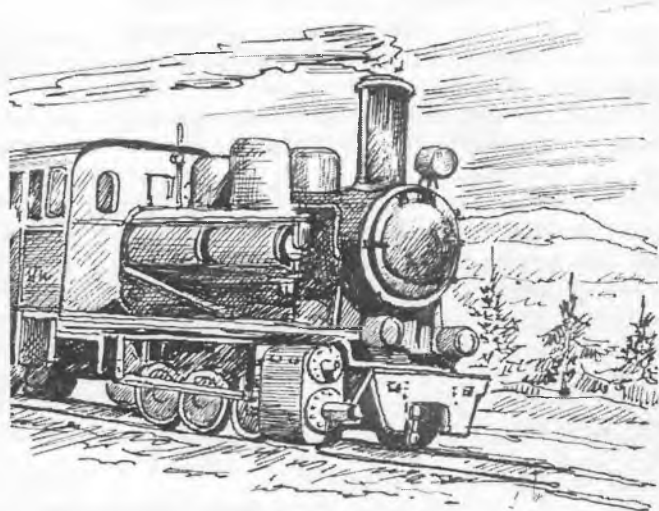
Первый паровоз для узкоколейки был доставлен из Германии. Позднее к выпуску знаменитых «кукушек» приступили и отечественные заводы — Коломенский и Невьянский.

Ширина колеи дороги равнялась 844 мм. Однако в 1960 году ширину уменьшили до 750 мм. Это было связано с тем, что паровозная тяга менялась на тепловозную. В 1964 году свой первый маршрут по дороге проложил тепловоз. Древесно-угольное топливо паровозов заменили на более экологически чистое — жидкое.

В лучшие времена по дороге в год перевозилось до 24 тысяч пассажиров. А также, как и прежде, везли лес, стройматериалы, дунит.

Многие годы узкоколейка была собственностью металлургического комбината, затем ее передали Высокотемпературному обогатительному комбинату.

Была у дороги еще и своя жизнь, неподвластная статистике. Она оставляла неизгладимые воспоми-

нения у тех, кому долгие годы приходилось пользоваться ее услугами. По этой дороге жители поселков отправлялись на фронт в 1941 году и с победой возвращались в 1945-м.

Запомнилось послевоенное время, когда для нас, пацанов, поездка на поезде в город казалась сказочным путешествием в большой, шумный мир.

Станция Висим, билетное окошечко, водокачка, узкая полоска рельсов, сбегающих у горизонта, железная рука светофора — вот те признаки, по которым узнавалась железнодорожная станция. Но каков был паровоз! Маленький, пузатенький, с огромной трубой и зычным голосом. Злая тетка-кондуктор, хмурый главный контролер, вагончики, раскачивающиеся на ходу, готовые вот-вот сорваться, скатиться под откос...

В воскресные дни все вагончики облепляли пассажиры, что тебе пчелиный рой. На крыше, на подножках вагонов — туристы с рюкзаками, рыбаки со снастью, пионеры и школьники со своими строгими воспитателями-учителями. Гомоня и толкаясь, они спешили занять лучшие места. Не всем удавалось приехать, однако ни один пассажир не оставался на перроне — все как-то размещались в вагонах и даже на вагонах. До билетов ли было!

И пыхтит этот чудо-транспорт, надрывается. Быва-

ло, что скорость паровоза равнялась скорости пешехода. Молодые люди умудрились нарвать букет полевых цветов и, к восторгу других пассажиров, на ходу поезда вручить цветы своим подругам.

Не всегда хватало сил у железного «пузатика» затащить состав на очередной подъем. Тогда добровольцы высаживались из вагонов, и облегченный паровоз наконец-то одолевал подъем.

Застали мы еще в вагонах и послевоенные печки-буржуйки, корыта с углем. Романтично было в зимнюю стужу усесться возле печки и смотреть на огонь, думать, мечтать, разговаривать...

А сколько молока, творога, сметаны перевозили в город жители Висимо-Уткинска, Висима, Черноисточинска и других сел, что расположены вдоль узкоколейки! Утром — в город, вечером — домой. Непременно проходил по вагону главный ревизор состава — высокий, строгий Саша Ковальчук с сумкой через плечо. Иногда его сменяла добрая, приветливая Полина. Это были личности! И сейчас, уверен, пассажиры вспоминают их добрым словом.

А какая была вода в колодце на станции Чауж! Чистая, родниковая!

Живописно выглядела людская лавина, когда состав прибывал на станцию Кедцы-Быково в Нижнем Тагиле. Дав прощальный свисток, паровозик отправлялся в депо, на отдых. А публика с сумками, рюкзаками, а то и налегке вывалившись из вагонов, обгоняя друг друга, заполняла Горбатый мост (нынче — достопримечательность города). И только за мостом эта живая масса растворялась в домах и улицах, чтобы позднее снова сбежаться на станцию Кедцы-Быково и повторить все сначала. И так — каждый день, каждую неделю.

В последние годы, когда «кукушки» перешли на жидкое топливо, стало меньше грязи, выше скорость. И вагончики стали более комфортабельными.

Но время диктует свои правила. Уже несколько лет, как жители поселков Висим, Висимо-Уткинск не слышат стука колес любимой «кукушки». Не стало хозяйина у дороги. Нерентабельна она, невыгодна нынешним хозяевам. А сто с лишним лет она была выгодна? Конечно, нет. Но ни заводчикам Демидовым, ни белым, ни красным и в голову не приходило отказываться от ее услуг.

Ходят слухи, что дорогу восстановят. И как в прежние годы, по ней будут ездить люди, любоваться красотами Уральского края, посещать места, воспетые писателем-уральцем Д.Н. Маминим-Сибиряком. Сбудется ли мечта, покажет время.

Рисунки автора.

Юрий ДУНАЕВ, г. Первоуральск

Фаламиха-Паламиха

На современных картах и в путеводителях можно отыскать гору и речку под названием Фаламиха. Речка течет с западного склона горной гряды, протянувшейся с севера на юг западнее рабочего поселка Билимбаев. От горы Липовой до Крутых гор тянется возвышенное плоскогорье, с восточного склона которого истекают многочисленные Каменики — притоки реки Билимбаевки; а с западного склона — речка Фаламиха. Она течет с востока на запад и вливает свои воды в Большой Шишим в шести километрах выше его устья. Длина речки Фаламихи от истока до устья около десяти километров.

Название «Фаламиха» встречается только на картах и в путеводителях, в то время как местные жители именуют гору и речку Паламихой.

Совершенно невозможно объяснить происхождение названия «Фаламиха». Ни в справочниках, ни в словарях не встречается такого имени или его производного. А вот имя «Паламиха» имеет свой «исток». Его следует отнести к антропонимам, т. е. к названиям, происходящим от имени человека.

В далекие времена «гонимые за веру отцов и матерей ревнители древнего благочестия» бежали на Урал. Места здесь были привольные, леса богаты зверем, пушниной, грибами, ягодами; реки — рыбой, сама природа — девственная. Приверженцы старой веры селились в глухих местах, близ водных источников, на берегах рек — подалее от глаз царевых людей.

У источника, на берегу горной речки поселился крестьянин-раскольник по имени-прозвищу Паламошный. Это имя указано, например, в словаре «Древнерусских личных собственных имен» (СПб, 1903). И, как это часто бывало, имя первожителя перешло на речку, которую стали именовать Паламошной. На Среднем Урале, в бассейне реки Чусовой большинство рек получили названия от имен первопоселенцев. А они были, в основном, из числа раскольников.

Язык находится в постоянном движении, видоизменяется, а вместе с ним претерпевают изменения названия географических объектов. Во второй половине XIX века произошла трансформация названия, в которой принял участие суффикс «-иха». Он преобразовал прилагательное в существительное, и получилась «Паламиха». А от гидронима название перешло на гору.

Искаженное название попало на географическую карту, скорее всего, по оплошности картографа. А что написа-

но пером, говорит пословица, того не вырубил топором.

Вот еще пример. В ряде путеводителей по Чусовой авторы рекомендуют туристам посетить камень Левинский. Он расположен недалеко от турбазы «Чусовая» — в пяти километрах вниз по реке. К нему приводит тропа, проложенная по левому берегу. На противоположном берегу Чусовой сквозь заросли кустарника видны серые выходы известняков. Они стоят отдельными скалами высотой до 20 метров, разделенные широкими и крутыми, заросшими лесом логами. Обособленной скалой выступает камень под названием Левинский. Щель в нем издали кажется пещерой.

Камень интересен тем, что по нему можно наглядно представить, как на Урале проходили процессы горообразования. Пласты известняка расположены здесь в виде большой складки, часть которой разрушена. Складки и изгибы пластов породы видны даже издали.

На камне заметна четкая линия раздела оттенков на известняке — внизу порода светлее. Эта линия показывает, до какого уровня поднимается вода в реке в период половодья.

Теперь несколько слов о происхождении названия камня. Долгое время Чусовая была важным водным путем, который использовался для сплава продукции уральских заводов и сибирских купеческих товаров. Прибрежные скалы представляли для барок большую опасность, и сплавщики должны были хорошо знать и различать их. Поэтому крупные камни на берегах Чусовой получили особые названия; при этом «камями» назывались все прибрежные скалы и утесы, а «бойцами» — те из них, которые были наиболее опасны при сплаве.

Многие камни получали названия от имен и фамилий сплавщиков. Возможно, и камень Левинский получил название от имени сплавщика, потерпевшего аварию у этого «бойца».

Это одна из версий. Но есть и другая. За камнем течет небольшая речка под названием Левиха. Поскольку гидронимы, как правило, имеют больший возраст, чем другие названия, есть основания предположить, что имя, данное камню, перешло от речки. А гидроним опять-таки появился от первопоселенца, старообрядца, жившего на берегу или близ истока. В прошлом на Руси было, например, распространено имя Левенец. Речка могла называться Левинской рекой, а позднее — Левихой. А от речки имя перешло к скале.

Николай КОРЕПАНОВ

Медь Мотовилихи

Вид старого Мотовилихинского завода.

Мотовилихинский завод должен был стать третьим пермским заводом, однако стал лишь пятым. Его трижды пытались построить по-шведски, но того не пожелали двое мастеров, и всем стоявшим над ними начальникам пришлось с тем соглашаться. В те времена заводы, даже раз в десять большие, заводились иногда за одно лето — на Мотовилихе морока тянулась семь лет. И вдобавок трое заводских командиров поломали на том свою карьеру.

Итак, в марте 1732 года генерал Геннин распорядился о третьем горном заводе Пермского края.

Уже почти десять лет давали казне медь Егошиха и Пыскор, но рудные промышленники края все больше входили во вкус, раскапывая рудные гнезда, и уже завалили рудой оба казенных завода на несколько лет вперед. Всякий стремился получить быстрые деньги, и никто не желал связывать себя собственным заводом.

Бессменный же управитель Егошихинского завода шведский капитан Ёран Берглин сам негласно входил на паях в несколько рудопромышленных компаний и, похоже, получал там побольше окладного ко-

ман-дирского жалованья. Сын заводчика, немного повое-вавший в Северную войну, а после пленения тотчас же перешедший на русскую службу, он лучше многих приспособился в этом мире. Его дважды обещали зарезать — первый раз осадившие Егошиху речные разбойники, во второй проезжие пьяные офицеры, его уже возили в кандалах на допросы в Преображенский приказ, и несколько раз уже начиналось над ним следствие о приеме в работу подозрительного пришлого народа, и генерал Геннин уже устраивал ему заочный, а потом и публичный разнос: «Ты сие ведай, что на всем свете медные руды прежде плавятся на роштейн. А ты оное хулишь и рассуждаешь чрез свой глупый разум с посторонними людьми, что много работы!» Но он по-прежнему оставался на своем посту и в капитанском чине. Здешние люди его звали Юрья Петрович.

Теперь генерал миролюбиво запрашивал из Екатеринбурга: «Верхнюю плотину на усмотренном тобою месте по речке Ягушихе повыше завода построить, или нет ли в близости того Ягушихинского завода речки удобнее».

Капитан отвечал спустя месяц: «На усмотренном мною месте на речке Егошихе выше завода другую плотину, и завод, и вновь три плавильные печи построить можно. И воды будет, и лесов довольство имеется на многие годы, о чем Ваше превосходительство сам известен. И расстоянием оное место от Егошихинского завода от плотины 300 сажен. Токмо еще кроме оного места усмотрел я под строение оного завода два места вверх по Каме-реке на здешней стороне от Егошихинского заводу в трех верстах — речках Иве и двух Мотовилихах. И из оных на речке Иве завод весьма удобно

построить, понеже оная речка воды имеет поболее Егошихи. Також и на двух речках Мотовилихах, которые сошлись вместе, оный завод построить можно ж, только не так удобно, как на речке Иве, ибо оные воды имеют обе меньше речки Ивы. И плотина будет длиною 50 сажен. Да временем ежели случится в Каме-реке самая большая вода, то и потоплять будет. И как на речке Иве, так и на двух Мотовилихах, где заводу быть, расстояния от Камы-реки 1 верста».

Той весной на Вышнем Волочке сгорел казенный заводской караван, во всем заводском крае не было пущено ни единого казенного завода, в горном ведомстве, по слухам, опять начались разговоры, что-де не раздать ли все казенное от хлопот по компаниям, а генерал Геннин встречал салютом двух больших людей из столицы. По пути в Екатеринбург двое больших людей глянули вполглаза на Егошиху и ничего не стали спрашивать. Пока что было не до Егошихи. Только зимой наконец вспомнились старые планы, и капитан Берглин доложил: третьему пермскому заводу должно стоять на речке Иве в пятистах саженях от Камы. «И оная речка когда запрудится, может поднять два колеса». Но то генералом было отвергнуто: «Пока вновь руд не обыщется, а будут оные братья токмо с прежних рудников, то и на готово сделанных заводах оные можно переплавливать. Того ради как на Пыскоре, так и на Егошихе будущю весною руду велеть приискивать с радением».

Следующей весной унтер-штейгер Иван Кондаков объявил гнездовые руды по речкам Сыре и Югу, и штейгер Христиан Лейсенринг прошелся по объяв-

Билимбаевский завод в конце XIX - начале XX вв.

ленному шурфами (тогда говорили: ширфами), и получалось, что хватит работы взахлеб двум плавильным печкам, но на Егошиху возить далековато. И нужно, наконец, заводить третий пермский завод, хотя бы в грядущем 1734-м.

Начали строить Юговской завод, и все шло заведенным порядком, и каждый знал, что будет дальше, хотя на самом деле знать этого никто не может. Неожиданно генерал Геннин уезжает насовсем в столицу и сдает дела в Екатеринбурге действительному статскому советнику Татищеву. А Пермский бергамот переводят с Пыскора на Егошиху; и капитан Берглин однажды утром просыпается первым заводским командиром во всей Перми. Что-то дальше будет.

А надо сказать, что у нового Главного командира была слабость ко всему шведскому — он бывал в Швеции, видел тамошние заводы и теперь мечтал наладить и здесь то же самое по тому же манеру. Между прочими делами он командует: «В расковке меди, как оная в Швеции производится, учинить пробу здесь, определя к тому обученного в Швеции Никиту Каркадинова, который ныне в арифметической школе учителем». И в тот же день еще один указ: «Приискать для строения небольшой плотины, чтоб воды могло быть колеса на два, удобное место около Егошихи, где перечищать и расковывать медь всех Пермских заводов».

И вот это что значило.

В 1735 году уже начат был строительством четвертый пермский казенный завод — Висимский, на речке Висим. И при всех четырех пермских заводах

медь плавилась в пудовые и полупудовые штucky, проходя четыре операции. В начале руду обжигали и плавил на роштейн (Берглин когда-то хотел миновать первый этап и был за то обруган генералом); за-тем полученный роштейн — еще не металл, но уже и не руду — плавил в плавильной печи и получали черную медь (примерно половина ее состава — не медь, а нечто иное); потом плавил в гармахерском горне и получали гармахерскую медь, и уж только после того в штыковом горне (он обычно ставился один на весь завод) рождалась чистая штыковая медь. А теперь полагалось бы черную медь четырех заводов свозить на пятый, и здесь ее «перечистать» в штucky, а штucky сей же секунд — еще горячие — расковывать в медные доски, как то делалось в Швеции под особым расковочным молотом.

Кстати сказать, с этим методом у Никиты Каркадинова в Екатеринбурге при монетном дворе вышел конфуз.

«По шведскому манеру» штucky отливались не просто так, а в специально сделанные и обмазанные глиной изложницы, до расковки они застывали и требовали повторного разогрева. Вот вам и излишний «угар» меди, и перерасход угля. А выкованные под специальным расковочным молотом доски ни на что не годились. На монетном дворе их так и так приходилось вытягивать в полосы... Но задача определена, и в следующем году Никита Иванович в чине надзирателя работ (по-старому — унтер-шихтмейстера) поехал строить Мотовилихинский завод.

Еще в августе 1735-го члены Пермского горного начальства (бергамта) — капитан Берглин, поручик из ссыльных Василий Ближевской и протоколист из соликамских поповичей Федот Лодыгин купно с прибывшим из Екатеринбурга главным межевщиком Игнатием Юдиным — утвердили место на Мотовилихе, и 5 мая следующего года Никита Каркадинов сделал вид, что дал отмашку пяти сотням наряженных крестьян: «...И по сему указу определен я ново-строению на речке Мотовилихе завода мая 5 числа сего 1736 года. И г-н капитан Юрий Берглин, упусти воду большую, мая 18 дня послал меня для добычи

Вид доменного цеха Баранчинского завода, XIX в.

соснового леса на тесницы на Полазнинском бору... И, приехав, г-н капитан Берглин велел стланью толстою класть без земли. Потом на оный завод прислан плотинный подмастерье Орлов и оную стлань всю разбросал, потому что-де она без засыпки земли».

(Справка. Плотинный подмастерье Василий Орлов, неграмотный беломестный казак из Царева Кургана, драгун Тобольского полка с 1713 года, в Екатеринбурге с 1724-го, на Пыскоре с 1725-го. Самоучка. Строил плотины пыскорского Григорова рудника, Лялинского, Висимского заводов, перестраивал верхнюю и среднюю плотины Пыскорского.)

К концу октября после наряда дополнительных полутора ста работников возведена была плотина — от горы до горы в 47 сажень, высотой без малого 4 аршина, шириной в насыпи 18 сажень. Течение речное было заперто, и разлился небольшой пруд. Берглин так отзывался о мастерстве Орлова: «Ныне при Мотовилихинском заводе вновь строит плотину не хуже, как бы прочие присыланные из Екатеринбурга мастера». Еще стояли контора, два сарая и тюрьма на высокой горе по правому берегу.

Каркадинов с Берглиным не ужился и был разжалован, а на его место и в его чин определен гармахерский мастер Антон Попов — ставить горны и налаживать «перечистку». Берглин же настаивал, что нужны и обычные плавильные печи — плавить руду: «Ибо ныне со здешних заводов ежегодно отпускается в Москву и Санкт-Петербург меди по 6 тысяч пуд, и за

тем на оном заводе расковки меди не так довольно быть может».

А в июле 1737-го по пути в Мензелинск заехал разобраться сам теперь уже тайный советник Татищев.

«Капитан Берглин подал доношение, чтоб на Мотовилихах построить еще 4 печи плавильных, показуя, что воды будет довольно. Я же, хотя с немалою трудностью сей день в коляске сам езда, усмотрел, что ныне воды с нуждою на 2 колеса, и для того оное отставил. Плотины отделяются, а фабрик еще не зачато. Токмо так глупо строено, что, видится, ума у строящих не было: снизу кладен ельник вместо стлани, а потом уступлено на аршин и выкладен другой такой же слой. И на оном заложен с такою же уступкою третий. А понеже оный ельник более гнилой кладен, то не чаю, чтоб года четыре простоял, и если сгниет, то все обвалится.

За которое хотя капитан подлежал немалому штрафу, однако ж для его старости оставил на общее рассмотрение. А понеже он и в других делах весьма неправилен показался, мною определить его на Висим управителем с жалованьем чтоб имел токмо пропитание... Плотины же довольно наказал».

...С поста управителя Висимского завода Берглин вышел в отставку в феврале 1738 года. Он продолжал заниматься компанейскими рудопромышленными делами, из-за чего в 1740-м лишился казенной квартиры, а в 1744-м казенного жалованья по капитанскому рангу. Татищева он пережил на несколько лет.

Но еще до перевода на Висим он успел распорядиться о новой Егошихинской крепости, и разжалованный им Никита Каркадинов сочинил чертеж. Тогда бунтовали башкиры, и прежняя крепость, спасшая когда-то заводчан и их управителя от речных раз-

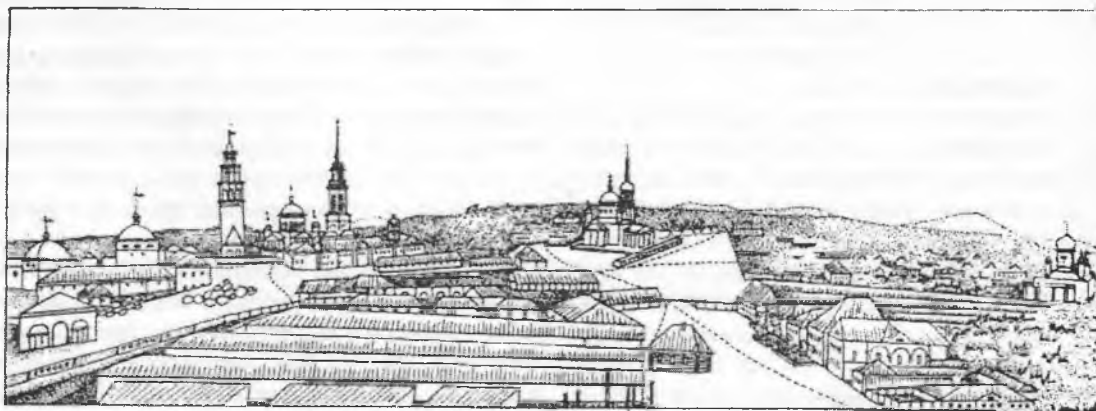
бойников, уже почти совсем догнила.

После отъезда Берглина Пермское начальство возглавили главный казначей Константин Гордеев и протоколист Павел Дягилев. Они кончили много хуже капитана Берглина — одному суждено было умереть смертью узника в темнице, другому утонуть в Каме при сопровождении заводского каравана. В октябре 1738-го они рапортовали в Екатеринбург: «Мотовилихинский завод строением уже в совершенство приходит, и велено при том заводе расковывать медь всех Пермских заводов. А мастеров и подмастерьев умеющих к той расковке меди никого нет».

После не справившегося с командой и разжалованного же Антона Попова на Мотовилихе сменились еще два управителя. Расковывать медь всех Пермских заводов назначены были двое мастеров и двое подмастерьев из Екатеринбурга, с монетного двора. На Мотовилиху они прибыли в мае 1739-го. Мастеров звали Василий Нестеров и Мартын Коковин, и, как и все монетки, они знали цену меди и самим себе и были весьма упрямы. Они помнили опыт Каркадинова и сделали вывод: «В расковке по шведскому манеру поспешности и способу быть не имеет... В Екатеринбурге молоты весом были по 25 пуд, а здесь ныне молоты от 12 до 15 пуд, под которыми меди расковывать будет невозможно.

И та расковка меди по шведскому манеру в Екатеринбурге ныне отменена». Они желали расковывать медь в полосы, годные к монетной чеканке, и отказались работать до командирского рассмотрения.

Оно состоялось в Екатеринбурге. Тамошние командиры вынесли вердикт: пусть делают, как знают. 5 июля 1739 года указ был получен в Пермском начальстве. И спустя неделю на Мотовилихе родилась медь — трудная медь всех Пермских заводов.

Вид Невьянского завода. Середина XIX в.

Галина КУЛАГИНА

ОХ, УЖ ЭТА ХРОНОЛОГИЯ! Головоломка-чайндат

В наши дни игра стала не просто интересным, веселым и азартным занятием, а важным обучающим и воспитывающим фактором. В кружках краеведческого профиля Дворца творчества учащихся накоплен большой и разнообразный материал. Конкурсы знатоков города и Урала известны многим педагогам и ребятам школ Екатеринбурга.

Предлагаем читателям небольшую часть многолетнего и кропотливого труда краеведа и игротехника с сорокалетним стажем, Галины Александровны Кулагинной, которая известна своими книгами "Сто игр по истории" и "История родного края". Публикующиеся у нас игры взяты из книги, названной автором "Сундучок уральского краеведа" (изд. Банк культурной информации", 1998 г.)

Те из наших читателей, кто первым (по штемпелю почтового отправления) пришлет верные отгадки игр, криптограмм и головоломок, будут поощрены редакцией - как и победитель всех тридцати игр. Поэтому не забудьте указать свои имя и фамилию, почтовый адрес, телефон.

Желаем удачи!

Известно, что многие люди берут на себя смелость утверждать, что историю они знают, а вот хронология...! Другие идут еще дальше, запальчиво доказывая, что и не нужна она вовсе, что требование знания дат — чистая формалистика. Есть и такие, кто, ссылаясь на любовь к математике, способны только в ней видеть логику мышления, а в истории какая, мол, логика, там надо только «заучить». А ведь без знания дат — важнейших вех, определяющих логику событий, нет истории, а есть только отдельные исторические факты. В разных играх книги приводится много дат, наиболее важные из них повторяются не один раз в разных формах. И тем, кто любит сопоставлять и сравнивать, считать да подсчитывать, находить «концы» и «начала», состязаться в этих делах, предлагаем вот эту головоломку. Занявшись ею, иной противник хронологии играючи запомнит семь важных дат, относя-

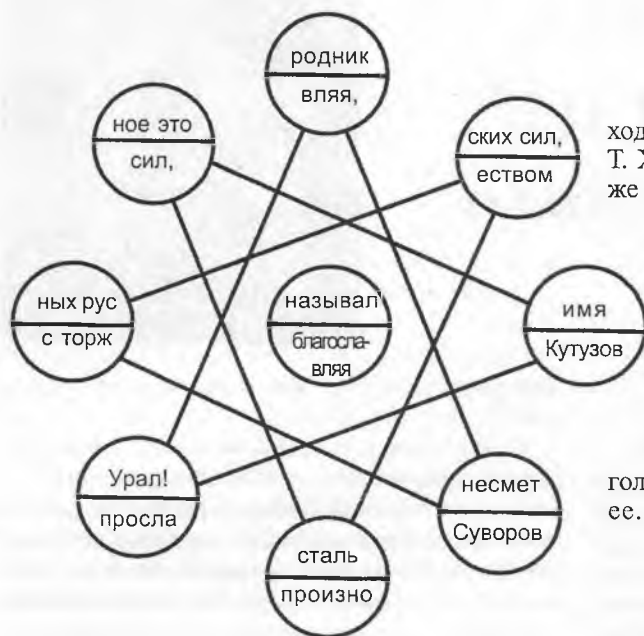
щихся к разным сторонам жизни нашего города и края.

Внимательно присмотритесь к этим цифрам, попытайтесь «прочитать» этот не совсем обычный чайндат: в нем последняя цифра предыдущей даты не является начальной для последующей, как это принято обычно. Соблюдайте следующие условия: а) цепочку не прерывайте; б) цифры не меняйте местами, «читайте» их как строки книги. Всего вы получите семь дат (пять по горизонтали и две по вертикали).

Для облегчения решения головоломки приведем несколько «арифметических» подсказок: 1) сумма цифр первой и седьмой дат равна — 17; 2) сумма цифр третьей и четвертой равна — 16; 3) три даты оканчиваются тройками, а три четверками; 4) разрыв между самой ранней и поздней датами равен 211 годам.

1	8	2	6	1
7	7	3	1	9
2	4	1	9	3
3	1	8	7	4

Уже на рубеже XIX века

В годы Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Свердловске, А. Барто и Т. Хренников написали песню, ставшую сразу же популярной и в тылу, и на фронте:

*Уральцы бьются, бьются здорово.
Нам сил своих, нам сил своих не жаль!
Еще в штыках стальных, штыках Суворова,
Она горела и сверкала, наша сталь!*

Созвучно этой песне и стихотворение нашей головоломки. Подберите «ключ» и прочитайте ее.

Чьи имена они носят?

Географо-историческая викторина.

Вам предстоит ответить на несколько нелегких вопросов разного характера, а вместе они объяснят название игры и дадут ответ на еще один вопрос: каких имен больше у городов Среднего Урала?

1. Назовите города Среднего Урала, носящие имена знаменитых земляков, ученых, строителей.
2. Назовите города Среднего Урала, имя которым дали реки.
3. Назовите города, получившие имя от полезного ископаемого, которым богата местность. Дали ли имена городам Среднего Урала горы?
4. Назовите город, расположенный на западном склоне Уральского хребта в непосредственной близости от водораздела, по которому проходит граница между Европой и Азией. Он ядро одного из крупнейших промышленных узлов Среднего Урала. Это трубный гигант. По численности населения он занимает четвертое место в области после Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Каменск-Уральского. Объясните название этого города.

Ответы читайте в
"Уральском следопыте" № 12 за 2003 г.

Анатолий ШУКШАЕВ

Из истории Зауралья

Записки горного егеря

Первые русские поселения появились на Урале в XII веке, когда в 1174 году новгородцы обосновались на Каме. Миграционная волна из северной Руси охватила главным образом Северный и Средний Урал. Заселение было стихийным. Края были обширные, таежные, дикие, и разыскать беглецов было невозможно. Но уже с XIV века, с первой жалованной грамоты Ивана IV Строгановым, потоком расселения русских на Урале пытается руководить государство, о чем свидетельствуют многочисленные указы об устройстве переселенцев из Казани на р. Нейве, о выдаче свободных грамот на пустое место на р. Чусовой, призывы к переселению в Пелымский уезд, на Исеть и т. д.

Осваиваясь, поселенцы наткнулись на следы древних рудников и начинали строить около них свои заводи и мастерские. Можно сказать, что история промышленного Урала началась с «археологических раскопок». И. Герман в начале XIX века писал об этом так: «Что какой-нибудь сильный народ предков в сей стране с великим тщанием производил горные работы, доказывают многие древние остатки, котлоподобные углубления, или разносы, и находимые в них старинные рудники, окаменелые дрова, кости, орудия и части одежды; но какой был сей народ, остается задачей, которая изыскателями истории, может быть, никогда не решится... древние рудные прииски... подали случай к новым горным работам».

Об «археологических раскопках» того времени на Урале можно судить по тому, что А. Демидов подарил Петру I к дню рождения сына коллекцию золотых изделий, добытых из «сибирских бугров» (древних захоронений).

Во второй половине XV века великий князь Московский Иван III вызвал из западных стран всевозможных специалистов, и прежде всего знатоков горного дела — для организации на Руси поисков металлов, и особенно драгоценных. Он был уверен, что в недрах земли русской залегают различные металлы, включая золото и серебро. Он впервые послал три большие экспедиции, в том числе и в Зауралье.

Много времени уделял поискам минерального сырья и

первый московский царь Иван IV Грозный. В своих грамотах он требовал разыскивать как на Урале, так и за Уралом руды различных металлов, в частности золота, серебра, железа, меди, олова, свинца, серы и слюды.

И только при Петре I Урал и Зауралье, западная и восточная Сибирь начали отдавать свои богатства сначала понемногу, а когда к поискам руд стали привлекать простой люд, результаты не замедлили сказаться. Началось активное освоение богатств Урала и Зауралья.

Но вернемся на полтора века назад. Известно, что в Сибирь вели три основные дороги (а всего их было девять). Северный Бабиновский тракт, по которому разрешалось ездить, шел через Верхотурье; «секретный»: Чусовая — Аятская слобода — Арамашево — Невьянский острог и далее водным путем; а третий — по южному Уралу через Башкирию. Естественно, историкам ничего не известно об этих трактах до петровских времен. До наших дней дошли лишь сведения о событиях, связанных с эксплуатацией Бабиновского тракта. Об обитателях Зауралья, и, в частности, о Режевском районе известно из археологических раскопок, обнаруживших древние стоянки, и спустя многие века — из путевых записок (1692 г.) русских послов Избранта Идеса и Адама Бранда.

Иностранцев трудно заподозрить в восхвалении русского мужика, но то, что они отметили в своих путевых заметках, поражает. Если проанализировать ситуацию того времени, то все становится на свои места. В XII-XVI веках беглый люд и старoverы, спасаясь от произвола и издевательств властей, уходили в Зауралье, туда, где их не могли найти. Поймы рек Нейвы, Режа, Ницы с плодородными почвами, богатыми травами, красивыми пейзажами, не могли не остановить любого первопроходца. Постепенно, из века в век, они заселяли земли вдоль рек на восток. Благо, обирать их было некому, и жили они богато.

Видимо, не стоит удивляться тому, что увидели пет-

ровские послы. Ведь цари могли не знать, что русский мужик может самостоятельно освоить огромные территории Зауралья — если изначально не препятствовать этому освоению. Последнее, видимо, связано с тем, что Верхотурье было пограничным поселением: далее на восток тянулись чужие земли.

После разгрома Ермаком Сибирского ханства интерес к Зауралью и Сибири сильно возрос — и со стороны предприимчивого люда, и простых людей, а также иностранцев. В 1597 г. вступила в действие Бабиновская дорога, соединившая Соликамск с Верхотурьем. С ее постройкой все прежние дороги по повелению царя были закрыты. Ездить по ним разрешалось только по особому разрешению. Царский указ преследовал вполне определенные цели: при наличии одной таможи легче контролировать провоз товаров в Сибирь и из Сибири, взимать с них пошлину. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что иностранцы стали проявлять повышенный интерес к Сибири. Ограничение передвижения и строгий таможенный контроль препятствовали их проникновению в восточные районы Русского государства. Бабиновский тракт в течение почти 200 лет был единственным официальным транссибирским путем, и только с окончанием строительства в 1783 г. нового Сибирского тракта от Москвы через Казань — Пермь — Екатеринбург. Бабиновская дорога потеряла свое значение и была заброшена.

Посмотрим на даты становления крепостей, острогов и городов в Зауралье и Западной Сибири: Лозьвинский городок — 1589 г.; Верхотурье — 1598-й; Невьянский острог на Нейве — 1600-й; Арамашевская слобода — 1631-й; Тюмень — 1586-й; Тобольск — 1587 год. Как энергично осваивались новые земли на Руси! Трудно поверить и тем более представить, что в течении 30-40 лет возможно освоение таких громадных территорий без дорог, техники и людей. Русские люди, по всей вероятности, уже жили в этих местах, и дороги были, — а значит, и гужевой транспорт был. Доказательством тому может служить Арамашев-

ская слобода, объединившая в начале XVII века 31 селение, все они — русские. Тогда уже имелись сведения о селах Черемисском, Глинском, Липовском, Колташах и Шайтанке.

По переписи 1680 года сохранились данные по некоторым деревням: Арамашка — 8 дворов, Кочнева — 2 двора, Клевакино — 9, Ленеvская — 4, Сохарева — 2, Жукова — 3, Липовка — 15 дворов. В 1671 году в Черемиске было 9 дворов.

А теперь вернемся к концу XVI века, к походу Ермака в Сибирь в 1582 году. Как известно, путь Ермака проходил по рекам Чусовой, Серебрянке до притока Кокуя, затем был пеший переход до р. Баранча и далее — по рекам Тагилу, Туре до Тюмени (Чимги-Тура).

Ермак делал попытку подняться по Чусовой до р. Межевая Утка и по ней добраться до Нейвы, таким образом значительно сократив расстояние. Был и еще один путь: подняться по р. Чусовой до Коуровки, волоком перетащить струги до р. Реж. Это самый короткий путь до Чимги-Туры. И притом самый легкий. Знал ли Ермак о нем — неизвестно. Или ему об этом не сообщили Строгановы, или Ермак боялся людных мест.

Из книги историка Д.И. Копылова о Ермаке можно предположить, что Строгановы старались выпроводить грозное

войско Ермака из своей вотчины, боясь гнева царя и, пожалуй, самого Ермака.

Так это или не так, неизвестно. Но то, что он избрал безлюдный и более длинный маршрут, несомненно. Будучи талантливым от природы и имея большой боевой опыт, он старался сохранить свои полки для решения главной цели похода — ликвидации Кучума и захвата Искера. Вспомним поход племянника Кучума Маметкула в 1573 году на Пермь. Татары разорили много деревень и починков строгановской вотчины и, не дойдя 5 верст до Чусовского городка, ушли в Сибирь «с немалою добычей и полоном».

Как известно, кочевые татары занимались разбоем в людных, открытых местах — там, где можно развернуться коннице и где были дороги. Такие районы хорошо прослеживаются на территории Среднего Зауралья — это нынешние Алапаевский, Режевский, Невьянский районы. Из

Храм Иоанна Предтечи. г. Реж.

летописей известно, что берега Чусовой в те времена, напротив, не были заселены, и казаки без опаски выходили на берег, на ночь разбивали лагерь. Не было селений на р. Баранча и в верховьях р. Тагил. Остается опять-таки предполагать, что селения, притом русские, были юго-восточнее указанных мест (Невьянский, Режевский, Алапавский районы). Иначе где бы Маметкул взял «большую добычу и полон»?

Не путают ли историки события 1662 года (набеги башкирских племен) с походом Маметкула? Разница по времени небольшая, а вот последствия очень тяжелые — как в том, так и в другом случае. И как могло случиться, что башкирские племена, обитавшие в восточной части Уральских гор и Зауралья, принявшие добровольно русское подданство в конце XVI — середине XVII, совершают набеги на русские поселения Зауралья? Сибирское ханство к этому времени уже не существовало, и Русь активно осваивала сибирские просторы. Если же обнаружится ошибка, и историками будет доказано, что не было башкирских набегов в 1662 году, а эти события связаны с походом Маметкула в 1573-м, то даты основания селений Режевского района можно будет установить с более высокой точностью.

Из записок Бранда.

«...12 июня 1692 года прибыли в слободу, лежащую на реке, по имени которой слобода, называется Аятская, а 13-го в другую слободу под названием Арамашево на реке Реж, которая нам понравилась. Эта область превосходит другие не столько числом жителей, сколько главным образом плодородием почвы и богатыми урожаями, и если прежде нам едва ли встречалась одна деревня на 60 верст, здесь богатые села, где можно было достать что угодно в избытке, попадались каждую версту...

Это короткое путешествие сухим путем было очень легким и приятным не только потому, что повсюду встречались люди, но и потому, что, к величайшему нашему удивлению, нивы и луга были в таком прекрасном состоянии, что было удовольствием любоваться ими.

К этому надо прибавить еще запах прекрасных различных ароматных растений. Кроме того, там и сям встречались поля, поросшие почти целиком махровым шиповником. Было так красиво, как я вряд ли когда-нибудь в жизни видел».

Из записок Идеса.

«...Выехав 10 июня из Утки на телегах и лошадях, проехали мы мимо слободы Аятской и пересекли огибающую ее реку Нейву. Далее последовали вдоль реки

Реж, до слободы Арамашево и оттуда до Невьянского острога на выше упомянутой реке Нейве. Это путешествие сухим путем до Невьянска (находился неподалеку от устья реки Нейвы) доставило мне величайшее наслаждение, т. к. по пути встречались прекрасные луга, леса, реки, озера и самые плодородные и прекрасно обработанные поля, какие только можно себе представить, все хорошо заселено русскими; здесь можно было достать всякие припасы по сходной цене. От Невьянска (Невьянского острога) я вновь отправился вниз по реке. Водный путь до Туры шел повсюду между берегами с густо заселенными русскими деревнями и слободами и с хорошо обработанными полями. 21 июня мы добрались до реки Туры, притока текущей с запада реки Тобол».

Согласно исследованиям Н. П. Архиповой и Е. В. Ястребова, в 1669 году на реке Нейве, в 30 верстах выше Краснопольской слободы, рудоискатель Дмитрий Тумашев нашел «камень-наждак», железную руду и драгоценные камни. В 1671 году он был направлен «в Арамашеву слободу для досмотру и крепкого проведывания по слюдным признакам, обнаруженным там местными крестьянами». Спустя год он снова занят поисками самоцветов у Мурзинской слободы... Невольно возникает вопрос: как мог один человек в течение нескольких лет отыскать большое количество месторождений полезных ископаемых, впрочем, разных по типам?.. Думается, что Тумашеву помогали местные жители, и прежде всего крестьяне Мурзинской,

Здание школы № 1. г. Реж.

Краснопольской и Арамашевской слобод, а также многих других населенных пунктов нынешних Пригородного и Режевского районов.

Таким образом, мы имеем второй источник сведений о том, что Зауралье было заселено русскими в XVII веке. Поскольку процесс естественного освоения новых земель достаточно длительный, то можно с уверенностью утверждать, что и в XV-XVI веках русские жили в Зауралье. Поскольку Режевский район находился на одном из транспортных путей в Сибирь, притом коротком и «легком» (по сравнению с Бабиновским), им, несомненно, пользовались

Набережная. Г. Реж.

нелегально русские первопроходцы и в более ранние века. И к моменту прибытия Идеса и Бранда этот район был основательно освоен.

В книге А. Ивунина «Режевские православные храмы» приводятся даты становления самых крупных населенных пунктов Режевского района, расположенных на трансуральском пути в Сибирь. Село Черемисское, по некоторым данным, основано в 1672 году. Населяли его русские государственные крестьяне, занимавшиеся земледелием и отхожими промыслами на ближайших заводах. О проживании черемисов (марийцев) на восточном склоне Урала известно с 1520-х годов. Можно предположить, что с. Черемисское было основано марийцами (черемисами) в XVI веке и, видимо, в начале XVII-го подселялось русскими. Тайной покрыто время середины 1600-х годов — время жестоких

набегов башкирских племен, когда было разграблено большинство поселений (Арамашка, Краснопольская, Покровское, Белослудское и другие). Первые поселенцы с. Черемисского, инородцы-черемисы, занимались разбоем и грабежом. Особенно они отличались набегами на Аятскую слободу.

Деревня Колташи располагалась в стороне от трансирской магистрали, на берегу реки Реж, в 6-8 верстах от Черемисского. Точная дата ее становления неизвестна. Она известна как родина знаменитого горщика Даниила Зверева. Здесь впервые в Режевском районе проходила «каменная ярмарка», где неоднократно бывал академик А.Е. Ферсман и делал закупки минералов для Академии наук. Здесь впервые в Зауралье были найдены алмазы, рубины и сапфиры.

Село Липовское расположено в 16 верстах от с. Черемисского, на перекрестке трансуральского пути и дороги в Мурзинскую слободу. Дата возникновения села не указывается. Основные занятия населения — хлебопашество и добыча железной руды.

Село Шайтанское в 6 верстах от с. Черемисского. Основано беглым крестьянином из Великого Устюга Дорофеем Беляевым, пришедшим в наши края около 1620 года. Основное заделье — тоже хлебопашество, а к концу XVII века — и добыча самоцветов.

Деревня Кочнева-Сергина, названная по фамилии первого поселенца, возникла в междуречье Бобровки и Режа. Дата тоже не указывается. По данным составляемой энциклопедии г. Режа (Режевская весть № 38 от 31.03.2001 г.), первыми поселенцами были внуки не-

коего Василия Кочнева — Андрюшка и Петрушка Сергеевичи. Они основали между 1666 и 1680 годами деревню Кочневу — на 100 лет раньше становления Режа. То, что в 1773 г. вышел указ о строительстве завода, еще не говорит о том, что Реж основан именно в этом году и на необжитом месте, как написано во многих литературных источниках. По всей вероятности, Кочнева появилась на 100-150 лет раньше Режевского завода, т. к. находилась на трансуральском пути в Сибирь.

Надо полагать, что родителями Режевского завода были невьянские заводы, принадлежавшие семье Никиты Демидова. С 1769 года их новым хозяином стал Савва Яковлевич Яковлев (Собакин), крупный винооторговец и горнозаводчик, сумевший с 1776 по 1779 годы скупить 16 заводов — чугунолитейных, медеплавильных и железоделательных.

Параллельно он «своим коштом» строил новые заводы. С приобретением невянских заводов Яковлеву достались и демидовские, а также дороги — от железных рудников до Невьянска — высокого по тем временам качества

Из истории известно, что несколько железных рудников Режевского района в конце XVII века работали на невянские заводы. И нет ничего удивительного, что Савва Яковлев в 1773 году начинает строить завод на реке Реж, в непосредственной близости от сырьевой базы. Это одна из причин и, видимо, не из главных. Наверно, как и Демидовым, Яковлеву было известно о месторождениях золота — как в Невьянском, так и Режевском районах. Об этом говорит тот факт, что на заводе действовали золотопромывальные станки, и к 1860 году их было уже 57.

Нужно отметить, что процветание завода совпало со временем активной добычи золота. Истопились запасы золотоносных россыпей, ушел в мир иной Савва Яковлев — и завод резко начал сдавать позиции.

Прошло более полутора веков, и некогда процветающий завод, перенесший незначительные взлеты и падения, так и не смог обрести былую славу. В последнее десятилетие открыто достаточно много проявлений золота на территории района, но, видимо, история завода уже никогда не повторится, ибо основательно изменились подходы, отношение к комплексу решаемых вопросов. Только предприимчивому Савве Яковлеву было дано понять необходимость развития на заводе нескольких производств. Он

понимал, что месторождения железа незначительны по запасам, и, чтобы выжить, заводу нужно организовывать параллельное производство. Тогда это было золото. Оно может быть и сейчас.

Тем более, что экономически это менее затратно, чем переориентация на выпуск черновой меди или другого металла.

О городе Реже и районе написано достаточно много, но некоторые его «тайны» еще не раскрыты. Реж построен на минералообразующих породах — серпентинитах. И нет ничего удивительного в том, что любители камня находят минералы в черте города — змеевики, роговую обманку, горный хрусталь, морион, титаномагнетит и т. д. В окрестностях города много старинных отработанных месторождений: карьеры никеля, асбеста, мрамора, известняка, железной руды, гранита, тория, талька и другие — рай для любителей камня и туристов. Окрестности Режа богаты радоновыми источниками.

А еще Реж — географическая столица самоцветной полосы Урала, и не только. Режевский район, его недра по сути своей — геолого-минералогический музей России, а может быть, и всей планеты. Это не громкие слова, а так оно и есть. Где еще на планете на площади в 2 тыс. кв. километров обнаружено более 50 из 100 элементов таблицы Менделеева? А сколько еще не открыто, не найдено в недрах района? Только геологическое строение его недр требует сегодня пристального внимания ученых — геологов,

минералогов и петрографов. Эта природная лаборатория образования элементов и минералов должна дать человечеству возможность распознать тайны образования элементов.

Вот что такое Реж и Режевский район сегодня.

Но продолжим нашу экскурсию по району. Село Останино. Время становления — 1685 год (...от имени государя Иоанна Алексеевича пожалована земля подле речки Бобровки Петрушке Федорову Бучину и Митьке Иванову Серебренникову), основной род занятий — земледельство, углежжение, извозный промысел. Эта дата становления Останино не может являться основанием, т. к. «пожалование» могло быть дано и уже существующему поселению.

Село Глинское. Время становления — 1658 год (согласно переписной книге Варфоломея Головина, «крестьянин Мурзинской слободы Васья Лукачнов с женою и с детьми и со внучаты, своим двором и пашню на себя пахал большую».

Современный город Реж.

Основные рода занятий: обжиг извести, землепашество, изготовление «зеленой» глиняной посуды, огнеупорного кирпича, добывание точильного камня, устройство зимних и летних экипажей.

Село Арамашка расположено на реке Рассоха. Дата становления не известна, но к 1692 году это было уже большое поселение и называлось слободой. Основными занятиями было хлебопашество, извоз.

Еще раз повторюсь: эти деревни находились непосредственно на трансуральском пути, который прекрасно описан в путевых заметках царских посланцев, проследовавших в 1692 г. по этой дороге от Аятской слободы через Черемиску, Арамашку в Сибирь. Оба посла вели путевые записки самостоятельно, а вот содержание записей, впечатления авторов почти одинаковы. Они пишут, что места здесь красивые, чуть ли ни через каждую версту села богатые и ухоженные, поля черноземные. Живут русские, и в большом количестве.

Следует обратить внимание и на проникновение христианства в наши края. Храмы (церкви) стали появляться в Зауралье на 100-150 лет позже заселения. Видимо, это свя-

зано с тем, что Сибирское ханство имело большое влияние и контроль над территориями Зауралья и Сибири в XV-XVI веках, и только разгром Ермаком в 1582-83 годах Сибирского ханства, а затем освоение недр с одновременным вводом воинских подразделений позволили прекратить частые варварские набеги башкир и черемисов, и после этого церковь проникла в Зауралье и в Сибирь. Становится понятным и то, почему был открыт Бабиновский тракт (более тяжелый, но значительно менее опасный) — слишком сильны были башкирские племена, населявшие нынешнюю Челябинскую и южную часть Свердловской области. В самой Руси шло объединение территорий, она еще не совсем оправилась от нашествия татаро-монгол, которые, как известно из истории, «брали в полон много русичей» и уводили их в орду. Потомки пленных русских оседали и в Зауралье и Сибири. В какой-то мере татаро-монгольское иго способствовало заселению русскими просторов Сибири (поймы рек Исети, Тобола, Режа, Нейвы, Ницы и других).

(Продолжение следует.)

С. Мурзинка. Музей. Автор - В.С. Корицунов.

Анна КИРЬЯНОВА
«Метро»
Николай КОЛЯДА
«Нелюдимо наше море...»
Иннокентий ДАНЬЕВ
«Отец Сейшенель»
Ольга БОЧЕНИНА
Стихи
ЧЕЛЯБИНСКАЯ
литературная мастерская
Стихи

Март. Весенние оттепели и капель. Любовь и радость. Это признаки весны. Это признаки той новизны, которая ожидаема нами после зимних дней, тягостных и тоскливых.

Самое время вспомнить о праздниках.

В Камерном театре Литературного квартала г. Екатеринбурга 25 февраля 2003 года состоялся творческий вечер, посвящённый 65-летию Владимира Александровича Блинова — председателя Екатеринбургского отделения Союза писателей России. Он является автором восьми повестей, поэмы «Час княгини Марии», книги стихотворений «Отцовское вино». Владимир Александрович — лауреат премии имени В. Татищева и Г. де Геннина и Всероссийской литературной премии «Серебряные рельсы».

На выставке «Книги Урала», проходившей в КОСКе «Россия» (г. Екатеринбург), состоялось выступление авторов нашего журнала. Посетителям выставки было рассказано о деятельности «Уральского следопыта», свои стихи и другие произведения читали Ю. Конечский, С. Ивкин, Н. Боровых, Т. Суворова, Н. Перетягина и другие.

Первого марта в Музее им. Степана Щипачёва г. Богданович состоялся Турнир поэтов, в котором участвовали поэты Южного округа Свердловской области. Представители Каменска-Уральского и Камышлова, Сухого Лога и Богдановича, В. Дуброво и Малышева, Белоярского и Рефтинского выбрали свою Королеву поэтов. Ей стала В. Смирнова. Знатки отметили стихи М. Польшалова, Т. Широковой, Е. Софрыгиной, Е. Костиной, Н. Мельникова и других как известных, так и начинающих авторов.

13 марта в библиотеке мэра г. Екатеринбурга состоялась презентация книги стихов «Полюс правды». В неё вошла антитоталитарная поэзия современных поэтов, таких как Г. Дробиз, В. Блинов, Ю. Лобанцев и Э. Молчанов и стихи узников сталинских лагерей: Б. Ручьёва, А. Клещенко,

Л. Ратушной, П. Бастана и других.

В рамках дней национальных культур Урала 15 марта состоялась встреча членов екатеринбургских писательских организаций с коллегами, приехавшими из Татарии. На ней было принято решение о взаимных переводах стихов на русский и татарский языки и выпуск альманахов в Екатеринбурге и Казани.

В соответствии с постановлением правительства Свердловской области, старинный особняк на улице Пушкина, дом № 12 в г. Екатеринбурге передан во владение писательского содружества. Дом писателя ещё с 30-х годов связан с именем Бориса Горбатова, а для Павла Петровича Бажова это здание было вторым домом.

Отныне здесь станут проводиться учёба литераторов, встречи и юбилей творческих личностей не только Екатеринбурга, но и Ассоциации писателей Урала.

Коллектив редакции «Доброго малого литературного журнала» (руководитель — В. Фельдман) коллективно вступил в литературное движение «Добряне».

В редакции «Уральского следопыта» полным ходом идёт работа по выходу в свет второго «добрянского» сборника стихов и рассказов современных писателей.

*Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Анна КИРЬЯНОВА

Метро

— Психоанализ... Психоанализ... Колдовство все это, — злобно бормочет пастор Витя, показывая желтые лошадиные зубы. Он плохо одет, обут в грязные растоптанные ботинки и сейчас вытягивает ноги в проход. Ноги кривоватые, длинные, мосластые. — Вот у нас в деревне была бабка — стукнется оземь, хрюкнет и оборотится свиньей... А потом как бросится под ноги — вот тебе и психоанализ...

ОСТОРОЖНО! ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ! СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ ДИНАМО.

— А вот мой друг, декан философского факультета... — начинаю я спорить, дернувшись вместе с вагоном, едва не выбив зубы о железный поручень.

— Декан сатанинского факультета! — перебивает Витя и раздражается поистине сатанинским хохотом. Глаза его маниакально сверкают из-под низко надвинутой шапочки.

Мне удастся втиснуться между Витей и поручнем и сесть. За окнами вагона бегло мерцает тьма. Маслянистый желтый свет заливает все вокруг. Несколько мрачных пассажиров едут в неведомое вместе с нами. Витя в ударе — он кричит и размахивает руками:

— В Йоханнесбурге гадюка тоже тут одному наплевала в очи! Тоже он спорил насчет негров, которые изнасиловали в Йоханнесбурге всех полных белых женщин. Говорил, что не надо негров пускать в церковь! А мы ехали в открытой машине, тут гадюка ему как плюнет — я помолился, и все сбылось! — капельки слюны летят из большого витиноного рта.

Я мысленно считаю остановки, сколько мне еще ехать рядом со случайно встреченным Витей... Хорошо, что метро так и не достроили — оно очень короткое. Раз, два, три, четыре...

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ! ПОЛЬЗУЯСЬ УСЛУГАМИ МЕТРОПОЛИТЕНА, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ВЫПОЛНЯТЬ НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА. ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ БЕСХОЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ ПРОЯВИТЕ ВЫДЕРЖКУ И НЕ ПРЕВЫШАЙТЕ НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ САМООБОРОНЫ.

— Что он говорит? — удивленно спрашиваю я Витю, но он слишком занят своими собственными выкриками:

— Но и в Йоханнесбурге полно колдунов. Надо изловить всех, кто этим занимается, и обратить в истинную веру, хоть бы даже и негров. Полные белые женщины сами виноваты, что их насилюют! — Витя плотоядно поворачи-

вает на меня, а я изо всех сил стараюсь втянуть живот и щеки...

Пассажиры по-прежнему погружены в летаргический сон, и мы все едем, едем, мчимся сквозь тьму. Я вяло киваю витиным бредням и жалею, что за окном ничего нет — все-таки метро, сплошной черный тоннель.

Это у Кастанеды был какой-то тоннель; или нет, тональ и этот, как его: нагваль, кажется... Одно пространство мы формируем своей психической активностью, другое — бесконечно, вечно, и, по всей видимости, объективно. Следовательно, по учению этого старого мерина дона Хуана, я сама виновата в этом лошадинозубом Вите, черном тоннеле, желтом до невыносимости свете, разлитом по вагону... Свет такой омерзительно-желтый, что невольно соглашаешься с Блоком, который в одном своем стихотворении так написал: «окна желты» — чтобы еще противнее стало...

Следовательно, я соткала из невидимо-тонкой материи этого вот Витю, и поезд, и лампы, и коричневые дерматиновые сидения — на большее я не способна.

Витя истово дергает меня за рукав, разозлившись, что я отвлекаюсь от его бреда. Его мутные глаза полны обиды и разочарования — я покорно вслушиваюсь в его речь. Я чувствую свою ответственность за Витю, ощутив его связанность со мной, ведь это я его создала.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ! КОММУНИСТЫ ВСЕХ СТРАН ЧЕСТВУЮТ ИЗБРАНИЕ НОВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС! ЧЕТВЕРТЫЙ ЧАС НЕ СМОЛКАЮТ ОВАЦИИ У ПОДНОЖИЯ КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ, ГДЕ НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ ПИОНЕРАМ РАЗДАЕТ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН!

Что это? Я пугаюсь диким, непонятным страхом, ни разу в жизни не испытывала я ничего подобного — это не страх-ужас, а худший страх-недоумение, полный абзац, от которого едет крыша, захлебываешься собственным зре-

нием и слухом. Я вцепляюсь в Витю, хватаюсь за рукав его старомодной дутой куртки — рукав скользкий и словно сальный, он выскальзывает из пальцев. Витя вперевивает на меня оловянные гляделки, ничего не понимая:

— Ты это чего... — бормочет он. Он ничего не слышал, или не понимал.

Может быть, я сошла с ума — как сакраментально звучит эта фраза, словно из какого-то пошлого романа Авроры Дюдеван: «Может быть, я сошла с ума? — прошептала Консуэло»... Может, я рехнулась, съехала, спятила, тронулась, свихнулась? Может, ничего не объявляли? Но почему мы так долго едем от одной станции до другой?

Движение поезда замедляется, черный цвет за окнами становится серым, видны какие-то переплетения труб, проводов, конструкций непонятного предназначения. Сейчас будет остановка!

— Милый Витенька, выйдем здесь! — умоляю я, глядя на Витю преданными ми собачьими глазами. — Выйдем, я приведу тебя к одному еще неспасенному преподавателю истории — и ты обратишь его в истинную веру! — я заманиваю Витю единственным, чем можно его заманить, убедить... — Я вспомнила про этого преподавателя совершенно случайно, вот только что, а ведь он тяжело болен, вот-вот умрет и попадет в ад, Витенька, пожалуйста, ну хочешь, я тебя поцелую!

Витя возмущенно трясет головой, а поезд с шумом подъезжает к станции, обширной, отделанной мрамором и какими-то барельефами. Двери открываются автоматически.

СТАНЦИЯ НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ. ПЕРЕХОД К СТАНЦИИ ГОСТИНЫЙ ДВОР, КУПЧИНО, ВАСИЛЕ-ОСТРОВСКАЯ ПО ВТОРОЙ ЛИНИИ.

Я выскакиваю из вагона и волочу за собой ошарашенного Витю. Так и есть — это не наш город! Это — Ленинград, то есть, Санкт-Петербург по-нынешнему. Вон какая громадная станция, сколько людских потоков, кое-где

вливающихся в подземные — то есть, еще более подземные — переходы на другие станции. Голубоватым звездным светом переливаются стеклянные светильники, указатели, короче, такие квадратные штуки с закругленными углами, на них синими буквами написаны разные названия? «Технологический институт, Московские ворота, Звездная, Купчино»... Витя почти невозмутим и бесстрашен, он пытливо спрашивает, нудно и монотонно:

— А где живет этот преподаватель? Небось, во грехе

живет, с какой-нибудь полной белой женщиной?

Я тупо гляжу на витино угреватой лицо и молчу — я боюсь обратить его внимание на наше положение — ведь мы каким-то образом попали в ленинградское метро! Еще больше я боюсь, что Витя давно все понял и принял, что это я все понимаю не так и не хочу принять; Витя в сговоре с дико изменяющейся действительностью, а меня они отторгли, отвергли, выкинули, и сейчас хитро переглядываются и подмигивают друг другу.

— У меня папа живет в Царском Селе, — поясняю я Вите растерянно. — Может, поехать к папе? Вот он удивится.

Или нет — опасно из метро выходить. Вдруг мы никогда, никогда не попадем в нашу реальность, никогда не вернемся обратно... Тут не только с пространством, тут и со временем, видимо, проблемы...

Действительно, пассажиры одеты неувлимо-странно, не то чтобы вовсе не так, но и неправильно. Эти пальто, добротные, шерстяные пальто, дутые куртки, похожие на Витину, на некоторых женщинах вязаные шапки: женщины молодые, красивые, но — в вязаных шапках, не в беретках из ангорской шерсти, а в таких... самовязанных, домотканых, что ли, шапках... Я оказываюсь одетой броско, модно — на мне норковый берет и дубленка с чернобурковым воротником. Женщины в спешке оборачиваются на меня, глядят с завистью. Я стараюсь встать статно, прямо, выпятив грудь, забывая о дикости и ужасе своего положения. Как это пошло звучит: «На миг наши герои забыли об ужасе своего положения, восторженно наблюдая за полетом альбатроса»...

Витя начинает проявлять признаки неудовольствия: его толкают и в хвост, и в гриву, людей вокруг непривычно много. Витя делает поползновение двинуться к отдаленному эскалатору, увлекая меня за собой. Он раздражен.

— Эка, сколько людей понаехало! — бурчит Витя. — Сидели бы дома, молились, клали бы поклоны, что ли... Истинно сказано...

Я не успеваю расслышать, что истинно сказано: перед нами с шипением и чавканьем останавливается поезд. Ни секунды не думая, я хватаю Витю за шиворот и вталкиваю в вагон. Там полно людей и свет уже не масялянисто-желтый, а мертвенно-бледный, белый, хирургический.

*И Тамплинсон взглянул вперед, и увидел в ночи
Звезды, замученной в аду, кровавые лучи.*

*И Тамплинсон взглянул назад и увидел сквозь бред
Звезды, замученной в аду, молочно-белый свет...*

Как я теперь тебя понимаю, бедняга Тамплинсон: вот она, истинная безысходность — в свете, то желто-масляном, то ослепительно-белом... Тоже нехороший поезд, это сразу понятно.

— Чего мы все едем да едем? — злобно, в полный голос вопрошает Витя. — У меня времени нет по метрам кататься. Мне надо на работу, я ведь работаю, школу сторожу.

— Сейчас, Витя, сейчас приедем, — шепчу я, захлебываясь. — Ты только тише, тише говори, не надо кричать — злиться грешно.

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ. СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — КУПЧИНО. УСТУПАЙТЕ МЕСТА ИНВАЛИДАМ И ЛЮДЯМ В НЕТРЕЗВОМ СОСТОЯНИИ В ПАЧКАЮЩЕЙ ПАССАЖИРОВ ОДЕЖДЕ. РАЗМЕРЫ РУЧНОЙ КЛАДИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ СНЯТУЮ С ВАС ПРИ ЖИЗНИ МЕРКУ.

В черных окнах проносятся вдруг двенадцать олимпийский богов, точнее, двенадцать мраморных бюстов с пустыми, ничего не выражающими глазами. Поезд раскачивается на своих электрических рельсах, я равномерно стучаюсь головой об обшивку вагона — мне нисколько не больно. Все пассажиры скрывают свои лица за газетами. Некоторые одеты в военную форму.

Я внимательно вглядываюсь в витино лицо: на нем явственно читается неудовольствие от затянувшейся поездки. Бюсты греческих богов тоже ему не понравились:

— Понаставили тут идолов, кумиров всяких, — обращается ко мне Витя, ища поддержки. — Думают, что это музей! — тут Витя раздражается хриплым идиотическим смехом. Некоторые пассажиры недоуменно поднимают лица, смотрят на смеющегося Витю. Страшная это картина: есть ведь полотно типа «Купающаяся Венера», какой-нибудь там «Спящий Аполлон», а вот жуткая бы вышла картина под названием «Смеющийся пастор Витя едет в метро мертвецов». «Смеющийся пастор Витя» — это еще хуже, чем статуэтка «Какающий мужичок», которую я видела в прошлом году на выставке эротического искусства 18-19 века. До сих пор ума не приложу, что такого эротического в какающем мужичке? Столько же в нем эротического, сколько в смеющемся пасторе Вите...

Эти запутанные мысли и фантазии отвлекают меня от реальности — если это реальность. Мне становится легче, и я тихонько подхихкиваю хриплым раскатам витино смеха. Пассажиры шелестят газетами — я близоручко шурюсь, стремясь разглядеть названия, но это бесполезно, зрение у меня такое плохое. Я шурюсь на схему метрополитена на стене вагона, но тоже безрезультатно, могут только отметить, что это — схема кольцевого метро, похожего смутно на паутину из синих, красных, зеленых нитей.

— Если до Купчино, — бормочу я, — то там пересадка на электричку, десять минут езды — и мы у папы, в Царском Селе. Главное — в Купчино метро выходит на поверхность, там — свет, небо... — смутно я как-то связываю наши метаморфозы с пребыванием в подземелье. Под землей всегда происходит что-то мистическое, не случайно капища всякие, гекатомбы и тайные храмы, практиковавшие общение с черными силами и жертвы, располагалась под землей. И брата Али-бабы, Касима, тоже убили в пещере, под землей, где жили себе поживали сорок разбойников... — Если до Купчино, то мы спасены!

Но мрак за окнами становится все гуще, все непрогляднее, ясно, что ни о каком Купчино мечтать не приходится. Даже если мы и приедем в Купчино, это будет совершенно другое Купчино, где-нибудь еще глубже под землей.

Двери с шипением раскрываются, и мы оказываемся на обширной станции. Массивные барельефы украшают высокие стены, купола свода почти неразличимы — так они высоки.

ИЗМАЙЛОВО. ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ, — рывкает невидимый голос, и я вышагиваю из вагона, по-прежнему вцепившись в витин рукав.

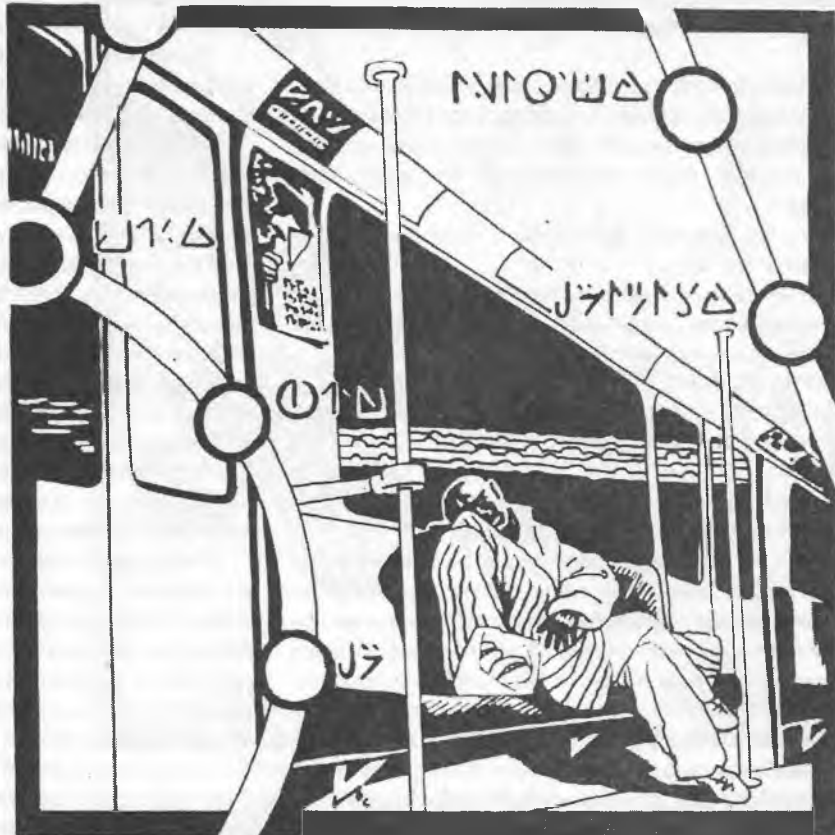
Круговерть на платформе еще пуще прежней, люди так суетятся, так быстро бегут, то и дело толкая оторопевшую парочку — меня и Витю.

А одеты, одеты-то они как! У женщин — высокие шиши на головах, как у воспитательницы из моего бывшего детского садика, глаза сильно подведены и накрашены черной-пречерной тушью. У некоторых — газовые косынки на шее, такую надевала моя бабушка, идя на заседание партийной комиссии. Красивые, хорошие косынки зеленого, синего, красного цвета с пропущенной люрексовой нитью. И пальто с хлястиками, и великолепные сапоги-чулки, а у кого-то — просто валенки. Мужчины — те попроще одеты, в шляпах, все, как один, в кашне или — в клетчатых шарфах. И все эти люди с недоумением поглядывают на нас, на меня и на Витю.

Мы похожи на двух инопланетян, особенно — Витя в своей дutoй грязной и серебристой куртке. Или — мы похожи на иностранцев. На туристов-иностранцев, решаю я и заговариваю с Витей:

— Ду ю спик инглиш?

Витя тупо глядит на меня и выдавливает наконец когда-

то затверженное или просто — случайно слышанное:

— Йес.

— Ты, Витя, притворись, что разговариваешь по-английски, — шепчу я в его грязное, поросшее волосами ухо. — Мы в опасном положении. (Как дико это звучит, как банально — «Мы в опасном положении, Малдер! Кто-

то украл наши секретные X-файлы!»)... — Мы не должны привлекать к себе внимание, Витя, потому что мы где-то не там.

Наконец-то до Вити что-то стало доходить. Его глаза недоуменно обшаривают платформы, заполненные людьми в странных, устаревших много лет назад одеждах. Витя хмурит редкие брови и выжидательно вперивает в меня взгляд:

— Мы куда-то не туда приехали. — решает Витя. — Не там пересели.

Я не спорю — в нашем-то городском метро всего пять остановок и одна прямая линия, негде там пересаживаться, однако объяснить я ничего не могу.

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ! В ОТДЕЛАХ ГУМА ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ПРЕДЛАГАЮТСЯ ЖЕНСКИЕ КОРСЕТЫ ВСЕХ МОДЕЛЕЙ И РАСЦВЕТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ — С ПРИСПОСОБЛЕНИЕМ ДЛЯ КАТАПУЛЬТИРОВАНИЯ. ПАССАЖИРЫ БЕЗ КОРСЕТОВ БУДУТ ПОДВЕРГНУТЫ РЕГУЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ.

— Ну вот, уже угрожать начали, — с отчаянием говорю я Вите, этому бесполезному тупице, фанатику с восемью классами образования, единственному напоми-нанию о прошлой счастливой жизни. Я не понимаю, в чем заключается угроза, но пугает меня неуловимо-изменившаяся интонация объявления. Есть что-то страшное, угрожающее в этой «регулярной переписи» — не случайно одна деревня полностью самозакопалась в землю, когда проводилась первая перепись населения. Им добрая странница с именем типа Склитиньи пояснила, что перепись — это для антихриста, чтобы он всех знал поименно. Эта же странница посоветовала и закопаться. Все умерли.

— Витя, давай изображать иностранцев, — твердо говорю я растерянному Вите. — Если это наша страна, Москва, например, шестидесять-семидесятые годы, то вокруг полно милиции и работников КГБ. Нас немедленно схватят и никогда, никогда уже не отпустят, а подвергнут переписи. Представляешь, что такое перепись?!

На Витю таинственная перепись оказывает такое же действие, как на безграмотных крестьян забытой деревни, а я все больше вхожу в роль странницы:

— Подвергнут переписи — родная мать не узнает. Пойдем, отойдем за колонну, и ты снимешь свою куртку — она очень необычная. Мы ее вывернем наизнанку, и она станет не такой броской, понимаешь? И веди себя раскрепощенно, как будто ты иностранный турист.

Витя покорно тащится за мной, снимает куртку, я выворачиваю ее, а маленькую религиозную брошюрку незаметно кидаю в урну — если у нас найдет религиозную пропаганду, нам конец, полная перепись.

Все происходящее занимает несколько минут, и из темного тоннеля со свистом выскакивает поезд, слепя нас мощными фарами. Выхода у нас нет, и я заталкиваю поникшего, безвольного Витю в полупустой вагон.

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ. СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ ЧАРИНГ-КРОССКИЙ ВОКЗАЛ.

Тут я с ужасом понимаю, что Витя все громче и громче принимается петь какой-то религиозный гимн-псалом. Он близок к помешательству. Я решаю поддержать его.

— Ничего, Витя, мы уже скоро приедем, — начинаю я свои бессмысленные обещания и вижу за темными окнами, как расступается пространство тоннеля, и мы уже едем, видимо, по мосту, в темноте, словно посередине громадной пещеры. Я принимаю к окну, расплющивая нос: далеко под мостом плещутся огненные воды реки, или водные огни реки, страшного, бездонного потока. Я принимаюсь высматривать Харона — никого нет. К счастью, нет и орущих грешников, обреченных на вечные страдания. Только поезд мчится с бешеной скоростью, а река все не кончается и не кончается, такая она огромная, безбрежная... Витя тоже громко дышит у меня за плечом в своей жалкой, вывернутой наизнанку куртке. Лицо Вити выражает религиозный экстаз, губы бормочут слова гимна.

Оторвавшись от невероятного зрелища, я вглядываюсь в лица наших спутников: они безразличны, одутловаты, сонны. На соседнем сиденье спит толстый негр в грязной, похожей на виту, куртке. Пакет с сэндвичами раскрылся. Рядом — старичок читает английскую газету, поблескивают его очки, дрожат старческие руки, и газета тоже дрожит мелкой старческой дрожью.

Витя толкает меня локтем в бок и улыбается:

— Мы с тобой как библейские пророки, которым были дарованы видения. Я расскажу братьям и сестрам — не поверят, не поверят! Господи, и за что мне такое счастье!

Слава Богу, Витя сошел с ума и теперь ему хорошо. А может, и не сошел, а принял все как должное, не стал анализировать, дергаться, бороться — испугался сначала, а потом принял это, как награду, как знак высшей милости и любви. Ну и что, что у Вити — восемь классов образования, зато он все понимает правильно, не мудрствуя лукаво... Он точно спасется, а вот всякие умники, книжники, гордецы спят и погибнут. Когда придет Апокалипсис, тоже многие умрут только оттого, что не в силах будут принять, понять происходящее. Голова у них лопнет, как перегруженный компьютер старого образца...

Невидимый голос объявляет что-то очень хрипло и, видимо, по-английски. Огненная река заканчивается, поезд, чуть вздрогнув, попадает на обычные рельсы и замедляет постепенно ход. Стены тоннеля снова сужаются, приближаются к окнам вагона, так уже непохожего на тот далекий, первый вагон, в котором мы ехали когда-то, тысячу лет назад. Снова какая глупая, банальная фраза: «Ей показалось, что все это было тысячу лет назад». Пишут, идиоты, как будто знают, какое это ощущение — тысячи лет... Сами, поди, не помнят, что десять лет назад было, а тут — эва! — размахнулись — «тысячу лет!». Человек и живет-то всего лет семьдесят при благоприятном стечении обстоя-

ятельств, а мыслит такими вот глупыми штампами.

Поезд останавливается, двери открываются, мы с Витей как-то по-новому, гордо выходим из вагона. Мы держимся за руки теперь, и Витя весь распрямился, вытянулся, а то был, словно крендель. И вывернутая куртка так важно облегает его плечи, и мой норковый поношенный берет сидит на голове, как корона... Неслышимая музыка слагается в нашем сознании. Группка грязных американских подростков шарахается в сторону при виде нас. Все что-то говорят по-английски, кругом указатели и светящиеся таблички, и мы идем по перрону подземки, такие свободные, важные чинные, осиянные.

«Вот ведь оно как просто, — думаю я. — Надо просто перестать сопротивляться происходящему, воспринимать все, что случается, как должное, не плакать, не ныть, не бояться, потому что на самом деле мы абсолютно ничего не можем изменить, исправить, прекратить. Вот Витя — сначала испугался, а теперь — рад. Надо радоваться.» — решаю я и иду вперед, ведомая Витей.

— Книжку-то выбросила, как я теперь проповедовать буду? — укоризненно спрашивает Витя. — Грешно выбрасывать божественные книжки.

— Я просто испугалась, — миролюбиво поясняю я.

К перрону подходит поезд, но мы не спешим садиться в него. Теперь я уже боюсь, что этот поезд окажется обычным и привезет нас обратно, в тусклый январский день, на скучный Урал, в город, который знаменит тем, что в нем расстреляли царскую семью.

Ощущение избранности проникает в мое сознание, но Витя сурово тянет меня к вагону, что-то на ходу поясняя, рассказывая — я не понимаю смысла слов, но интонации мне вполне достаточно для успокоения.

Вагон наполнен мягким сиянием, нежными радужными переливами тонких опаловых оттенков, для которых нет слов в обычном человеческом языке. Пассажиры — их всего-то трое — тоже нежные, умиротворенные, источающие любовь и покой. Один из них любезно подает Вите выбро-

шенную мной книжку в розовой обложке и улыбается. Поезд мягко трогается с места, но тьмы за окном нет — голубое сияние небес проникает в вагон.

АЛЛИЛУЙЯ! — на международном языке сладко запекает динамик. Витя декламирует что-то из вновь обретенной книжечки, смысл слов доходит до меня сверкающий, очищенный, как бы минув органы слуха, достигая сразу врат души.

ДО КОНЕЧНОЙ СТАНЦИИ ПОЕЗД СЛЕДУЕТ БЕЗ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ОСТАНОВОК.

Ольга БОЧЕНИНА

Боченина Ольга Венаминовна родилась в 1951 году в г. Богданович Свердловской области. Закончила Сухоложское медицинское училище. Живет в Екатеринбурге. Первые стихи пришли в 28 лет.

Гончар

Из особой лепит глины:
Каждой девице — жених,
Каждой женщине — мужчина.
И дается всем по чину:

Девице — цветы и стих,
Жениху — улыбка, «милый»,
Для мужчины — удаля, силы,
Женщине — тепло и смех.

Ставит парами на полки,
По порядку, на погляд.
Тут и козы, тут и волки
Ожидаячи, стоят,
И царят любовь да лад.

Если ж что-то вдруг не так,
Отправляет Мастер в брак
И, его покорны воле,
В дом — жена, а муж — на поле,
Каждый сам себе мастак.

Изменяются личины,
Мужу — от жены — морщины,
Для жены — пустой орех;
Для нее — случайный милый,
Для него — случайный грех.

Повседневности картины,
Бесконечная рутина,
Дети, внуки для утех...

И Вягтеля огрех —
Вечная причина.

* * *

Все в прошлом — и счастье, и горе.
Все в будущем — новый круг.
Разрушатся старые горы,
Врагом обернется друг;

И будет опять Искупитель
Иуду в уста целовать;
И чья-то остынет обитель,
И в траур оденется мать;

И рухнут бывшие затворы
Под вскрики заржавленных труб...
Все в будущем — счастье и горе
И Времени замкнутый круг.

* * *

Ты только сон
цветущей сливы
так невесом

Ты только стон
ушедшей силы
последний стон

Ты только свет
ночи стоjarной
прозрачный свет

Ты только след
былых пожаров
заросший след

* * *

Облачные горы
Накрывают город,
Приглушая краски.

Ветру суетливо
Раздаривает ива
Ласки.

Ей ли не удача —
Все сейчас заплачут,
Скинув маски.

Ахматовой

Ты на солнечном восходе
 Пела про любовь.
 Пальцы тонкие твои
 Были, может, как мои,
 Стерты в кровь.

Ах, на них ты не смотрела,
 Только тихо-горько пела
 Про любовь.

И не гнева жало овод
 На тебя вострил.
 Нежный ангел, сине око.
 Прилетевший издалека,
 Златоглав и быстрокрыл,
 Над тобой парил.

* * *

Мне б растрогаться
 да с тобой
 вдоль по улице
 в мир людской
 Меж подобными
 горе-радость пить
 как завещано
 лишь тебя любить
 На тебя смотреть
 да забыти ся
 мерно под руку
 вместе двигаться
 Мне б растрогаться
 в этот день
 да со лба убрать
 складку-тень

* * *

С сияющей лестницы
 меж небом
 и землей
 тянется отрок
 одною рукой
 к чему-то вниз,
 крепко
 держась
 другой.

* * *

Юпитер мой, сердит ты снова.
 Тебя мне не понять.
 Скажи мне ласковое слово!
 О, где же благодать,
 когда я слушала, внимала

и понимала: мало, мало
 одну себя отдать!
 И как бледна себе казалась
 подруга бедная твоя, —
 перед тобою, ярко-алым,
 исполненным огня!
 Скажи мне ласковое слово!
 Все так же ты, желанный, люб,
 хотя глядишь почти сурово,
 чело в морщинах, хмуры брови,
 молчишь. Со мною ты не груб
 и вежлив даже свыше меры,
 легко найти тому примеры...
 Но только жду от милых губ
 я нежно-ласковые речи,
 прикосновений — страстно, вдруг,
 чтоб — холодок — от шеи в плечи,
 чтоб полыхнула бесконечность
 и разомкнулся круг...
 И пусть веселой птахой вечер
 взлетает, сладостно поет,
 пусть зажигают звезды свечи...
 И раны старые залечит
 Юпитер мой. Или убьет.

* * *

Голова ты моя, головушка,
 Соловей не поет соловушке.
 Среди тонких узоров ветвей
 Нынче прячется воробей.
 И веселая птица-синица
 На ладонь бесстрашно садится.
 Неба высветив синеву,
 Снег мою осыпает главу.

* * *

И будет день
 разлукой пьяный
 сухая тень
 цветов багряных
 и шаткость стен
 и ночи полог драный.

* * *

Маленькая моя,
 родненькая,
 да как же ты выросла!
 Сквозь дюжину
 этих солнечных лет
 ветер неистовый
 душу живую
 так бережно нес,
 чистую.

Николай КОЛЯДА

«...Нелюдимо наше море...»

**Николай Коляда
и «Натуральная школа»**

— Сегодня в литературных кругах Вас, Николая Коляда, все чаще называют представителем «натуральной школы». Так ли это?

— Ну да, я такой. Кондовый реалист. Я за реализм. А если точнее говорить, я «нахожусь» в традициях великой русской литературы. Мне дорог и близок Чехов и Достоевский, Гоголь, литература 19-го века. Поэтому я пытаюсь писать «под них». Да, я — реалист. И мне очень не нравится, когда меня называют постмодернистом, выскиска и находя какие-то вещи. Я — бытописатель.

Записал Петр Родимов

Дождь в ту ночь лил на крышу дома. Лишь под утро тучи воровато и быстро расплзлись во все концы неба, застыдившись за содеянное: одинокий дом, глубоко засевший в ложбине, оказался со всех сторон залит водой — ни подхода, ни выхода...

Дом этот был странноватым сооружением: две стены его, часто залатанные кирпичом другого цвета, вообще не имели окон, на третьей было одно окно, а на четвертой — пять подряд, сразу. Рядом с домом — завалившиеся хозяйственные постройки, стенки которых подпирали поленицы неаккуратно порубленных дров.

Стоял этот дом чуть ли не в самом центре города. Понятно, что не на видном месте, а затертый среди больших и угластых многоэтажных домов. Не год и не два городские власти собирались снести его, но вот понастроили больших домов, но эту неудобную для строительства низинку и в ней двухэтажку — наполовину из кирпича, наполовину деревянную, и четыре семьи в этой двухэтажке — обожли, забыли... Из подвала дома давно уж выселили жильцов, потому как там совсем уж невозможно было жить. Заложили подвальные окна обломками кирпича, сквозь которые все равно в утробу дома и осенью, и весной лилась вода — и все...

Первой потоп заметила Нина Николаевна. Все соседи в доме звали ее почему-то не Ниной Николаевной, а Манефой.

Утром, часов в шесть, Манефа вышла, позевывая, «до

ветру». Ступила спросонья, было, в воду, набрала сапог, перепугалась, чуть не завопила от неожиданности, но потом, подавив в себе голос, решила уж основательно преподнести эту новость обитателям дома, не с бухты-баракты...

Палкой, которая валялась на крылечке, потрогала дно, проверила, глубоко ли? И совсем разулыбалась, обрадовалась: глубоко!

Одернув платье и поправив платок, Манефа сложила руки на животе, вздохнула, подумала еще: «Полшестого де-то на часах...» и закричала по-дурному, заголосила над лужей:

— Ай-яй-яй!... Да и что же это такое-е? Ай да отчего же это та-ак?... Господи, да за что-о? Отче наш иже еси на небеси... А-а-а-а-а!...

В церкву Манефа лет сто уж не ходила, да и в бога не верила (куда в бога верить — сама ведь бывшая «стахановка!»), а вот тут решила вдруг показать свою смиренность и кротость, вспомнила про бога. Из молитв в памяти и осталось, что одна строчка, а дальше — вылетело напрочь. Но кричала, бога вспоминая, бывшая «стахановка» Нина Николаевна — Манефа из четвертой квартиры:

— Ай, иже если!... Ай, иже если!...

Из своей комнаты вылетел в одних трусах Анвр, муж Дянки-продавщицы. Вылетел он сразу, будто только и ждал Манефиного «призыва». Потопал босыми ногами по холодному и скрипучему полу коридора, прокашлялся, спросил:

— Слушай, с ума сошёл, да?

Манефа в угаре ничего не видела, выла дальше.

Анвар «приходь» Манефины знал и потому матернулся по-русски прямо в ухо «вестнице», после чего Манефа сообщила:

— Ваня-а-а! — это она так Анвара-армянина назвала. — Ваня-а-а! Глянь-ко, а? Нас ить опять затопило! — и снова завела: — Ай-яй-ёшеньки-и! А-а-а! Отче наш иже еси на небеси-и...

Анвар, испачкав руку в побелке, нашарил выключатель и включил в коридоре свет. Снова матернулся, теперь

уже потише и по-своему, посмотрел на лужу у дома.

Жил он с Динкой в этом доме всего лишь год, но знал: весной и осенью дом заливало дождевой или талой водой. И всякий раз обитатели дома принимали это затопление так, как малолетний ребенок-глупыш принимает подарок в день своего рождения: смотрит он удивленно, разглядывая игрушечную машинку или куклу, недоумевая: отчего это колеса крутятся? Как это? почему? отчего? зачем?

Так же вот и жильцы этого дома по улице Красноармейской, 80 всякий раз поражались: как это все устраивается? Почему это их два раза в год затопляет? Отчего это?

— Чё там такое, Анварчик? — в приоткрытую дверь высунулась заспанная Динкина голова в бигудях. — Чё? — повторила она, так уставившись на мужа-примака, будто первый раз его в трусах увидела.

Тут же задергалась оббитая дерматином дверь и, глядя через цепочку, вместе, сразу, высунулись Ольга и Николай Кудрявцевы. Глаза у них тоже по юбилейному рублю: что, мол, такое?

— Ай-яй-яй-яй-ёшеньки! — продолжала Манефа арию «Мы пропали все», вытирала слезы (что-то, а уж поплакать она любила и умела — хоть над пересоленным супом, хоть над раздавленным тараканом).

— Японский бог! — крикнула Динка. — Чеканулась совсем! Ор-рёт!

— Диношья-я, миленькая... Динцлещья-а! — войдя с крыльца в коридор, всхлинула Манефа. — Глянь-ко-о, Диношья-а...

Два раза в год называла она так соседку-продащицу, в дни погопа. Все остальное время Динка называлась только «шалашовкой» и «воровкой», а ее муж, таксист Анвар, — «чернозадый убивец».

— Диношья-а, солнышко! — окала Манефа. — Опеть, опеть нас затопило-о-о...

Динка нырнула в темноту своей комнаты, что-то опрокинула, торопливо выбросила Анвару штаны.

— Надень, застудишься!

Весь дом задергался, заскрипел половицами, зашатался, как в ознобе от того, что хозяева всех четырех квартир затопали ногами по полу...

Вот уже проснулись все «второстажники»: семья Кудрявцевых — Николай, Ольга и их семилетний пацан Васька, Динка-продащица с примаком Анваром, Фаина Воинских с законным мужем и таким же законным выпивохой Вовкой и — Манефа, то бишь Нина Николаевна.

Встали кучкой на крыльце и помалкивали. Только Манефа гордила ни к тому, ни к сему:

— Вот, Диношья, как... Вот была бы жива твоя мамочья, вот она бы поглядела... Вот бы она увидела, вот бы она... Ой-ё! Ой-ё!..

Динка ошалело глянула на Манефу, не поняв связи:

— Ты бы еще дедушку вспомнила! Чё мелешь-то? Совсем уже, что ли? Гор-родит, язва! Будто мама ни разу не видела...

Манефа промолчала, только задавленно охнула.

Вода тихо и мирно билась о самую верхнюю ступеньку довольно-таки высокого крыльца. По грязной поверхности лужи крутились хвостики-вертолетки, слетевшие с

клена, который стоял у самого крыльца, оббитый иссохшими жилами хмеля. Чуть подальше, у сараев и выбеленного туалета с черными буквами «М» и «Ж», глубоко в воде тонули две березы. Верхушка одной была срезана когда-то и теперь чернела множеством тонких длинных отростков. Единственная водосточная труба на стене насквозь проржавела и вот-вот готова была рухнуть во двор. Да по ней, кажется, вода никогда и не бежала с крыши: горловина трубы уже давно засорилась землей, и сейчас там, в горловине, торчали и свисались былинки травы, тоже иссохшей к осени.

— Мама, я писать хочу, — тихо сказал Васька.

— Иди в комнату, ведерко поставлю, — приказала Ольга сыну, пошла было в комнату, но Николай прикрикнул:

— Еще чего! Пусть с крыльца!... Тоже мне! Не хватало мне еще в комнате!...

Васька, не стеснясь никого, сделал с крыльца, и все долго и внимательно прислушивались к бульканью воды.

— Зараза, как же это я не слышала? — сказала Динка, сжимая кулаки.

— А? — не понял Анвар.

— Да ночью, говорю, не слышала, совсем дождя не слышала...

— С молодым мужем немудрено, — съязвила Фаина — первый раз голос подала.

— Правильно, — сразу же нашлась Динка, — с твоим-то ты только и знаешь, что прислушиваешься... Больше тебе делать нечего, понятное дело... Штирлиц!

— К чему это я прислушиваюсь? К чему это я прислушиваюсь? А? А? А? — Фаина вдруг поставила руки в боки и так заорала, что воробьи на поломанной березе перестали чирикать. Фаина была в зимнем пальто, накинута на желтую, вытянутую комбинацию, которая всем сразу стала видна, как только Фаина встала в боевую стойку.

— Когда это я подслушивала? Когда это я подслушивала? Нет, ты скажи!... Скажешь, нет? — Фаина пошла на Динку, и та, попятившись, чуть было не бухнулась с крыльца в воду. Отступить было некуда, и потому Динка сдалась без боя:

— Ты чё, чё, чё, Фая?... Чё к словам-то? Чё с тобой?

Фаина сразу, как выключенный телевизор, задавила в себе голос, захлопнула пальто и уставилась вдаль, на новые дома, в которых ближе к началу рабочего дня все больше и больше зажигалось окон.

— Я к тому, Фая, — все еще зачем-то продолжала оправдываться Динка, — я к тому, что днем в магазине набегаетесь, так спишь, как убитая, а ты...

— Вот так вот с вами со всеми надо, — сказала Фаина.

— А как же я на работу-то, а? — прошипел похмельным голосом Вовка и сам испугался этого своего булькающего голоса.

— Похмелиться тебе? — во всю плотку крикнула Фаина. — Вот тебе!... Вот! Вот тебе все похмелье! Хлебай из лужи, паразит! Вот тебе! Всё, всё, всё!

И она, довольно расхотавшись, пошла в комнату, бухая по коридору мужниными, одетыми напроброску сапогами так, что ведра и кастрюли, в бесчисленном мно-

жестве стоявшие у стен, дружно заблямкали...

Немного повздыхав, за Фаиной ушли и Николай с Ольгой, подталкивая впереди себя расшалившегося — в школу не иди! — Ваську. Ушли и Анвар с Динкой.

На крылечке в тоске остался Вовка, который, кажется, отсюда видел в далеком новом доме вывеску гостиницы «Юбилейная», и в гостинице этой — теплый и уютный буфет, с шести утра открывающийся и имеющий несметное количество спиртного, продающегося из-под прилавка.

Осталась и всхлипывающая Манефа.

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы! — сказал Вовка.

В уголке между досками крылечка и подвалом дома накопился всякий мусор: вертолетики клена, мелкие желтые листочки акации, клочок газеты и этикетка от бутылки вина.

По воде бжжала мелкая рябь, которая часто-часто хлюпала все это по кирпичу.

— Пойдем, Вовушко-о, — ласково шепнула Манефа «Вовке-опойке» (в Манефиных пересудах Вовка шел обычно сразу после Динки) и посмотрела на Вовку-соседа любовно и умиротворенно, как святые смотрят с икон на молящуюся паству.

Вовка сразу почувал добычу. А Манефа, тая от доброты своей, приложила палец к губам сначала, а потом тем же пальцем поманила Вовку за собой, в свою комнату.

Ушли и они.

Стало совсем светло... Солнце на небе было огромным, красным. Спокойно гляделось оно в лужу, неспешно раскручивая день. Нити паутины зацепились в неглубоких, прихваченных морозом колеях дороги и тихо раскачивались по ветру, вбирая в себя лучики солнца...

Вовка в кислom воздухе Манефиной комнаты пробыл недолго — минут пять, не больше. Спасибо Манефе — опохмелила в честь праздника затопления! Отыскала где-то в шкафчике бывшая стахановка полбутылки вина, и Вовка, вылив краску в себя, вышел — человеком.

Лужа у дома показалась ему не такой уж и большой, гостиница «Юбилейная» — не такой уж и далекой, и утро даже стало теплым.

Вовка встал на крыльце твердо, хлопнул себя по пузу резинкой трусов и что-то замурлыкал.

В комнате Кудрявцевых настойчиво и оптимистично заиграло радио:

— Вдох! Выдох! Раз! Два! — с глупым восторгом командовало оно, — На месте! Бего-ом! Ма-а-арш! Раз! Два! Раз! Два! Раз! Два!...

— Раз-два, раз-два, раз-два, — Вовка тоже побежал на месте. Доска под его ногами хлюпнула и облила его фонтанчиком грязной

воды так, что Вовка подпрыгнул, хихикнул и принялся в коридоре растирать ладонями колени.

Дверь Кудрявцевых отворилась, выпустила из комнаты музыку утренней гимнастики, и в коридоре появился Васька — уже одетый, с куском хлеба в руках. Посмотрел на соседа, прожевался.

— Здравствуйте, дядя Володя, — сказал.

— Привет от старых штиблет! — весело ответил Вовка и двумя пальцами зажал Васькин нос. — Ты че это такой сопливый, шкет? Пряма как в песне: «След кровавый стелется по сырой земле...»

— А я сегодня в школу не пойду, — довольно сообщил Васька.

— А я сегодня на работу не пойду, — точно так же ответил Вовка.

Тут в коридор к умывальнику торопливо выскочила Динка.

— Вова, ну как же мне на работу-то, а? — будто сама себе сказала она, плеснув в лицо воду.

Вовка уже взялся было за ручку своей комнаты, но тут, приостановившись, вдруг изобразил на лице что-то бесшабашное.

— А вот дашь трояк — перенесу через лужу! — сказал он полушепотом.

Динка от этого внезапного предложения застыла. Капельки воды медленно текли по ее лицу, падая на синий, застиранный халатик.

— Ну уж, трояк, — неуверенно сказала она, растирая щетки длинными, с маникюром на ногтях, пальцами.

— А ты думала? Там ведь чуть не по пояс, не иначе... Да и холод собачий... Да и водка ныне... А я вот тебя на загорбышек — и иди, торгуй, продажная душа, — «Со-стрил» Вовка.

Динка задумалась.

— Не, Вова, трояк — много.

— Ишь ты! Расшумелось сине море в рукомойнике! Тебе загорелось на работу иди? Загорелось? Ишь ты, хочешь и рыбку съест и — еще и сесть, так, что ли, потвоему? — развел руками Вовка.

— Вовкя-а! Вовкя-а! — раздался из комнаты Фаинин голос — с кровати, видать, кричала. — Иди домой! Вовкя-а! А то получишь у меня по репе! Вовкя-а!

— Щас! — крикнул Вовка и показал Динке глазами и затылком сначала на свою дверь, а потом, подбородком вперед — на лужу.

— Че кривиться? — рассердилась Динка, покусывая губы.

— Давай, говорю, перенесу, пока меня маманхен в постель не убрала, — шепнул Вовка.

— Вовкя-а-а-а! — снова раздалось из-за двери. — По репе, говорю, по репе!...

— Да подожди, я покурю! — громко сказал Вовка и сделал большие глаза Динке: давай, мол, решай.

— Я не накрасилась, — сказала Динка.

— Господи! Да кто там на тебя, на лахудру, смотрит-то? Кому ты нужна, кроме своего армянина? Они на колбасу, на печенья, на водку смотрят, а не на тебя! — обозлился Вовка.

— Ну погоди, я оденусь! — решила, наконец, Динка и бросилась в комнату.

Вышла Манефа, осторожно прикрыла дверь, вытерла уголки губ пальцами. Вовка подмигнул ей: мол, мы с тобой здесь засекреченные разведчики в стане врага. Манефа кивнула ему с улыбкой, даже глаза при этом зажмурила.

Выскочила Динка, поправила поясок на длинном шуршащем болоньевом пальто, шепнула Вовке:

— Пшл! Бстр пшл! Бстр!

Вовка, улыбаясь как блаженный, пошел на крыльцо, разулся. Потрогал ногой холодную воду, сказал:

— Где наша не пропадала! — и скомандовал Динке: — Сдсь! Бстр! Бстр сдсь!

Динка, потоптавшись, вспрыгнула на Вовку, руки замком зажала у Вовкиной шеи. Они сразу стали походить на известную картину «Дети, бегущие от грозы». Вовка — в длинной, провислой под мышками майке и в трусах до колен, и Динка — взгорбатившаяся у него на спине, в болоньевом пальто, с повязанным на голове мохеровым шарфиком.

Сумку свою Динка держала в руках, и она, раскачиваясь, постукивала Вовку по худой груди...

Вода обхватила Вовкины ноги, и тут он уже пожалел, что решил тащить Динку.

— Ты деньги взяла? Трояк-то? — натужно спросил он, останавливаясь.

— Взяла, — дыша Вовке в ухо, сказала тихо Динка. — Тут они, в сумочке...

— Ну, тогда пошли, — стиснув зубы, сказал Вовка.

И пошел, корчась от боли: земля у дома, ставшая теперь дном лужи, была усеяна камнями, стеклами разбитых бутылок, гвоздями, золой из печек. Вовка в любую минуту мог бы располосовать себе подошву.

Васька на крыльце замер, подавившись куском хлеба.

Манефа же, выйдя из шока, который хватил ее, как только Динка в молчании залезла на Вовку, проглотила горячую слюну и, расставя в стороны руки, будто слепая, побежала по коридору. Хотела было рвануть к Анвару, но потом, оглянувшись, бросилась к дверям Фаины:

— Хвайя! Хвайя! Хвайя! Глянь-ко, че делается!

Фаина сразу выскочила. Поняла, что случилось что-то невероятное, так как Манефа по пустякам не звала бы — ведь три дня уже они с ней на ножах из-за очередности мытья полов в коридоре.

Она оттолкнула воздевающую руки к небу Манефу, выскочила — опять-таки в одной комбинации — на крыльцо и увидела картину «Дети, бегущие от грозы».

— Ничё, ничё, вот до берез дойдем и — лады, шептал в это время Вовка. Динка поджимала ноги, носками сапог скользила по воде, оставляя за собой маленькую рябь.

Вот уже начала отступать вода, вот уже прошли березы, вот уже из лужи стали выходить Вовкины труссы, прилипшие к телу, вот осталось шага три, не больше...

— А-а-а-а-а-а! — что есть мочи рывкнула с крыльца Фаина.

Не надо было ей кричать, ох, не надо было...

Ноги у Вовки подкосились, и свалилась Динка с его спины в лужу...

Свалилась она легко и мягко, будто осторожно легла в воду, на спину, продолжая держать на вытянутых руках свою сумку.

Воды-то там было — воробью по колено...

Услышав Фаинин рык, на крыльцо снова вывалился весь дом: Кудрявцевы и Анвар присоединились к Фаине и Манефе с Васькой.

Динка, не шевелясь, лежала в луже, чувствуя, как медленно шуршит по болонье и бесцеремонно залазит за шиворот к спине, в ноги холодок воды. Двинуться почему-то боялась — не во сне ли?

Вовка протянул к лежащей в луже Дине руки, сказал негромко:

— Здравствуй, мама, возвратились мы не все...

Секунд пять было тихо. В луже и на крыльце не шевелились — что называется: немая сцена.

Пролетела ворона, каркнула и уронила в воду помет.

— Намокнешь, Дина, — все так же негромко и спокойно сказал Вовка. — Вставай, что ли...

Снова пауза.

— У нас ревизия сегодня, — задумчиво и стихами сказала Динка.

— Ты, Динка, сумку не мочи, — в тон ей ответил Вовка, вырвал из Динкиных рук сумку и вышел из лужи.

Фаина на крыльце разразилась проклятьями. Вовка в минуту узнал, что он «кретин, дурак, фраер, дятел».

— Яп-пон-нс-ски-ий бог-к! — надрывно сказала Динка, приходя в себя. Поднялась коряво, как мертвецы встают из могилы вершить страшный суд. Посмотрела сначала на Вовку. Потом повернулась к крыльцу, словно показала всем: вот. Мод, я какая — лицо в грязи, шарфик мохеровый скукожился, с болоньи ручки черные текут...

— Картина Репина «Приплыли», — сказал Вовка, стуча зубами от холода.

И тут Динка взвыла, пошла по луже к Вовке, стукнула его кулаком по голове два раза, вырвала из рук сумку и пошла — нет! — поплыла к крыльцу, как атомный ледокол, чтобы «все расстрелять на своем пути». Фаина начала было и Динку обкладывать грехами, но, увидев сумасшедшие кошкены ее глаза, завопила, как резаная, и кинулась к себе в комнату, закрылась на щеколду. В комнате распахнула окно, продолжала вопить. Так как окно было на другой стене, мужа она не видела, но знала, что проклятья ее он слышит, и потому все кричала и кричала туда, в сторону новых домов:

— Дурак! Дятел! Фраер! Дурак!

Плачущую, свирепую Динку втащили на крыльцо, хлопаящее под ногами, и Анвар увел ее в комнату.

Кудрявцевы хмыкнули и ушли к себе.

На работу никто не собирался, а после Динкиного плаванья все и по давню поняли: рыпаться нечего, сиди и — кукуй.

Васька был жутко доволен, что в школу не идти. Манефа была довольна еще больше: развлечений куча, а день только-только начался.

— Свинья всегда грязи найдет, — не то про Вовку, не то про Динку сказала Манефа с улыбкой.

Дом на Красноармейской, 80 ходил ходуном.

Вовка долго прохаживался по той стороне лужи, замерзал в трусах.

— Не май месяц, однако, — клцкая зубами, сказал он.

Боялся воды, чтоб перебраться на ту сторону, еще больше боялся Динкиного гнева, еще больше — Фаинино.

— Ну, блин! Расплескалось синие море в ручкомойнике!

На крыльцо вышел Кудрявцев, крикнул Вовке:

— Остров на море стоит! Кораблю пристать велит!

— Учитель еще, блин... Еще и издевается, блин, падла... — пробурчал Вовка, надул синие губы.

— Ой вы гости-господа, куд-да вы, куд-куда? — дурачился Коля Кудрявцев, широко стоял ногами на крыльце. — Переправа, пере-

права! Берег левый, берег правый!

Динка вырвалась из комнаты, потрясла кулаками:

— Только приди сюда! Только приди! Получишь у меня по репе так, что не встанешь! Я тебе последние волосы повыдергиваю! — и, продолжая реветь, ушла. — У нас ревизия сегодня, ревизия, блин!

Вовка постоял, постоял и потом вдруг, решившись, с разбегу кинулся в лужу, высоко поднимая руки и покрывавая, пошел к дому:

— Ах ты, колумбарий мой, дорогой и любимый! Да как же я без тебя! — повторял он. Сдаюсь, милые, сдаюсь!

Взобрался на крыльцо и пошел по коридору в свою комнату, оставляя на полу мутные следы.

Фаина открыла дверь, втащила Вовку в комнату и — началась третья мировая война...

Манефа долго прислушивалась к крикам из комнаты Вовки и Фаины, освободив ухо от платка. Когда крики стихли, она вздохнула огорченно и ушла...

Кудрявцев сходил к себе, вынес старый табурет, сел и принялся курить, напевая:

Раскинулось море широко!

И волны бушуют вдали!

Товарищ, мы едем далеко!

Рисунки Юлии Фирсовой.

Подальше от этой земли!..

Скоро все успокоились, и стало скучно. Всем стало скучно сидеть взаперти.

На крыльцо к Кудрявцеву пришла Манефа, притащила большой медный самовар. В комнате у нее было одно полено, и теперь, расщепив его, Манефа принялась разжигать в самоваре огонь. Над водой пошел дым — синий, пряный.

— Тетя Нина, а че вы делаете? — любопытничал Васька, перестал пускать по воде бумажные кораблики.

— А вот, Васенька, чайку хоть попить надо, что ли, — с готовностью ответила Манефа — скорее, Коле Кудрявцеву говорила, ему, все так же сидящему на табурете, опустив руки. — Сходи, Васенька, в мою комнату, там должен быть заварной чайник у меня... Воды вот только мало, токо-токо на четвертинку самовара, боюсь, не распаялся бы...

Васька пошел в комнату Манефы. Коля Кудрявцев тоже поднялся и через минуту принес полведра воды и без слов вылил в самовар. Манефа остолбенела.

— Вот, спасибо, Коленька, вот спасибо... Вот спасибо, Коленька, вот... Вместе чайку попьем, вместе пошвыркаем...

Кудрявцев снова ушел в комнату, крикнул что-то Ольге и вынес на крыльцо небольшой, крепко сбитый стол. На стол поставил самовар.

— Как купцы будем, — хохотнул он. — Как купцы у своего пруда. Искупались, а теперь — чай пить...

Пришла Ольга с табуреткой и салфетками, постелила салфетки на стол. Стукнула в Динкину комнату:

— Дина! Иди чай пить, согрейся, а то еще простудишься!

Вышла Динка — в шубе, шапке и валенках.

— Какой чай? У нас в ведре на доннышке...

— У нас есть, — ответила Ольга. — Иди, иди... — и ушла за сахаром и чашками.

Динка похлопала глазами, ушла и вернулась на крыльцо со стулом и тарелкой конфет.

Самовар закипал. Манефа суетилась и все чего-то радовалась — тому ли, что на ее самовар народ собирается, тому ли, что будет с кем поболтать ей.

Сели. Манефа налила чаю.

Пили молча.

— Ух, хорошо-то как! — выпив чашку, сказала Динка. — Малины бы сейчас — все бы было в полном порядке.

— Сейчас, сейчас, — обрадовалась Манефа и бросилась к себе.

Динка глупо улыбалась.

— Где этот малгожар, — сказала она чуть сердито, кивнув на Вовкину дверь и, словно оправдываясь, добавила: — Тоже ведь простудиться может, паразит. Не смотри, что насквозь проспиритованный... Помрет, а я потом реви на его похоронах...

Пошла, шоркая валенками, стукнула в дверь к Фаине и Вовке.

Фаина возникла на пороге сразу, в боевой стойке, готовая к любому отпору. Только было раскрыла рот, как Дина тихо сказала:

— Фая, пойдете чай пить... Тоже ведь голодные...

Фаина рот захлопнула, глянула на компанию, расположившуюся на крыльце, долго соображала, что к чему.

Пошла к себе и вышла со стулом, уже в платье, не в комбинации. Села к уголку. Следом вышел Вовка, тоже одетый. Подвинул Фаину, сел.

Посидели, помолчали.

— Нда-а-а-а! — протяжно сказал Вовка и потрогал синяк под глазом.

Динка захохотала во всю глотку:

— Пей, дурень. Чай, простынешь ведь!

Тут уж и Фаина не сдержалась, захихикала, и все подхватила, принялись смеяться.

Пили чай, болтали. Разбуженный в десятый раз, вышел Анвар, присел.

Фаина ни с того, ни с сего принялась рассказывать, как прошлый год она ходила в театр.

— Как мне этот артист понравился! Я вообще больше люблю артистов балетов, но тут был этот... Не помню, как его фамилия... Клеонта он играл, вот это помню...

— Клиента? — переспросил таксист Анвар?

— Какого клиента? Клеонта! Герой там был такой! Ну! Да к чему это я?

— Да не мели ты! — оборвал жену Вовка. — Интеллигенция! По театрам она, по клиентам шастает! Я что хочу сказать, робя! Хорошо сидим, а? Может, за бутылочкой сбежать? А?

— Бутылочкой по затылочку, — вытерев сопли, сказала Динка. — Сиди. Ты уже один раз сбегал, — и она, засмеявшись, натянула шапку на лоб.

Все снова захохотали. Вспомнив недавнюю историю.

— Не, братва! — не унимался Вовка. — Что я хочу сказать, а? Речь! Вот сидим мы тут, да? А вот помните, был потоп? И вот собрал тогда Ной — звали его так, мужика-то, собрал на плот вот так же, как всех нас...

— Они потом еще попали на Арарат, — сказал Анвар.

— Ну! — Вовка махал руками. — Вот, как нас собрал: каждой твари по паре, а? Понимаете?

— Ты кого это тварями называешь? — грозно спросила Фаина.

— Да ну тебя! — Вовка все что-то хотел сказать, но не мог, слов не находилось. — Слушайте, робя, а? Давайте тогда споем, что ли?

И затянул:

Нелюдимо наше море!

День и ночь шумит оно!

В роковом его просторе!

Много бед погребено!...

Буря, ветер, ураганы!

Ты не страшен, океан!

Молодые капитаны! — тут он постучал себя в грудь, — Поведут наш караван!

Фаина тоненько подхватила припев, а Вовка шепнул Динке в ухо:

— Динка! Ну, трючок я сегодня не заработал — это точно. Так хоть рупь пийсят дашь?

— Дам, — сказала Динка.

Иннокентий ДАНЬЕВ

Иннокентий Даньев. Родился 17 февраля 1981 года в городе Полевском. Ныне - студент заочного отделения факультета культурологии УрГУ.

За этот исторический промежуток времени успел последовательно протоптаться с яслями, детским садом, средней школой и иллюзиями. Поступив в университет, встретил: спутницу жизни - одну, Муз разного достоинства - шесть, друзей - двоих и творческое объединение - одно. Писательский опыт уступает читательскому не более полгода и составляет около пятнадцати лет. Начало творческого пути ознаменовано рассказом "Васька - дурак", который был опубликован в 1988 году на соседском заборе.

Отец Сейшенэль

— Отец Сейшенэль, отец Сейшенэль! — закричал я, бросаясь к нему.

Исповедник сидел на своем извечном месте возле гастронома, сложив ладони поверх гитарного грифа и оперев на них подбородок.

— Отец Сейшенэль, я хочу исповедаться!

— Здравствуй, Хорхе, — отец Сейшенэль отложил инструмент и приготовился слушать. — Рассказывай, сын.

Я всхлипнул и забормотал Главную молитву, предлагающую исповеди:

— Живи для себя, иначе нельзя. Всех не спасешь, в грязь упадешь. Бери, что можешь, потом умножишь. Общее благо — личина мрака...

«А что толку? — посетила крамольная мысль. — Всю ночь молился, с самых пор, как наваждение нашло — не помогает. Да я же не верю!» — с ужасом понял я вдруг.

— Отец Сейшенэль, помогите мне, я Блага хочу... Всем... — я заплакал, уткнувшись в пахнущую пивом и площадной пылью рясю.

— Плохо, сын... — Исповедник вздохнул, и я почувствовал, как ему тоскливо, и не знает он, что сделать. Я теперь, если напрягусь, любого человека чувствую. Недавно это со мной, аккурат со Снами вместе началось. Кто бы мне раньше сказал, что господин друг министра снега боится, потому что белый он, чем его не копти, и все на нем написать можно, а отец Сейшенэль сомневается, карать ли вероотступника, если с малолетства его знает, или подождать.

Не так, однако, прост был исповедник, отшатнулся он от меня, душой отшатнулся, я услышал, и спросил строго:

— И сны видишь?

— Вижу, отец Сейшенэль... Три недели уже вижу, идти только боялся, думал, таблетки поью — пройдет. У Минтона на Собачьем рынке купил, он говорит: «Две упаковки, по пяти таблеток в день, и всю блажь у твоего приятеля снимет, как гильотина голову». Ну, это я ему сказал, будто не сам умом тронулся, а приятель.. Не помогают таблетки. Я к Минтону пришел, так и сказал, что жулик он. А он глянул на меня, и отвечает шепотом: «Покойник твой приятель, если и это не помогло. Беги в Инквизицию, пускай она его изолирует и лечит, пока Рука не появилась...» А я, отец Сейшенэль, боюсь. Грешник я страшный, не пощадит меня Благословенная. А мне жить так хочется, отец Сейшенэль. И Благо в мир нести... — Тут я спохватился, начал себе пощечины класть и по новой молиться: «Живи для себя, иначе нельзя...»

— Сны-то какие тебя мучают? — повторил отец Сейшенэль. И с такой жалостью он это сказал, что страшно мне сделалось. Жалеть-то тогда только разрешено, когда и поделаться больше ничего нельзя. Тогда уж и пожалеть... А страшнее всего было, что и после этого я не раскаялся, еще больше Блага людям захотел. Чтобы и жалеть не боялись, и прощать, и на помощь со всей дури бросаться. Вероотступник я проклятый...

— Самого, отец, последнего разбора сны Будто болит мое сердце от любви к людям. Простите меня, отец Сейшенэль, молчал я. Правда оно болит, наяву даже. Только во сне оно, как совсем изболится, словно бы взрывается, и на всех людей частичка его попадает. И лица у них светлеют, и в глазах утро разгорается. А мне тогда уж и умереть не жалко...

— Сын, неужели ты не помнишь: страшнее общего Блага чудовище и выдумать невозможно? И худ-

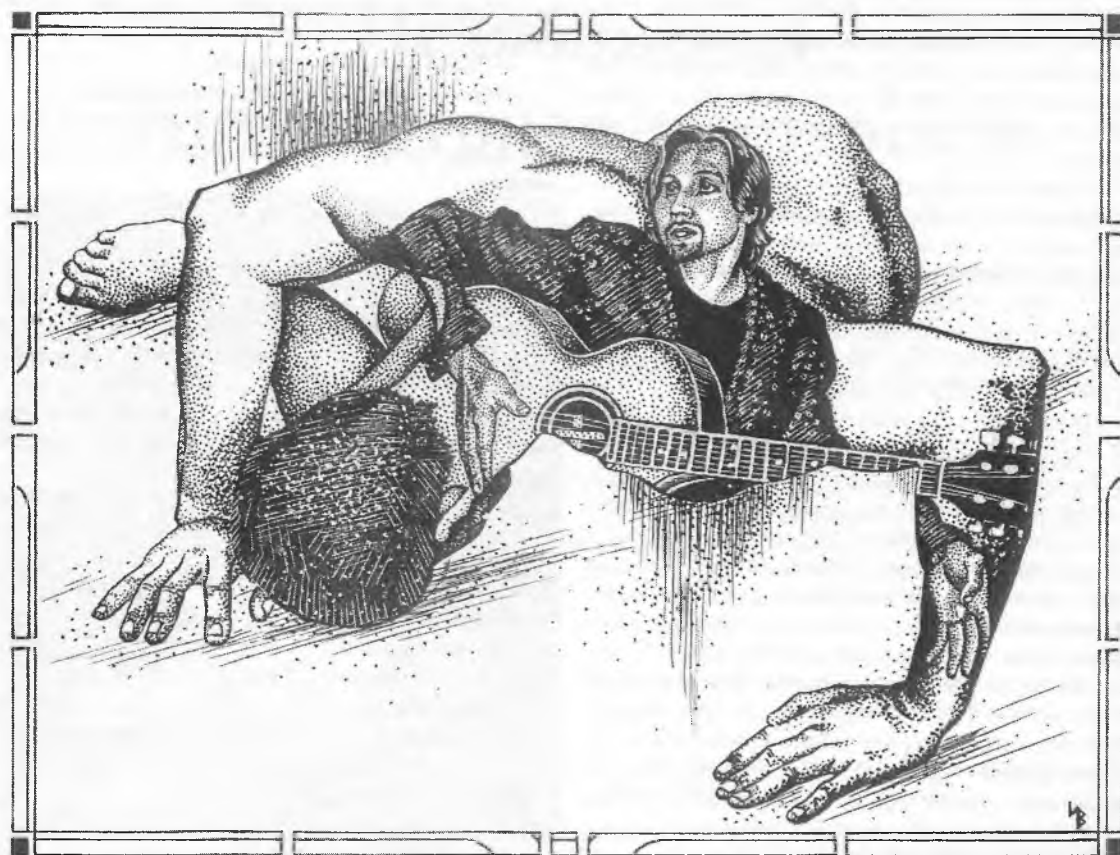

Рисунок Сергея Ивкина

шей вины нет, как за Благо, тобой принесенное, ответ держать?

— Помню, отец Сейшенэль. И про право каждого человека самому ошибиться. И про Благо, ближними друзьями искривленное. И про Благо, из ядовитого зерна возросшее, ядовитые всходы давшее. Даже чего вы не говорили, знаю. Как судьбы ломаются, тех, кто за твоим Благом пошел... Как один народ другой во имя Блага вырезает... Как маленькое Благо от жалости большую беду родит... Снилось оно мне, отец Сейшенэль. А только сердце болит, и Блага им всем хочется. Страшно мне, отец Сейшенэль. Казните меня, не могу сам...

— Можешь, — исповедник встал и поднял меня. — Помни ежесекундно, что худшего преступления нет против людей, чем Благом против них злоумышлять. Это тебе силы даст. Возвращайся домой и молись. А потом поставь себе Маленькую Цель для счастья твоего и близких твоих, и работой на нее, сколько в силах будешь. Иди, — он развернул меня в сторону дома, и я пошел. Уже на краю площади услышал: отец Сейшенэль гитару настраивает, петь будет. Только

почему он меня прогнал, вместо того, чтобы песней молитве моей помочь? И сам я себя одернул: наказан ты, не понимаешь? Без того твоя вина веса не имеет, все мерила звездные надламывает. Скажи спасибо, что в карантин тебя не отправили, в Благословенную Инквизицию.

Тут и заиграл отец Сейшенэль про улицу осеннюю, город одинокий, и до того больно моему сердцу стало, будто струны гитарные из него и тянутся, за собой волокут. Хотел я назад бежать, кинуться исповеднику в ноги: лучше уж Благословенная, чем такая мука; не выйдет, сказать, у меня жить по вашему наказу, Блага я людям хочу! Но махнул мне отец Сейшенэль строго: иди, мол, выполняй, знать ничего не желаю! И совсем, я, видно, с ума сошел, потому что показалось мне, будто ни на секунду не замерла мелодия, пока исповедник прочь меня гнал. Как же он лады-то удерживал? Ну, Самоцель с ним, он много чего может, не удивлюсь, если и Благословенная к нему прислушивается...

Вернулся я домой, молитвенник достал, и давай

все молитвы подряд читать. И «На случай трепета сердечного», и «О будущности великой Моление», и «Об ответственности за малых сих»... Все четыреста четырнадцать штук, даже «О ниспослании хлада душевного», которую инквизиторы-то не все добром поминуют.

Не помогает, больно...

Блага жажду, Блага для каждого тупого и никчемного, подлого и низкого, жестокого и трусливого! Это я для примера самых-то «недостойных», как говорят, выбрал, чтобы самому себе показать, как глубоко пал. Пожелать добра успешному да счастливому за большой грех и не считается. А я уж без разбора, всем... и не добра, не удачи — Блага!

Попытался было я объяснить себе ошибку, памятуя отца Сейшензля наставления. Представь, говорю, как хорошо они сейчас живут. Ну, не все, пусть, благополучны, зато никому им думать ни о чем не надо, жизнь у них ясная, и счастья полные штаны. А обрушится на них Благо, они же покой потеряют, ясность духа, а что важнее покоя и ясности духа? Только бес тот, который во мне последние недели живет, отвечает: это где же ты дух-то у них нашел? Сивушный, что ли, или парфюмный? Ну, этот да, этот дух от них такой же ясный, как воздух в сентябре, спорить не буду. Дурак ты, говорю, бес, что плохого в том, что людям веселья хочется и красоты? Ничего, говорит, если им при этом не плевать друг на друга с телебашни. Так это же беспокойство страшное и неудобство, говорю, не плевать. Ты с ума сходишь, что какому-то чужому дурню пришла охота на нож броситься. И ты же думаешь, как бы своим сумасбродством горя ему не причинить. Кому оно надо, а? Каждый имеет право испортить себе жизнь по своему вкусу. И каждый имеет право по головам пойти, если так ему до неба ближе. Не ври, говорит бес, не думаешь ты этого. Больно ведь тебе?

Тут сердце мне узлом будто связали, я за нож и схватился, не мог уже терпеть. Не успел вот. Само оно взорвалось.

Как во сне. Упал я на колени, кричу, и удивляюсь, что не умер еще, и осколков нет. А из грудной клетки, слева, лезет что-то. Я рубашку разорвал, смотрю — пальцы. Сквозь кожу на свет тянутся, а костей реберных будто и не видят, как нет их. И голос в голове ясный стал, не через вату, а будто рядом кто сидит и разговаривает:

«Не бойся... Это — Рука Блага. Ты же знал, что прорастет она из тебя? Она ведь из того только и растет, в ком Зерно есть. Теперь ты сможешь помочь. Как мечтал».

— Чем я им помогу? Я и не знаю даже, чего им нужно!

«Узнаешь... Почувствуешь. Ты ведь их чувствуешь?»

— Мало ли чего я чувствую!

«Мало... Пока. Скоро научишься, тогда...»

— Разбежались! Чтобы через меня в мир опять эта дрянь пришла, от которой людям беспокойство и немирье?!

А пальцы вот-вот из грудной клетки вырвутся.

— Не-е-е-ет!..

Кричал я, и по нотам свое рождение узнавал. В нынешнем крике и мой первый плач был, и стоны матери, и еще что-то, что помнить — преступление похуже всех снов. Будто кричал когда-то человек, или и не человек вовсе, от боли, за всех людей принятой. Надо Благословенной сдаться: может, не поздно еще, меня они, конечно, не спасут, так хоть остальных не заденет..

В крови была Рука. Пока в моей, но ведь ей волю дай — она никого не пощадит, и все ради Блага. Я помню ваши уроки, отец Сейшензль, я знаю... Взгляд упал на нож, воткнувшийся в пол. Я схватил его и начал кромсать кости и мясо, вслепую, как попадет.

— А-а-а-ааа!!

«Что ты делаешь, безумец, это же ты сам! Зерно — не угроза извне, а твоя прирожденная сила биться за людей на всех полях всех сражений всех времен...

— Против людей? Жри! — я воткнул нож в грудь и повернул, вырезая корни...

Отец Сейшензль сидел, прислонившись к стене гастронома и закрыв глаза. Бедный мальчик. Он перестал слышать его, когда Хорхе потерял сознание. Мальчик еще не знает, что времени у него на передышку — месяц, пока подживет Рука. Наивный малыш, ты думаешь, ее можно просто вырезать... Это клеймо, сын мой, подумал он виновато и с состраданием. Благословенная Инквизиция перевела десятки лет и тысячи людей — зараженных и иммунных, чтобы выяснить, как с нею бороться. Ответ один, но о нем не говорят. Безнадежно. Безнадежно, и это понимаешь, только заболел. После многих месяцев, когда ты калечишь себя, вырезая, выжигая, травя кислотой свою жажду Блага для всех. И если случайно остаешься жив, — ты начинаешь дарить свет. Сколько уж там тебе его отпущено...

Нагнувшись, священник поднял гитару. Припомнил вырвавшийся вчера строчки и начал подбирать аккорды. Нет, не то... Из складок рясы осторожно выпросталась Рука и привычно охватила гриф. Точно! Ми минор, так, а дальше?

Возле крыльца остановился мальчишка лет десяти и, задохшийся, слушал. Еще один, подумал отец Сейшензль, морщась от застарелой, тянущей боли.

Челябинская Литературная мастерская

ЛМ работают четыре секции: прозы, поэзии, критики и литературоведения.

Здесь изучают теорию литературной работы на основе авторского курса «Поэтика» руководителя ЛМ Нины Ягодинцевой, проводятся практикумы и коллективные литературные работы, мастер-классы профессиональных челябинских писателей, семинары-обсуждения рукописей молодых авторов.

В рамках проекта «Соло» реализуются презентационные программы — коллективные выступления в молодежных аудиториях и авторские поэтические вечера.

Издательская программа — от консультаций по подготовке к печати авторских сборников до реализации издательского проекта «24 страницы современной классики», выпуска литературно-художественного альманаха «Новый ковчег», работы на сайтах в Интернете.

ЛМ работает в тесном сотрудничестве с информационными агентствами, редакциями газет, литературной редакцией областного радио и радио «Восточный экспресс», другими СМИ.

Мы предлагаем вам небольшую подборку стихов поэтов из Литературной мастерской.

Руководитель Литературной мастерской,

*поэт, член Союза писателей России
Нина Ягодинцева*

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Нина Ягодинцева родилась в г. Магнитогорске. После окончания Московского литературного института с 1987 года живет и работает в Челябинске. Член Союза писателей России с 1994 года. Автор четырех поэтических книг, более 80 литературно-критических и публицистических статей в периодике. Лауреат литературных премий имени П.П. Бажова (2001 год) и имени К. Нефедьева. С 2000 года работает и как фотохудожник.

Голуби да зеркала
Обещают мне удачу
В городе, где я жила,
А теперь хожу и плачу.

То ли давняя заноза,
То ли август, то ли зной...
Души в этот край заносит
Ветер неземной.

«Аз, буки, веде, глаголь, добро, есть...» — так звучит начало славянского алфавита. И не вина наших предков, а наша беда в том, что мы утратили знание точного перевода этой фразы: «Я знаю буквы, слово есть добро...»

Не будем приводить длинный ряд классических цитат — ограничимся одной, почти современной: «Зло — плохой стилист». Это — Бродский о вечном триединстве истины, добра и красоты, методом «от противоположного», столь свойственным минувшему веку.

Литературная мастерская при Челябинской писательской организации существует уже седьмой год. И главной темой всех наших занятий был и остается литературный язык.

Учиться писать — это учиться вести диалог. И первым собеседником и талантливым учителем становится родной язык, речь.

Добро столь безусловно присуще настоящему литературному творчеству именно потому, что в основе диалога лежит явное или подспудное желание понимания:

Я пою, чтобы меня услышали.

Я творю молитву, чтобы меня поняли.

Я окликаю, чтобы мне ответили...

Литературная мастерская объединяет более 30 молодых литераторов в возрасте от 16 до 35 лет и группу литераторов-вольнослушателей старшего возраста. В

Все-то кажется: права
Жизнь и нам до смерти хватит
Детского богатства: фантик,
Птичье перышко, трава...

Угадал ли тайный срок
Желторотый ранний слеток?
Век не то чтобы короток,
И не то чтобы жесток.

Просто воздух холодной,
И плывут куртины зноя
От земного в неземное,
По ладони — и над ней...

* * *

Я знаю, как плачет вода, если нехотя льется
В иссохшие недра забывшего небо колодца.

Как руки целует, безвольно сквозь пальцы стекая,
До гневного пламени в черную плоть проникая.

Как шепот ее, поднимаясь из огненных трещин,
Сначала беспомощный, скоро становится вещим.

И вот уже ведра звенят, и тяжелые цепи,
Крутя барабан, устремляются с грохотом к цели.

Хрустальная тяжесть, сверканье, и плеск, и прохлада —
За первые слезы, за страшные слезы награда.

И в эти мгновенья бывает прекрасно и странно
Представить себе безграничную гладь океана.

* * *

Внезапный снегопад остановил часы.
Лавиной сошел с невидимой вершины!
Как занавес, упал — застыли, недвижимы,
Привычные черты привычной суеты.

Нам некуда идти. Сырым тяжелым гнетом
Деревья клонит ниц до хруста в позвонках.
И то, что вознесли до неба на руках,
Теперь лежит в грязи, плывет холодным потом.

Все будет хорошо. Растает, зарастет,
Запустим время вновь — пойдут по кругу стрелки
На башне городской в золоченной тарелке —
Но этот снегопад, и ужас, и восторг

Останутся как весть о грозном, несказанном,
О родине стихов, о лежбище лавин,
Чей легкий синий флаг летит, неуловим,
И поднимает ввысь легко, одним касаньем.

Полина ПОТАПОВА

Родилась в селе Миасское Красноармейского района Челябинской области. Окончила филологический факультет Челябинского Государственного педагогического университета. Пела в ансамбле русской народной песни, занималась в театральной студии «У паровоза» при ДК ЖД. Работает на радио «Олимп» сценаристом. Автор пьесы «Антракт», нескольких прозаических произведений различных жанров и поэтического сборника «Обратная сторона Луны».

* * *

Сверчок повесился и больше не сверчит..
В прихожей время выплетает паутины,
Под слоем пыли — заурядные картины,
А за картинами — простые кирпичи.

На кухне — запах маринованных опят,
Привычный дух обыкновенных дней рождений,
По дому бродит бесприютная тень тени,
И половицы от ходьбы ее скрипят.

Кряхтит и кашляет приемник — старичок,
По полу стелется тоска бесцветным газом,
Луна следит за этой ночью желтым глазом,
А желтым глазом этой ночью стал сверчок...

Ирина АРГУНИНА

Родилась в Челябинске в семье врача и инженера. Окончила «английскую» школу и Челябинский государственный университет по специальности «химия». Работает инженером отдела ЭВМ НИИ «Уралдотех» при Южно-Уральском госуниверситете.

Автор двух поэтических сборников: «Свободные скитальцы» (1999) и «Время поить пески» (2001).

Родная речь

Не потому, что я ленивей,
не потому, что я покорней, —
меня по-русски хлещет ливень,
я глубоко пускаю корни.

Вся тяжесть смысловой нагрузки
ценней свободного полета:
со мною говорят по-русски
собаки, птицы и болота,

и в незлобливой перебранке
листвы — пылают не в укор мне
рябины орденовские планки
на беззащитной униформе.

Август

Не по лиственным кронам к закату небу,
а по улице узкой с названьем нелепым
убегало на запад лучистое лето
от того чудака, что отправился следом.

И по улице тридцать второй годовщины —
Октября ли, Победы ли, чьей-нибудь смерти —
Неуверенно шел одинокий мужчина,
Бормоча еле слышно: «Родная, поверьте!»

Ревматично скрипели суставы калиток,
Старых яблонь опавших и баб нерасцветших,
И одна ему вслед проворчала сердито:
«Это ж надо одних отпустить сумасшедших!»

И по улице узкой с названьем нелепым,
По закатной листве и редеющим кронам
Он куда-то ушел за обманчивым летом,
Как влюбленный глупец — или просто влюбленный.

Николай БОНДАРЕВ

Родился 22 мая 1956 года в г. Волчанске Серовского района Свердловской области.

Закончил УЭМИИТ по специальности «Радиосвязь» и работает на Южно-Уральской железной дороге. «Проснулся» после прочтения «Розы мира» Д. Андреева. Стихи и прозу пишет с 1992 года.

* * *

Жизни размеренная маета
Иногда рассеивается, как дым,
Нежной улыбки твоей красота
Делает снова сильным и молодым.

И пусть одноцветные дни потом,
Как капли из протекающих кранов,
Звезды шепчут во сне о том,
Что умирать пока слишком рано,

Ибо еще не до всех дошла Весть,
Что образ Божий — не мешок с костями,
И что Истина уже была здесь,
Но мы ее встретили
с молотком и гвоздями...

* * *

Осваиваю новый вид гаданья:
Гадаю о любви по облакам,
Плывут они, как сны, в воспоминанья
О полунеразобранном пока.

Плывут куда-то, словно клочья ваты,
Еще не воплощенные дожди,
И я шепчу вдогонку виновато
Вслед каждому скитальцу: — Подожди!

Что диктовала мысленно у моря,
Бродя по клочьям пены и камням —
Размашисто на голубом просторе
Написано, но тайна для меня.

Вот это, вроде, парусу подобно,
А это вроде чайки над волной...
Как, милая, беспечно и удобно
Ты делишься увиденным со мной!

Как видишь, кое-что уже читаю,
Чуть потерпи, и научусь писать,
Тогда, как я люблю тебя, родная,
Смогу тебе на небе рассказать!

Юрий БРЫЗГАЛОВ

Родился в 1949 году в Челябинске. Закончил факультет иностранных языков Челябинского педагогического института. Работал в сельской школе учителем немецкого языка, сейчас — переводчик на челябинском заводе «Электромашина». Публикации в журналах «Аврора» и «Урал».

Упрямые слова

Я не верю в судьбу,
Я не примирюсь с ней,
Я не перестану говорить:
«Жизнь еще будет лучше!»

Да, я знаю, что умру,
Но пока за мной
Не закрыли крышку гроба,
Я не оставлю тебя —
Надежда.

Перевод с немецкого (Хайнц Калау)

* * *

В этой жизни быстротечной
От меня не ждут, я знаю,
Чтобы я жалел, что фрукты
Зелены порой бывают.

В этой жизни быстротечной
От меня не ждут, я знаю,
Чтобы шел я мимо сада,
Там, где фрукты поспевают.

В этой жизни быстротечной
От меня не ждут, я знаю,
Что умру в саду, где фрукты
С веток спелые спадают.

Перевод с немецкого (Хайнц Калау)

Александр ПЕТРУШКИН

Родился в 1972 году, живет в Челябинске. Публиковался в журналах «Аврора», «Уральская Новь», «Урал». Автор поэтических сборников «Оборотень» (1998), «Улитка дыхания» (1999), «Флейта Искариота: ритмические тексты (2002)».

Издатель серии «24 страницы современной классики».

Пыль тает вслед за вещью. Мой божок,
анатомированный светом, на губах
твоих оставит безболезненный ожог.
Речь медлит там, где начинается игра.

Берменность затянется, но ты
проникнешь в жабру жирным кислородом,
излечишься безверьем, немоты
закон овеществив. Нам, желторотым,

над выжженной дотла Челябиной — пить
ветхозаветный дождь, закончить сложно
часть жизни, уловить сухую нить,
в твоём пергаменте подкожном

иногое бережно и тонко о-
черт-
ить.

* * *

О. Ч.

Как струя воды пробивает стоячую воду —
так и ты проходишь мою жизнь два раза за год.
Это скорее — привычка ворчать на погоду,
Закрываясь к зиме, чем то, что стоит на пороге пагод.

«Последний раз мы встречались осенью» — в январе,
заклоченная в тело мысль кажется ложью. Анфас
еще метит пунктиром память, скрытую в дряблом зрачке —
однако снег вскоре вскроет его. По команде «фас»

телефонная трубка выдает, как маяк, гудки —
короткие вещи, тень чья ссучилась на язык
отъезда. Ересь позволяет отбыть в живых
срок речи —

поскольку место-любое-срок. Блик
оставляет право на выход на выход раньше психоза. Лик
голоса — откат в темноту глазниц.

Олег ПАВЛОВ

Родился в 1953 году в удмуртском селе Кыйлуд, близ Ижевска. Окончил Челябинский Государственный институт культуры. По профессии — режиссер, актер. В 1994 году создал театр марионеток «Оле Лукойе», которым руководит по настоящее время.

Работает в жанрах поэзии, прозы, драматургии. Член литературного объединения «Мартен» города Златоуста, Российского межрегионального СП Северо-Запада. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Новый ковчег». Автор публикаций в различных сборниках, альманахах, журналах.

* * *

На тихом языке растений,
Немногословном и простом,
Бог разговаривает с теми,
Кого избрал своим перстом.

Увы, но Божье указанье
Еще не отверзает слух —
Без мук душевных, без терзаний
Избранник будет нем и глух.

Покуда страсти-пустоцветы
Не станут горсточкой утра,
Он не услышит шорох света,
Гул облаков и ропот трав.

Дай Бог, чтоб речь
как дождь, как ветер,
Стихала, делалась ясней,
От искрометности соцветий
Поднявшись к мудрости корней.

Рисунок Юлии Фирсовой

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Т. СУВорова
«Где слоны - там мой дом родной»
М. РАСКОЛЬНИКОВА
«Майские рокеры-экстермалы»
Ю. ВЛАДИМИРОВ
«За тех, кто в поле»
В. ЮКЧУБАЕВ
«Непройденный маршрут»
и другие материалы

Здравствуй, дорогие читатели!

У вас в руках — третий номер журнала «Уральский следопыт».

Весна! Скоро! Скоро начнутся великое таяние снегов и вскрытие рек с громкими ледоходами. Водные туристы всегда с нетерпением ждут этого мига. А пока еще март. Вокруг много снега, хотя по утрам на нем появляется крепкий наст, и гулять по такому утреннему лесу — одно удовольствие.

Уже прошли Всероссийские соревнования по лыжному и зимнему туризму «Европа-Азия», закончились турслеты вузов Екатеринбурга. На страницах нашего журнала мы обязательно про них расскажем.

А сегодня в нашем разделе вы встретитесь с рассказами о других событиях и других походах.

Дебютант нашего журнала, Сергей Баранов из Нижнего Тагила, пишет о том, как он вместе со сво-

им другом шел к известному на всю страну плато Маньпупунер — к горе малых идолов.

Совершенно непонятно, какой же развязкой закончатся события в рассказе В. Юкчубаева «Неоконченный маршрут», печатающемся с № 1. Тайга, геологи, преступники, по каким-то причинам угнавшие вездеход...

Продолжают тему геологических экспедиций небольшие полевые заметки, которые нам любезно предоставил Юрий Владимиров. В них описываются уже не уральские места, но все же...

О том, что экстремального бывает в городах, рассказывает Татьяна Суворова. Каково это — работать дрессировщиком слонов?..

А еще мы по-прежнему ждем описания ваших путешествий, фотографии, ваши отзывы о публикациях в журнале.

*Искренне ваш
Александр Челноков
Фото Евгения Тамплона*

Сергей БАРАНОВ

Маньпуунер — гора Богов

Припоминаю, что «детонаторов» было два: Виктор Столбов как идейный вдохновитель, умудрившийся в свое время отметить свое тридцатилетие именно в той, странно звучащей географической точке. Теперь же, когда ему со дня на день должен был стукнуть полтинник, возможно, внутри него что-то сностальгировало, и так захотелось снова оказаться там, где ты когда-то был так чертовски молод и не менее чертовски счастлив. Вторым крестным отцом похода стал ничего до сих пор не подозревавший и, более того, ни с кем из нас лично незнакомый Николай Рундквист. Из всех деяний, им сотворенных, народу особо понравились два. Первое — то, что он со своими ребятами сумел пройти по всему Уралу с юга на север за сто дней. И второе — то, что он выпустил книгу об этом походе. Точнее, даже не о походе как таковом, а об Урале, о том, какой он есть во всей его красе. Виктор Столбов в качестве предводителя и одновременно в роли Ивана Сусанина... Причем, если давать краткую характеристику каждому участнику, то Виктор, надо сказать, в кругах российской интеллигенции известен не столько как турист, сколько как один из столпов авторской песни на Урале — впрочем, любому из поющей братии это доподлинно известно.

Вторым номером в команде по праву считался Сергей Gladких. Некогда мастер леса, большой любитель природы, знаток всех видов фото-, кино-, видеосъемки. Достаточно сказать, что он неоднократно вместе со своим другом ходил в качестве оператора в орнитологические экспедиции. Сутками сидел в скрадках в поисках единственного кадра или описывал гнездовья краснозобой казарки. Поход без женщин, конечно, возможен, но это примерно как каша без крупы. Поэтому третьим и всеми любимым членом нашего коллектива по праву стала Нина Новоселова — правда, иногда к ее имени добавлялось «Устиновна», а порой даже заменяло и его, и фамилию. Нина принадлежала к тому типу женщин, которые «есть в русских селениях». Сам факт ее присутствия в команде говорил об ее тонком туристическом вкусе. Похоже, с туризмом она была связана всю жизнь — теперь уже можно так сказать, равно как и с поэзией, с увлечением минералами, фотографией. Если все наши недюжие совместные силы сложить в одну, то, возможно, только тогда бы получилось некое подобие нашего четвертого — Виктора Белякова. Природа уговила ему участь современного богатыря, наградив к тому

Целующаяся пара.

же семью пядями во лбу и деревенской хваткой в работе. Полноту картины довершала рыжая борода и аналогичного вида шевелюра. Понимаю, что это более чем нескромно, но, видимо, придется что-либо накопать и о себе. Я, Сергей Баранов, 1956 г. р., русский, беспартийный, образованис высшее, женат, детей двое. Впрочем, все вполне стандартно. Иногда занимаюсь геофизикой, иногда автоматизацией нефтедобывающего производства — как повезет. Из увлечений сохранились велосипед, горные лыжи, фото, видео и, к сожалению, реже, чем хотелось бы, туризм. Последний был всегда бальзамом на душу, поскольку как-то внутри меня так устроилось, что любой, самый ломовой поход, будь то весенний сплав наперегонки со льдом или же стокилометровая «пешка» по бездорожью, в конце концов оборачивался ярчайшими впечатлениями и великолепной энергетической подпиткой, несмотря на временное истощение организма...

...Утром выходим в путь по тропе, планируя за два дневных перехода достичь перевала Дятлова. Но... Все началось с дружеского совета встречной группы туристов из города Лысьвы. «Ну что вы будете ломиться, как лоси, по этой топи? Дойдите до левого притока Ауспин и по нему возьмите на север порядка 5-7 километров. Там будет охотничья избушка и, главное, — тропа, которая идет

параллельно этой, но значительно суше». Ну, что ж, резон есть — и это тонко чувствовали наши ноги, не исключая 45-ый Витин размер. Так и сделали. Дошли до притока, свернули «как войдешь, так сразу наисокоск...», на север. И вот уж где мы, действительно, стали смахивать на лосей — только ломиться теперь приходилось по непролазному лесу. Тропы нет, зато есть много поваленных деревьев и, как следствие, сплошные балетные «па» при их преодолении. Километров пять мы пытались уговорить себя, что все нормально, что тайга — не поле для гольфа, но всем было ясно, что забурились не туда. По-видимому, физическая нагрузка была все-таки чрезмерной, и у Виктора Столбова начался приступ аритмии. Это явилось громом среди ясного неба. Воедино смешались полная растерянность, незнание (что же делать?) и понимание, что ничем серьезным сейчас ты помочь ему не сможешь. Виктора уложили, он принял какие-то свои препараты. Оставалось только ждать и уповать на Всевышнего. Поставили палатки — о дальнейшем продвижении в тот день не могло быть и речи. Остаток дня проходит в напряженном оцепенении. Все нервничают. Только ночью командиру становится легче. Такое, по его словам, с ним случается время от времени, начиная с 18 лет. Но одно дело дома: там можно спокойно отлежаться, вызвать скорую, наконец, — и другое дело здесь, в полной «ненаселенке». На общем совете решаем максимально разгрузить «виновника торжества» и возвращаться. На походе, таким образом, ставился крест, и каждый по-своему должен был это принять, не считаясь со своими желаниями. Возражавших не было — были приунывшие. Особенно переживал Виктор, понимая, что является причиной отказа от маршрута, и это добавляло ему нагрузки на сердце. Вот такой был непростой день, и хорошо, что он прошел.

Утро выдалось на удивление солнечное и тихое, как бы предвещавшее раннее начало «бабьего лета». Без особой суеты, словно наслаждаясь царским подарком, мы возвращаемся к основной тропе, с которой вчера так опрометчиво сделали шаг в сторону. «Невинно пострадавшему», по его словам, значительно лучше. Ясно, не перевелись еще в нашем коллективе мастера приврать. Спускаемся к Лозьве. Выход из «потогонной» зоны проходил размеренно, без суеты — несмотря на то, что порой из-за рюкзаков почти не виден был «человеческий фактор». Остановки случались чаще, чем того требовал походный марш. То ягода спровоцирует, то какая-нибудь местная достопримечательность в виде старой разведочной скважины или кедровой молотилки. А, может, просто растягивали удовольствие от общения с природой. Когда еще вот так сподобимся?

Место для стоянки выбрали на берегу Лозьвы. Она была великолепно и чиста. Похоже, пляжный сезон уже закрыт, но не искупаться — грех. Ближе к вечеру начинаем постройку большого корабля-кагамарана. Каждая наложенная вязка приближает момент окончательного распрощания с Маньпупунером — по крайней мере, в этом году. С воды не повернешь. Видимо, осознавая это, а отча-

сти и оттого, что нервы не выдерживают, оба Сергея генерируют конгениальную идею — продолжить дело Константиныча и двинуть в путь на Пупы вдвоем. Очередной гром среди ясного неба! И как бы это не показалось нагло и несправедливо, начинаем процесс отпрашивания. Виктор Константинович к

идее «отшепенцов» отнесся с пониманием. Похоже, тщательно скрываемые угрызны совести по поводу срыва похода все еще имели место. Иными словами, «родительское благословение» было получено. Нина и Виктор Беляков в сердцах развели руками: «Идите, раз уж вам так хочется». Конечно, мы с Сергеем больше всего опасались каких-либо упреков и обид — но, к чести друзей, их не последовало. Спасибо, ребята. Константиныч сказал только: «Обними там за меня Бабу» (Баба — наиболее колоритная фигура-останец на плато Маньпупунер, первая встречает и последняя провожает всех пришедших).

Итак, для двоих поход завтра начнется заново. Трое пойдут другим путем, и это тоже будет интересно. Последний общий костер, неторопливая беседа, крепкий чай — и не только чай. Ребята в нас верят. Мы придем к вам, мансийские боги!

На этот раз идем по северной «сухой» тропе, которая начинается от Базы Ильича. Правда, более-менее сухой она станет ближе к хребту Чарка-Нур, а пока время от времени она пересекает русла небольших ручьев. Но постепенный набор высоты поднимает рельеф до семисотметровых отметок. Далее идем по водоразделу сквозь великолепный кедровый лес. Тропа оказывается охотничьей. Часто встречаются не разряженные с весны капканы, охотничьи избушки различной степени пригодности. В одном месте на старой сосне высечены ритуальные мансийские знаки — по нашим предположениям, сулящие охотнику хорошую добычу. Идем неплохо, в прекрасном настроении, никто никого не тормозит и не подгоняет, просто идиллия какая-то: нормальная такая работа в течение всего светового дня.

К вечеру входим в предгорную часть леса — листвен-

Сергей Баранов.

ного, просторного, залитого вечерним солнцем. Это песня! Много черники. К перевалу Дятлова выходим немного восточнее, пройдя через настоящее каменное городище. Огромное разнообразие каменных «скульптур», как будто кем-то специально созданных. Что-то будет дальше? Но солнце клонится к закату. Спешим. Минуем перевал, так ненавистную Холатчахль; и, пройдя еще километра три, останавливаемся на ночлег. День удался. Махнули километров 30-35 и, похоже, заслужили полноценный отдых. Все, спать.

21.08. Подъем вместе с солнцем. Светило явно позирует. Наша зеленая палатка в его лучах — гармоничная часть остального мира. Завтрак, в целях экономии времени на поиски дров, готовим на примусе — вопреки всем недавним дискуссиям о целесообразности этого агрегата. Он взят мною на свой страх и риск (и, кстати, на свой же хребет) на всякий экстремальный случай, плюс из-за предстоящего визита на территорию Печоро-Илычского заповедника, плюс из соображений пропаганды экологического туризма...

Выходим. Прямо по курсу открывается великолепная панорама цирка горы Отортен. В этом районе он господствует всеми своими 1182-мя метрами над уровнем моря. У его подножия расположено небольшое озеро Лунтхусаптур, откуда берет свое начало Лозьва. Километров 10 до вершины прошли легко.

Обувь была прогулочная — кроссовки, в них удобнее всего перемещаться по сухим камням. Где-то в районе обеда вышли к вершине. Ах, какая панорама! «Эти милые зеленые горы» не могут не волновать любого, от Мамина-Сибиряка до рядового турист-чайника. Огромные зеленые пространства просматриваются от горизонта до горизонта... Но что это? Едва заметные зубчики видны вдаль. Неужели — Маньпупунер? Ведь до него еще около пятидесяти километров. Бинобль помогает глазу. Так и есть, он. Насколько же миниатюрна отсюда наша цель. Но мы-то знаем, что она велика.

Обед все-таки случился, и почти по Визбору — «обед с видом на Урал». После трапезы решаем оставить заклад-

Подарок реки Лозьвы - таймень.

Каменные великаны встречают рассвет.

ку продуктов в расщелине — на обратный путь. Засиживаться нельзя, предстоит пройти еще километров 15. Спускаемся с горы по крупным валунам, иногда больше похожим на акулий зуб. Уже вечером выходим к избушке оленеводов под горой Яныгхачечахль (или, по-нашему, просто первой Яной), как раз на границе Свердловской, Тюменской областей и Коми. Хозяев нет, по-видимому, уже давно. Внутри — металлическая печь, нары, панты, подвешенные на веревке от грызунов оленьей шкуры. На окне — благодарственная записка и две конфетки от какой-то московской группы. Ну что ж, жилье вполне приспособленное для таких как мы. Решено: ночуем здесь.

22.08. Выход больше похож на заплыв. Идет практически беспросветный дождь, видимость — не более 70-ти метров. Так как его скорого окончания ожидать не приходится (действительно, как в воду смотрели), решили идти в обычном режиме: по приборам, точнее, по одному, с магнитной стрелкой. Только во второй половине дня облачность стала подниматься, и дождь как-то поотстал. Стали появляться интересные особенности этого этапа. Оказывается, мы ненароком вышли на «олений тракт», которым оленеводы проводят свои стада на летние выпасы и обратно. Ширина тропы 3-5 метров, местами неопределенна, но идти по ней удобнее, чем просто по курумнику — или, на нашем жаргоне, по «маньпупунскому асфальту». Постепенно граница леса с обеих сторон поднимается выше, как бы приталивая хребет. Отрезок пути севернее штурмовой 917-ой отметки, мы назвали самым узким местом Урала — условно, конечно. Слева от нас, километрах в десяти, гигантским китом проплывает великолепный Койп (в переводе с языка манси — «Бубен»). Гора очень своеобразна (1087 м), и на фоне низкорослых холмов смотрится исполином. Ее характерный конусный силуэт виден издалека и еще долго будет сопровождать нас и радовать глаз.

23.08. Закат не обманул. Отличное утро, и, похоже, на сегодня «водный» туризм отменяется. Собираемся со скоростью солдат-новобранцев. Еще бы, ведь нас ждет такой подарок — двадцатикилометровый марш-бросок. Всего то — и мы у цели.

Практически, это спринт. Идем неплохо, километры

мелькают. Наконец-то входим в район километровой карты. Видимость идеальная. Вон там что-то «беленькое белесое»; правда, нам несколько не по пути, да и на расстоянии примерно с километр. Бегу глазеть, Сергей остается с рюкзаками. Пересекаю оленьи стойбище — много грязи и рогов б/у. Людей нет. Еще немного, еще чуть-чуть. Так и есть, бежал не зря. Всевозможные щиты типа «Водоохранная зона», рядом на земле мемориальные не столько доски, сколько чугунные плиты, отлитые на заводе Азовсталь с текстами, примерно, следующего содержания: «Отсюда берет свое начало великая северная река Печора». Печору в этом месте вполне можно перешагнуть. Такое вот географическое открытие в масштабах одного похода.

Но и это еще не все. Кажется, показались «Пупы». И вот, наконец-то, из-за отрога на правом берегу Печоры появилось что-то подозрительно напоминающее макушку («женщины» в этом случае не скажешь, придется уж как есть) бабы. Спускаемся к Печоре по обильно водонасыщенному лесу.

Форсируем Печору не снимая сапог. Теперь только лесом да в горку. Однако и лес не лишен сюрпризов. Вот, например, нечто весьма свежее, оставшееся от медведя. Нет, определенно, эти места нравятся многим. Пытаемся разговаривать друг с другом на ломаном медвежьем: «Гоп-гоп, гоп-гоп». К счастью, косолапый оказался понятливым, пропустил. Да и нам уже недалеко. Вот начинается безлесый склон... Выходим к скальному гребню.... Здесь должна быть продолжительная немая сцена. Вот ради чего стоило идти! На фоне идеально голубого неба в такой удивительно солнечный тихий вечер — вот они, долгожданные фигурки. До них еще километра три, но так даже лучше. Отсюда они видны все вместе, несколько по-шахматному стоящие на зеленом ковре Маньпупунера. Мы никуда не идем. Просто стоим и смотрим. Скальный гребень, на котором мы находимся, оказывается, тоже с изюминкой — точнес, с дырой.

Расщелина вполне смахивает на окно, прорубленное из Азии в Европу, или же на вход на Маньпупунер. А теперь вперед, в объятия (ну, вы помните, кого). Плато застелено зеленым ковром мхов и багульников. Ноги поначалу утпают в нем. Пришли, обняли, как просил Витя. Рюкзаки — в сторону. Теперь только фото и видео, пока не сядет солнце или не кончится пленка, или не сдохнет аккумулятор, или еще черт знает что. Но мы уже здесь. Нам страшно повезло, и даже с погодой. Мы по-туристски счастливы. А, может быть, просто мансийские боги благосклонны к нам. Мы только ходим и снимаем окаменевшие фигуры. Их семь. Ведь здесь так явно ощущается шаманский дух. Каждое изваяние так явно что-либо напоминает. Вот уже известный персонаж с поднятой и согнутой в локте рукой. Вот «Гном», «Петух», «Девушка», «Инопланетянин», «Целующая пара», рядом с которой такой характерный «тещинский» силуэт. И много еще чего, и в каждом ракурсе нечто новое. Все зависит от необъятности вашей фантазии. Низкое закатное солнце расцвечивает каменных великанов

в багровые тона. Невероятной длины тени ложатся на противоположный лесистый склон отрога. Не иначе, исполнены вершат какое-то таинство. Наконец, наснимавши вдоволь, решаем оставить последнюю пленку на завтра. Будет день, и будут кадры.

Палатку ставим под пристальным взглядом «хозяев». Вообще-то мансийская легенда утверждает, что это окаменевшие враги, которые, якобы, хотели побить бога Неройку; но для нас они свои ребята. Что-то сказители легенд напутали. В тот вечер было единогласно решено: 70 грам-

Вода на плато - на вес золота.

мов не экономить.

24.08. Уже в который раз север шокирует переменчивостью погоды в течение суток. О вчерашнем фотогеничном вечере можно только вспоминать. Все небо в свинцовых тучах, температура около нуля, сильный ветер. Похоже, мы чем-то прогневили богов. Ах, да, 70 граммов. Идем делать последние дубли.

От случившейся перемены погоды страдают, похоже, только наши бранные тела, а снимаемая фактура только выигрывает. Столь мрачная атмосфера Пупам к лицу. Они полны необъяснимой тревоги. Они должны стоять здесь, оберегая этот суровый край. Они стоят вопреки всему. «Кто вы такие, и как вы посмели потревожить покой богов? — как бы говорят они нам. — Вы здесь чужие, вы должны уйти». Мы почти это слышим. Мы уже видим, как летят в нас белые стрелы снегов. Мы чувствуем, как они вонзаются острыми иглами в наши лица и руки. Мы прикидываемся, что это северный циклон. «Рановато что-то снегу, даже для этих широт». Мы все понимаем. Прощаемся. Уходим. Спасибо вам, боги!

Потом были три дня «зимнего» туризма, плохая видимость и, как следствие, плохая ориентировка, обледенелые камни, сугробы на Отортене, желанная закладка, спуск в дождливое лето, тропы, броды, костры — но все это было уже по ту сторону Маньпупунера, там, где быт, суэта и нехватка времени.

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Непройденный маршрут

— Черт с ними, Михалыч, давай устраиваться снова с ночлегом, натянем брезент, разведем ночью — и утро вечера мудреней, как говорится.

В эту ночь долго не спалось, хотя и устал изрядно. Только зацепились за эцлогиты, и на тебе! Кому это надо? Уму непостижимо — угнать газон, разгромить лагерь — за что? Варвары какие-то. Спал или не спал — не понятно.

Едва забрезжил рассвет, заварил покрепче чайку, поднял Олега. Наскоро поели и засобирались вдогонку за бандитами.

След вездехода, виляя, тянулся вдоль гор на Север, в необжитые, совершенно безлюдные приполярные урманы. Неожиданно впереди Олешка при тормозил и встал, вращая башкой.

— Где-то гудит, вертолет, что ли?

— Какой еще к черту вертолет, может, это га-зущка?

— Слушай, Михалыч, во...

И точно: с каждой секундой все отчетливее слышен нарастающий гул вертолета.

— Точно, Олешка, ну и слух у тебя. А куда это он шпарит? Смотри, как высоко забрался.

Далеко в стороне еле заметной точкой прогудел вертолет, и вновь нас окружает первозданная тишина, лишь надоедливый крик кедровки сопровождает нас и действует на нервы.

— Смотри, Михалыч, как идет аккуратно газон, ни разу не врюхался в болота, заранее уходит в сторону и не выезжает на чистовины.

— Однако у них и проводник есть, который знает эти места. Наверно, местный кто-нибудь.

— Ладно, догоним, там разберемся.

— Никуда в тайге они не денутся, Олешка, впереди еще Тыкотлова и Дзеляю. Они, наверняка, хотят пробраться к речке Хайме: это единственное место, где они смогут через прервал уйти на тот склон Урала, а там и Кожим, и Инта, да и железная дорога.

— Значит, Михалыч, мы должны перехватить их до Хаймы.

Таяжная поляна.

— Да, если упустим за перевал, то не догоним. Километра через три выйдем на Тыкотлов. Пора уже и пообедать, наверняка, и их следы там будут.

— ...Смотри, Олег, вот и наших бандюг стоянка, а костер-то они прятали в густом ельнике, со стороны и не увидишь.

— Здесь некому и подсматривать, Михалыч. Кроме кедровок, никого и нет.

— Как знать. Вон и тушенку нашу лопали, три пустых банки валяются, чай кипятили — пили, видно. Повалились немного и рванули дальше.

— Значит, их трое.

— Трое и три ствола, не так уж и мало.

— Поживем — увидим, давай лучше устраиваться на ночлег. Вон на той поляне, там и костер разведем.

(Продолжение. Начало в №№ 1-2.)

— Олешка, а у тебя удочки случаем нет? А то бы рыбки поели.

— В рюкзаке должна быть, обычно я таскаю ее всегда с собой.

Пока Олешка бродил по перекатам с удочкой, я успел развести костер, заварить душистого чая и разогреть пару банок консервов. Рыбак вернулся не с пустыми руками — принес пару довольно крупных рыб. Решили подсолить харьюзов, а завтра можно будет слопать их малосолистыми.

Поели без настроения и, как стемнело, устроились у костра спать. Ночь прошла без особых происшествий, если не считать обгоревшего рукава у Олешкиной телогрейки и нескольких дыр от искр костра у меня на штормовке.

На рассвете проснулся от грохота котелка — Олешка пошел к реке за водой.

— Михалыч, а как ты думаешь, когда мы сможем догнать вездеход?

— Ты понимаешь, Олешка, получается, что они едут по ночам, пряча следы в мелколесье и предгорьях, а мы идем днем. Ночью не разгонишься, и скорость у нас, наверно, одинаковая. Они две ночи уже в пути, а сейчас, наверняка, залегли на Дзеляю. Придем на Дзеляю, там увидим, прав я или нет. Давай пить чай, да пойдем: тянуть резину нам не с руки.

Как я и думал, выйдя на берег Дзеля, нас ждала брошенная стоянка. Разбросанные банки из-под тушенки, мятые окурки сигарет и догорающий костер.

— Михалыч, ты смотри, уехали совсем недавно, даже, гады, костер не потушили.

— Торопятся ребята, очень спешат. Ты видел, Олешка, вертолет и сегодня кружил над тайгой. Наверняка, это за ними. И если засекут их следы, то выловят с вертолета в момент. Потому-то и прячутся, двигаясь по ночам. И если мы завтра с рассветом выйдем, то должны их встретить где-то на Хайме засветло.

И едва посветлело небо на востоке, мы с Олегом были уже в пути. Зная точно, куда едет вездеход, мы уже не шли зигзагами по его следу, а выбирали по

Просторы Кожима.

карте путь покороче и полегче. Так мы почти вдвое сократили расстояние, и к Хайме подходили, когда было еще светло.

Вездеход мы увидели издали. Машина стояла в густом ельнике и была сверху абсолютно невидима. Тишина стояла необыкновенная. Даже не слышно крика вездесущих любопытных кедровок и шума горной Хаймаю.

Подаю знак Олешке и шепотом:

— Отползай немного назад и жди меня, в ружье заряди пулевые патроны. А я попробую подобраться поближе и посмотрю, чем они занимаются.

Не спеша, прячась за густыми елями, подкрадываюсь к стоянке. Не дымит костер, ничего не слышно и не видно. Спят, что ли?

Обхожу вокруг вездехода — никого. В кабине пусто, пусто и в кузове. Машу рукой Олегу, чтоб не слышно подходил. Олег появился бесшумно, как тень, сжимая в руках свою старенькую двустволку.

— Ну что, — шепчет он.

— Пока ничего и никого, — так же еле слышно говорю Олешке, — смотри, котелок с чаем у костра, тушенка открыта, а людей нет.

— Да, тишина, только комарье звенит в ушах.

— Олег, покарауль у машины, а я пройду к реке, посмотрю, что там.

(Окончание следует.)

Татьяна СУВОРОВА

«Где слоны — там мой дом родной»

Каково это — жить с бок о бок со слонами? И не просто их видеть — а работать с ними, как с людьми?

Народная артистка России Нина Корнилова знает это очень хорошо. Впервые она вышла на манеж в 1944-м году, когда ей было 16 лет. Название того аттракциона — «Слоны и танцовщицы». Его возглавлял отец будущего мужа Нины — А. Н. Корнилов.

Это только кажется, что акробаткам безразлично, где делать стойки — на изящном столике или на слоне. Зверь — он живой, и поэтому непредсказуемый. Может сбиться с шага, сделать неожиданное, мешающее человеку движение. Особенно сложно выполнять сальто-мортале с подкидной доски, по второму концу которой слон бьет своей ногой — каждый удар им наносится с разной силой. В результате доска бьет то слабо, то сильно. Тут ничего заранее не подсчитаешь, не выработаешь никакие рефлексы. От человека требуется способность мгновенно сориентироваться и приспособиться к тому, с какой силой доска подкидывает его вверх. И неизбежны такие последствия, как микротравмы позвоночника...

Далеко не каждая девушка согласится выполнять такой номер. Нина Корнилова — согласилась, и ее дебют на арене принес ей первую премию на смотре циркового искусства.

И еще лет двадцать после этого она была акробаткой на слонах. Но время идет, и пришел черед переквалифицироваться в дрессировщику.

Работа со слонами сильно отличается от работы с другими зверями. Прежде всего, тут артист не имеет ни малейшей возможности выбора своих подопечных. Собак, кошек и т. д. можно отбирать, выяснять, кто из них игривый и талантливый, а кто мало годится в артисты. А слон... Оформил на него заявку — и спустя долгое время получил выловленных в джунглях Бирмы слоненка. Никто нигде не проверяет, какие артистические данные заложены в зверях, каковы их характеры и т. д. В итоге — выписанному слону в бивни не смотрят, и дрессировщик работает с тем

Стою на шаре!

материалом, который достался. Приспосабливайся к зверю, каков бы ни был его характер, выискивай любые крупицы, которые можно развить до нового трюка.

Нине Корниловой с ее нынешними слонами — точнее, слонихами — повезло. Звери талантливые, веселые. Зовут Герда и Претти. Им уже по 13 лет.

То, что слон имеет хорошие данные — далеко не гарантия легкой работы с ним. Пример — репетиции рекордного трюка, занесенного в книгу рекордов Гиннеса. Суть номера — слон стоит на двух ногах на пьедестале и крутит кольцо на ноге и ху-ло-хуп — на хоботе. А для того, чтобы этого добиться, пришлось примерно год крутить руками ногу и хобот. У дрессировщиков уже руки отнимаются от усталости — и тут слон случайно сам крутит один оборот. Сразу же — похвалы, хлеб со сгущенкой. Через длительное время слон делает уже два оборота, потом — три... Исполинская работа.

Да и вне арены слоны доставляют много хлопот. Это только издали они кажутся такими большими и невозмутимыми. Вблизи — большие, но вот остальное... Звери очень впечатлительные. С ними круглосуточно дежурит кто-либо из персонала аттракциона — иначе слонам будет плохо. В

природе они привыкли к тому, что, когда стадо спит, кто-то один бодрствует. И в цирке ведут себя так же.

Кроме того слоны, как и любые другие животные, очень не любят сюрпризов. В природе что-то внезапно появившееся — это, как правило, хищник. И рефлекс на панику при неожиданности никак не убрать. Поэтому в детстве слоники ели молоко из одной миски вместе с кучей кошек (благо, миска была очень большой) — и все было в порядке. Но сейчас стоит забежать в их стойло самой обычной цирковой собачке — сразу уши по сторонам, ноги топают, хоботы трубят. То есть — боятся.

В природе размеры зверя не гарантируют его безопасности — и поэтому слонов приходилось приучать к музыке, к аплодисментам так же, как и любого другого зверя. Включали магнитофон, садились на первый ряд и хлопали, так далее... Кстати, последствия слоновьей паники — вещь крайне серьезная. Ведь любой зверь в таком состоянии бежит, не разбирая дороги.

Едят цирковые слоны много — 100 кг. в день. В меню разнообразные овощи и фрукты: картошка, морковь, кабачки, тыквы; сено. Любимое лакомство — березовые веники. Иногда им варят каши с добавлением сгущенного молока. Дают витамины — по полбутылочке ревиты закатывают в хлеб. Как ни странно, иногда им полагается водка — ее смешивают с большим количеством воды, сахаром и дают выпить после представления, для снятия нервного стресса. Разумеется, алкоголиков из них никто не делает — просто, если в день слишком много представлений, звери оказываются в огромном напряжении. Да и такой слоновий «плентвейн» (если учесть размеры зверей) для них вряд ли серьезнее, чем для человека — бутылка пива.

Отдельное дело — косметика. Слониха — не человек, но в маникюре тоже нуждается. Ногти на ногах регулярно подпиливают и красят мелом — чтобы те были белыми и

Честь имею представить: слоны!

Нина Корнилова и слоненок Герда.

аккуратными. Два раза в неделю обеих артисток моют из шлангов — с шампунем, растирая мочалками. После купания их сушат под «тепловыми пушками» (такими же, которые стоят в дверях магазинов и зимой гонят на посетителей теплый воздух).

Что еще стоит сказать о слонах? Они действительно очень умны. Великолепно распознают, когда их ругают за дело и не за дело. Могут сами предложить цирковой номер (если захотят). Способны долго помнить незаслуженную обиду и мстить за нее. Умеют целовать руки — их хоботы на такое вполне способны. Вблизи эти звери чуть-чуть пушистые — становится видна редкая, под цвет шкуры, неразличимая на расстоянии шерсть. Из любопытства могут очень ловко и быстро разодрать любую упаковку, а потом вдосталь побаловаться с извлеченным предметом (такой жертвой в Японии однажды стал тщательно упакованный телевизор). В общем, звери живые, непосредственные. Нина Корнилова говорит, что очень любит наблюдать за ними — как они, укладываясь спать, обнимают друг друга ногами, шепчутся о чем-то, почесывают друг друга хоботами. То, на что еще способны эти звери, никому не известно — в том числе и их дрессировщикам. В чем Корнилова честно признается. И говорит: «Где слоны — там мой дом родной».

Артистка давно вышла на пенсию. Семь лет не выступала на манеже — но все эти годы ездила вместе со своей дочерью Таисией в роли педагога-тренера. Возврат на манеж, работа с собственными слонами подарили ей вторую молодость. А когда закончится и вторая, слоны будут отданы подрастающим внукам — снова можно будет вернуться к роли тренера, помощника, не выходящего на манеж. И продолжать быть рядом со своими детьми — и со своими слонами. Нина Андреевна уверяет, что и Герда, и Претти твердо считают ее своей мамой...

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

Я не умею водить машину и выращивать помидорную рассаду на подоконнике. Я не умею играть в волейбол и вышивать гобелены. Но вот уже пять лет работаю в СМИ, и очень много пишу обо всем и обо всех. Труднее всего, оказывается, писать о себе. Достоинства свои красками описывать как-то неудобно, о недостатках говорить почему-то не хочется. Словом, если быть предельно честной, меня создали такой, какая я есть, близкие и любимые, внушившие мне, что я красивая, умная, талантливая... и темпераментная.

Майские рокеры-экстремалы

Еще в детстве я нарисовала себе образы людей, на которых хотелось быть похожей до жути. Это такой особенный народ, талантливый и духовно развитый, при чем обязательно с гитарой в обнимку. Только в них я чувствовала совершенство и законченность человеческих образов, необыкновенную притягательность. К сожалению, матушка природа распорядилась со мной довольно жестоко, совершенно не одарив ни слухом, ни голосом. Сколько не пыталась я учиться играть на гитаре, заветный инструмент мне упорно не желал покоряться и выдавал весьма странное мяуканье, мало напоминающие звуки, извлекаемые тем же, к примеру, Макаревичем.

С годами я свыклась со своей безумной страстью к рок музыке и абсолютным неумением хоть что-то воспроизвести. Но с выдающейся кастой людей, которые не только что-то играли, а сочиняли свое, общалась много и долго. И уж поверьте на слово — молодыми талантами родной город Екатеринбург наполнен до краев. Когда я смотрю на них сквозь дымчато-винные сумерки рок клубов, они напоминают мне крупные белые жемчужины, чудом добытые из каких-то экзотических раковин. И само собой приходит желание поделиться этими сокровищами со всеми, с каждым жителем нашего мегаполиса, чтобы любой жаждущий этой музыки смог насладиться в полной мере этими ритмами и проникнуться этими песнями.

Очень скоро у всех желающих испытать свои уши на прочность появится великолепный шанс услышать представителей рок клуба нашего города. В мае 2003-го года проходит очередной, седьмой по счету, праздник под названием «Майский экстрим». Это напряженная спортивная гонка на каяках, байдарках и катамаранах. В этом году

планируется в поддержку водников-экстремалов устроить еще и концерт рокеров-экстремалов (думаю, не нужно пояснять, что любой, стоящий на сцене перед аудиторией порядочно повышает себе уровень адреналина в крови, я уже не говорю о том, что эти люди не просто стоят — они поют!!!). На данный момент в концертной программе фестиваля заявлены такие коллективы, как «Бонус трек», «Наивный вертолет», «Онейрос», «Кедры-Выдры», «Китч» и «Шаманы». Каждая из этих команд занимает свое особенное место в городской музыкальной рок культуре. Вот и

А. Погольский, группа «Онейрос».

Группа «Китч».

пришло время рассказать непосвященному читателю о необыкновенных самоцветах Уральских гор. Должна сказать, мне не нравится музыка, которая уже в момент своего зарождения ориентирована только на одно — на получение денег от слушателя. Разумеется, каждый композитор или поэт рассчитывает на публичный успех, иногда его мечты сбываются, иногда нет, но есть музыканты, которые только и делают, что задумывают новые и новые шлягеры, чтобы получить побольше денег. Они называют себя как угодно: «фабрика звезд», «шлягер фэктори» и тому подобное. У ребят, представляющих себя на «Майском экстриме» музыка льется, кажется, из самых глубин души. И хоть поют они на разные темы и абсолютно непохожими словами, трудно не уловить одно общее — это искренно. Впервые услышав группу «Китч», я поразились теплу и доброте песен, как будто рождаются они совсем не в нашем, иногда злом и жестоком мире. Надо отметить, музыканты очень удивились моей реакции и поинтересовались: «А кто сказал, что мир агрессивен?». Коллектив «Бонус трек» все время ищет новые и новые выходы для своего творчества, может быть, именно поэтому так часто меняется состав участников, оставляя неизменным присутствие скрипки (что придает музыке особенную романтику) и прекрасного женского вокала (что романтического настроения не уменьшает).

О группе «Онейрос» я могу рассуждать часами, потому что аналогов этого музыкального коллектива не существует больше нигде. Что-то похожее в мире представляет команда «Black more's night», но это единственное, что мне

удалось отыскать. Ребята играют фольк-рок, с элементами средневековой европейской готики — просто завораживает. А вокалист Александр Погольский обладает таким (!!!) голосом, что просто заставляет слушателя перенестись именно в то время, о котором пишет и поет.

Часть произведений, написанных соло гитаристом проекта, являют собой несколько мистические вещи, о которых сложно писать — их надо слушать! Само название команды уже способно рассказать о многом. Онейрос — это город, висящий в пустоте, город грез, потерянных душ. Пока, к сожалению, этот коллектив не так популярен, как, скажем, «Шамань», или «Наивный вертолет», может быть из-за малого количества концертов в поддержку написанного материала, хотя так называемая ролевая гусовка принимает «Онейрос» на «ура». Смело можно говорить об экстремальной творческой жизни группы, являющейся участником ролевого движения, от мечей и стрел приходится уворачиваться ежедневно, об этом и большинство песен, не правда ли здорово и необычно?

Можно наслаждаться уютной квартирой, дорогим авто и вкусной едой, но это, друзья, не экстремально. Чтобы почувствовать всю прелесть полноценной жизни городского жителя просто необходимо присутствовать на таком зрелищном мероприятии, как «Майский экстрим», хотя бы просто постоять рядом и насладиться адреналином в крови других, а может и повысить уровень своего... Если задуматься, это очень экстремально — писать о музыке, когда медведь на ухо наступил!!!

Юрий ВЛАДИМИРОВ

За тех, кто в поле

Передо мной старые, запылённые, толстые тетради — это мои экспедиционные дневники. Откроешь страницу, и хлынет волна воспоминаний из далекого прошлого. Но кажется, что все было совсем недавно.

За годы работы в экспедициях много было интересных встреч и включений. Часто создавались острые ситуации, когда человек со всеми его недостатками и достоинствами ясно виден, и за несколько дней, а то и часов узнаешь его как облупленного. Это не то, что в теплой уютной каморке, когда рядом за письменным столом просидишь с человеком много лет подряд, но так по-настоящему его и не узнаешь, не поймешь, как поведет он себя в критической ситуации.

В небольших изыскательских партиях часто создавалась очень хорошая атмосфера; и обычно чем труднее условия — тем сплоченнее коллектив. В нашей гидрологической партии самому старшему стукнуло тогда 26 лет. Мы были молоды, полны сил, желання трудиться, совершать подвиги, влюблялись, женились. В стране это были годы, которые потом назвали «Хрущевской оттепелью», годы подъема и обновления. Велась стройка гигантских гидроэлектростанций на Волге и сибирских реках, шло изучение Арктики и Антарктики. Начинаясь подъем целины, куда ехала, в основном, молодежь. И мы, изыскатели, чувствовали себя тоже первопроходцами, призванными страной на выполнение важных и трудных героических дел. Это была наша целина.

Когда неожиданно приезжали геологи, буровики, экспромтом устраивались замечательные вечеринки, часто при свете керосиновой лампы. За полчаса готовился стол: в котелке дымилась горячая картошка, хозяйские солёные огурцы и капуста, открыты банки с консервами, нарезан черный хлеб, стоят бутылки с водкой или вином. С шумом сдвигались алюминиевые кружки с первым традиционным тостом изыскателей: «За тех, кто в поле!» А затем — жаркие разговоры и песни. Потом, вернувшись в Ленинград, за богато сервированным столом редко когда так радовалась душа, как в этой тесной непринужденной компании единомышленников-изыскателей.

Река Кок-Су зимой (выше одноименного поселка).

Река Кок-Су

В 1954-56 гг. наша гидрологическая партия в составе комплексной экспедиции Ленгидэп'а, что вела изыскания в Южном Казахстане под Копчагайскую ГЭС на р. Или, одновременно проводила изучение горной реки Кок-Су с целью постройки на ней каскада гидроэлектростанций.

Кок-Су в переводе с казахского означает «синяя или зеленая вода». Река стекает с хребтов Заилийского Алатау, беря свое начало в снежниках на самой границе с Китаем. Река удивительной красоты, с бурлящими по камням прозрачными водами и крутыми горными склонами, поросшими лесом. Местами на редких глубоких плесах, где река смиряет свой бег, вода смотрится как изумрудная, зелено-голубая. Особенно часто этот цвет встречаешь в верховьях реки, в высокогорных озерах, питаемых ледниками. Слабая минерализация воды при ее чистоте и прозрачности, в обрамлении зеленых гор, круто спускающихся к ее водам, определяют ее удивительный цвет. Но когда придут жаркие дни и интенсивно начнут таять снега и льды в горах или пройдут сильные дожди, река вздувается в своих каменных теснинах, вода становится мутной и слышен грохот перекачиваемых по дну валунов. Наберешь стакан воды и, когда оседет муть, то пятую часть его объема составляют взвешенные наносы. А вот на реке Или объем мелких илистых песчаных наносов составлял до трети стакана. Встанешь в русло реки и чувствуешь, как ноги мед-

Для восстановления моста через р. Кок-Су Ю. Владимиров перебирался по тросу.

ленно погружаются в мелкий илистый песок. Успевая их вытащить.

К счастью, на Кок-Су не было селевых потоков, характерных для таких горных рек, как Большая и Малая Алма-атинки. Там до постройки селезащитных плотин после ливневых дождей с крутых обнаженных склонов гор смывались песок, галька. Достигая русла реки, они образовывали мощный грязе-каменный поток. Его удельный вес в несколько раз больше, чем у воды, и поток, устремляясь вниз, сносит на своем пути без задержки даже железобетонные мосты, перекатывая по своему руслу валуны диаметром до 1-1,5 м.

Очень трудно работать гидрологам на горных реках. С деревянных, металлических или надувных лодок, при скорости течения более 4-5 метров в секунду, расход воды не измеришь. Приходилось на Кок-Су строить гидрометрические люльки на тросах и, зависая над бурлящим потоком, замерять глубину штангой, а вертушкой — скорость. В высокую воду при замере расхода тяжелая металлическая 4-5 метровая штанга выгибается под напором потока и бешено вибрирует, до боли в руках. Вертушка, которой замеряют скорость течения, через каждые 1,5-2 секунды подает сигнал — только успевай следить за секундометром и записывать в журнал. В этих условиях полевые работы выполняли и наши девушки: Людмила Васильева, Ариадна Сулима и Оля Филонова.

И еще одна особенность капризной красавицы-реки — снежные лавины. Они сходят обычно во второй половине зимы, когда на высоких, крутых склонах скапливается много снега, и от ветра, а иногда от выстрела или даже громкого крика сверху с карниза срывается глыба снега. И пошла все быстрее и быстрее катиться вниз, увлекая все большие массы снега. Пройдя по склону длинный путь, все это обрушивается в реку, перекидываясь и на другой ее берег, полностью перегородив течение спрессованной снежной плотной. Через несколько дней она еще больше уплотняется и походит на ледяную. При ударе ножом или топором только мелкие ледяные крошки сыплются с ее поверхности, и ничего в нее не воткнешь. Проходит несколько суток, выше плотины создается целое озеро, и вода, дойдя до верха завала,

начинает переливаться через нее, постепенно день за днем «пропиливая» в плотине «ворота». После схода в верховьях р. Кок-Су лавины (а иногда их сходит сразу несколько) местные жители с трудом начерпывают воду в ведро ковшиком между валунами, где еще вчера шумел поток.

Интересно, что летом места схода лавин хорошо видны на склонах по сломанным или пригнутым к земле деревьям и кустарникам, участкам земли, словно выпаханым гигантским бульдозером. Обычно больших деревьев на лавинно опасных склонах не увидишь.

Не простой характер у горной красавицы.

Много часов длится конная поездка на горное плато.

Лошади — основной транспорт в горах

Если ехать верхом на лошади с низовьев р. Кок-Су, то, начав путь в полустепи-полупустыне, к концу недели доберешься до зоны снежников и тающих ледников на высоте около 3 тысяч метров, на самой границе с Китаем.

В своем течении река то несколько десятков километров пробивает путь в горах, прорезая гряды хребтов, то вступает в широкую межгорную долину, где течет спокойно, как бы накапливая силы, чтобы пробиваться через очередную систему гор. В горах дорог нет, и основное средство передвижения и перевозки грузов — верховая и вьючная лошади (или идешь пешком с рюкзаком по горным тропам). Покупать лошадей экспедиция в те годы не имела права, а частники или совхоз не хотели давать их в аренду. Поэтому мы оформляли аренду лошадей на длительный срок, выплачивая сразу их полную стоимость. Лошадь практически становилась собственностью партии, и я договаривался с нашими местными рабочими, что они берут ее к себе в хозяйство, кормят, ухаживают за ней. А когда нужно — отводят на полевые работы. Через 1,5-2 года лошадь, по договоренности, переходила в их полную собственность. Поэтому кони для работы у нас всегда были.

Иногда случались длинные переходы, по 12-15 часов непрерывной верховой езды. И не той езды, когда лихо скачешь на лошади по равнине, а утомительного движения шагом по горным тропам или по полному бездорожью. Когда едешь по многокилометровому крутому подъему или спуску, лошадь идет осторожно, старательно, тяжело дыша, каждая ее жилка предельно напряжена, а сама она иногда останавливается, чтобы передохнуть. Такую лошадь не обидишь ударом плетки или понуканием стремени. Думаешь: «Труженица! И зачем тебе все это? Превратил тебя человек в свою рабочую скотину. А то бегала бы себе на воле посреди степей. Красивое, благородное животное. Недаром люди сажают на памятниках своих героев на тебя, чтоб красоваться». Слезешь на подъеме и ведешь ее на поводу. Идти в горах пешком тяжело, особенно после высоты 2000 м, даже без груза. А каково ей с грузом или всадником?! Когда едешь по бездорожью, среди камней или вечером в сумерках, в тумане, то опустишь поводья и полностью доверяешь умению лошади выбрать лучший путь. Если случайно запозднился, то будь осторожен вечером или ночью на лесной тропе, чтоб не напороться на наклоненное дерево, крупную ветку и не остаться без головы. Даже опытная лошадь о всаднике не думает, ей важно, чтобы она сама прошла, не задев головой преграду. В лучшем случае притормозит перед нею.

Какие-то особые дружеские отношения складываются с лошадью при длительной работе. Чутко воспринимает она поведение сидящего в седле. Обычно утром, перед тем как седлать, угостишь ее припасенным куском хлеба с солью или кусками пиленного сахара. Погладишь рукой по шелковой блестящей шее. Машет головой и косит на тебя благодарно белым яблоком глаза. Все любят ласку.

В низовьях реки иногда часами едешь верхом по ровной, безлюдной, выжженной солнцем степи-полупустыне. Едешь весь день, и к вечеру горы вдали, кажется, остались так же далеки, как и утром. Высохшая трава, местами белеет ковыль, изредка виден кустарник. Безлюдно, безжизненно, только хищная птица парит в высоте. Понятно, почему у казахов такие протяжные песни — как и их бесконечные степи. Иногда вдали замаячит одинокая фигура всадника, и моя лошадь оживает: для нее появилась цель, и она, выросшая и воспитанная у казахов, как к магниту, устремляется к встречному. Наконец лошади поравнялись и встали головой к хвосту. В таком положении, когда каждая лошадь непрерывно дружески машет хвостом, отгоняя мух и паутов от морды другой, животное может, кажется, стоять бесконечно долго. Иное положение у меня. Пожав протянутую черную от солнца и сухую, как ветка саксаула, руку казаха, я вынужден выдержать положенную традиционно длительную беседу. При моем знании всего лишь нескольких дежурных фраз на казахском языке и полном незнании русского казахом это довольно своеобразная беседа. В конце ее, когда неспешно свернутая встречным из газетной бумаги сигарка с махоркой наконец -то докуривается, я всеми силами незаметно пытаюсь стремными сдвинуть с места лошадь. Но она, как влитая в землю, упрямо стоит на месте — пока казах, видя мое нетерпение расстаться, не трогал с места свою лошадь.

*Долина в верховьях р. Кок-Су.
Лошади. Юрта молодоженов.*

Юрий ДЁМИН

О торжестве морального уродства на российских просторах

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мглы
(Ещё чернее и огромней
Тень Люцеферова крыла).*

А. Блок

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

В. Соловьев

Если конец позапрошлого века и начало прошлого были пронизаны голосами многих пророков, то конец XX и вот теперь уже начало XXI веков, кажется, отличаются полным их отсутствием. Не значит ли это, что нация ослепла? Я не претендую брать на себя какую-либо миссию, но хотел бы, как любой художник, поставить несколько вопросов, которые, быть может, отразят хотя бы некоторую суть нынешнего процесса нашего развития.

Если раньше можно было тешить себя мыслью, что культура (если уж не красота) спасет нашу мрачную действительность, то теперь неутешительный вопрос скребет внутри: «А есть ли культура в общем своем смысле в России?» Да, конечно же, мы можем тратить сегодня миллионы долларов на постановки оперных спектаклей и мюзиклов, но в то же время выбрасываем мешки с мусором прямо из окон многоэтажек, утопаем в грязи и зловонии. Посмею еще раз напомнить господам, которые не видят дальше окна своего автомобиля, что культура начинается не в театральном зале, а на улице, в подъезде, общественном туалете. А эти места в России остаются традиционно и постоянно в привычном состоянии. Стоит также вспомнить о кладбищах и дорогах, домах престарелых и сельских школах, да и обо многом другом. Очень часто мы видим, как из

окон сверкающей изящной иномарки вылетают бутылки из-под пива и прочий хлам, а когда весной сходит снег, наши дворы становятся похожими на огромную всеобщую помойку. Мы очень часто находим средства на пышные торжества и банкеты, но почему-то не находим их для того, чтобы элементарно подметать улицы. Или просто забываем это делать. Да дело и не только в этом. Некоторые нынешние философы пытаются оправдать подобное положение, прибегая, к примеру, к теории О. Шпенглера. Как известно, он резко разграничивал понятие культуры и цивилизации, расценивал цивилизацию как «мумию культуры» и ее конечную стадию по нисходящей и рассматривал Россию вне исторического процесса. Еще более оправдательное объяснение мы можем найти у русского философа И.А. Ильина, который писал: «Культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия. Поэтому народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т.д.) являть картину отсталости и первобытности».

Эффектное оправдание тому, что мы видим вокруг. Однако можно повернуть все с точностью до обратного. Пора, на мой взгляд, развенчать вечный миф о загадочности русской души, поговорить о реальных процессах, происходящих сегодня в этой душе.

Итак, мы знаем, что культура напрямую связана с внутренней духовной организацией любого человека. Многие великие мыслители рассуждали о происхождении и сути всего русского и российского (к примеру, Бердяев,

Розанов, Соловьев), но никакие ссылки на бескрайность и широту наших просторов и другие особенности нашего существования не могут оправдать всеобщего процветающего свинства на этих просторах. Очень метко отражает суть происходящего на этих просторах немецкое «Russisch Schwein», возникшее в годы Второй мировой войны, а может быть, и раньше. Как бы ни были трагичны события тех лет, фраза эта довольно справедливо отражала и отражает, к сожалению, нашу действительность и наше, увы, место в мировом сообществе (да, так к нам относятся и поныне, если говорить об объективном подходе — как на самом деле нас оценивают, а не как мы о себе воображаем).

Наши таланты зачастую становятся мировыми звездами (спортсмены, музыканты, танцоры, ученые), но пока они живут здесь, мы, к сожалению, их не замечаем. Одна из причин такой близорукости — низкий общий культурный уровень, который все более и более снижается. Кто-то может возразить: как же так — растет число ВУЗов, выпускников-медалистов, все больше молодежи получает высшее образование, открываются новые театры, музеи... Но еще давайте вспомним о растущем уровне беспризорности (он теперь превысил уровень 20-х годов), преступности, смертности. Удивительное противоречие и удивительная страна! Пока власть предрержащие продолжают разворовывать страну, происходит элементарное вырождение нации, и останавливать этот процесс вскоре будет некому. Давайте всмотримся в лица наших горожан на улице, в транспорте... И сравним их с кадрами кинохроники 30-ти 40-летней давности, да и вообще вспомним о том, что мы видели еще лет 15 назад. Исчезла некая человечность и жизненность в лицах! Вам так не кажется? Странные антропологические особенности происходят с нами. Всё больше скуластых, квадратоголовых людей бороздит российские просторы, все больше занимают жизненного пространства те, что больше похожи на наших далеких предков. А ведь, заметьте, опять же лет 15-20 назад мы их не замечали, их как будто и не было вовсе.

Эти люди, между прочим, занимают не самые низкие жизненные позиции. (Вспомним лица депутатов государственной думы...). Если бы известный физиономист Чезаре Ломброзо переместился в наши дни, у него было бы много материала для исследований. Но это всего лишь внешние проявления, которые являются отражением того, что происходит с духовным содержанием нации. Самое ужасное, что внешних проявлений не может быть без внутренних процессов. Под нацией я, кстати, понимаю совокупность всех этносов, проживающих на территории некогда великой державы. Если сегодня спросить: «В чем наша национальная идея?», вряд ли найдется хоть один человек, который сможет ответить на этот вопрос, рискующий остаться риторическим. Правда, мы часто слышим о каком-то возрождении, но возрождении чего и из чего? И кто будет

возрождать? Это уже вопрос более конкретный. Лет сто назад философы-мыслители видели русскую идею в миссии России, которая состояла в единении Востока и Запада, но в результате теперешнего вырождения эту миссию некому уже выполнять. Наша нация со стремительным усердием вбирает все самое худшее и от Востока, и от Запада, превращаясь в бессмысленного ассенизатора. А Восток и Запад, между прочим, в нашем посредничестве давно не нуждаются. Можно считать, что эта миссия давно выполнена или просто изжила себя.

Личность прежде всего формирует культура, а культура, в свою очередь, влияет на духовную наполненность, вернее, на саму возможность духовной наполненности личности. А там, где разрушается общая культура нации (а она разрушается, как мы видим), там теряется способность к формированию личности. Разрушая основу основ, общество теряет способность к формированию полноценной личности и в большом количестве формирует моральных уродов. Одеваясь в дорогие одежды и покупая дорогие и красивые, зачастую, вещи, такие люди остаются на крайне низком культурном уровне. Смее утверждать, что внутренний уровень культуры у большинства крепостных крестьян в XIX веке был гораздо выше уровня многих теперешних сильных мира сего. О культуре крестьян позапрошлого века нам говорят их песни, обряды, обычаи, передающие их духовные переживания, а о культуре наших нынешних «великих» красноречиво говорят сначала их поступки, а уже потом их высказывания. Где уж там до духовных переживаний!

Если учесть, что человек на Земле — единственное существо, которому дано жить не реальным, а возможным (ведь только через это существует прогресс), то можно прийти к неутешительному выводу, что наша нация стремится к самоуничтожению. Ибо жить возможным можно лишь отдавая в мир нечто большее, чем мы от него берем. В нашей стране обстоит все иначе — мы сидим на несметных природных богатствах, вычерпываем их и разбазариваем, не отдавая природе взамен ничего. Вся наша экономическая система построена на примитивном черпании из земли некоего продукта. Отсюда потребительская психология — мы сидим на всем готовом. И расчетливость порой затмевает разум и инстинкт самосохранения.

Я упомянул о национальной идее, которой теперь нет. Давайте же глянем, каков у нас национальный герой. Если мы сориентируемся на телевидение, подменившее сегодня собой все искусство в целом (для широких масс), то увидим, что национальный герой (из многочисленных сериалов) — это криминальный авторитет, делец, фирмач, вершащий свои далеко не чистые делишки, берущий от жизни максимум. А ведь еще Варлам Шаламов лет тридцать назад изо всех сил предостерегал нацию от излишней романтизации уголовного мира и уголовной субкультуры. (Это,

конечно, касалось во многом и искусства, и писателей в том числе). Результат мы уже видим. Телевидение очень помогло в превращении того, что раньше называли уголовщиной, в привычные общественные отношения. Чувство патриотизма сегодня либо атрофировано вовсе, либо приобретает уродливые формы национализма, нацизма, шовинизма. Мы живем в эпоху великих... здесь, конечно, напрашивается — перемен, но я о — другом. Мы живем в эпоху великих подмен.

Если во времена Достоевского встреча с темной стороной человеческой сущности, с Чертом, с Дьяволом, если хотите, была огромным потрясением для личности, то сегодня это становится обыденным явлением. Эта самая темная сущность ежедневно, ежечасно взирает на нас с экранов ТВ и поглощает в себя миллионы и миллионы разумов. Если раньше я как телевизионный журналист и редактор был уверен в том, что телевидение близко к искусству по сути своей и форме существования, то теперь вижу, как это искусство превращается в монстра. Если раньше мы смотрели фильмы о любви к жизни, то теперь смотрим о любви к деньгам, к власти и устремлении к смерти. Каждый второй фильм начинается с убийства. Настоящая духовная жизнь личности подменяется многочисленными сериалами. Чужую жизнь ежедневно проживают десятки миллионов зрителей. Своя жизнь людям не интересна, они с удовольствием подглядывают за другими. Если раньше мы (телевизионщики) призывали к вечным ценностям, то теперь телевидение взывает к самым низменным сторонам человеческого сознания. Криминальная хроника, боевики и многочисленные игрища составляют основу большинства программ. Люди разгадывают какие-то головоломки, ребусы, соревнуются в глупости и считают себя носителями тайны, хотя это совсем не так. * От количества разгаданных слов их духовная сущность на самом деле не обогащается. Духовную наполненность никогда не заменить эрудицией. Эрудицией пытаются прикрыть духовную нищету. Часть этих игрищ и шоу заимствована у наших западных собратьев, многие шоу даже покупаются за огромные деньги (мы уже даже глупости не в состоянии сами придумать). Но в своей аморальной устремленности мы переплываем американцев и европейцев.

Если в широко известном шоу Джерри Спрингера автор и ведущий призывает морально разложившихся участников к элементарной порядочности, то ведущий наших «Окон», напротив, смакует самые отвратительные черты в своих собеседниках. Обращаясь к темной стороне, он радуется. Смотрите, мол, смотрите, какие все ужасные, давайте пойдем дальше! И мы идем дальше. Знак плюс, незаметно для нас, меняется на минус. Каждую минуту десятки каналов (благо, цивилизация шагает быстрее, чем культура) напоминают нам, что смерть рядом, смерть везде (даже если реальной угрозы ни для кого нет). Это ли не бессозна-

тельное устремление нации к самоуничтожению, как духовному, так и физическому? Воля к жизни подменяется на волю к смерти — сначала своего ближнего, а потом и своей. Кино, которое нам показывают, в 80 процентах внушает нам картину безысходности. А ведь кино создает не толпа, а избранные!

Раньше, в детстве, мы воспитывались на замечательных мультфильмах с чудесными героями, которые учили нас, что есть добро и что есть зло. Теперь эти одухотворенные герои, созданные авторами с большой любовью, сменились на бездушных бессмысленных пакемонов и телепузиков. Словом, моральных уродцев мы куем с детства. И никто не стремится остановить моральное разложение общества. Закрыть, к примеру, непристойную передачу «Окна», ограничить количество сцен насилия на экране. Но зато очень рьяно и успешно затыкают наши власти рот журналистам, когда те говорят об элементарном непрофессионализме спецслужб, сотнями убивающих своих сограждан при проведении, с позволения сказать, контртеррористических операций. Где уж там заботиться о моральном состоянии общества — это ведь напрямую никак не задает интересы власти, а вот обвинение в непрофессионализме — это уж слишком, непременно нужно принимать по этому поводу специальный закон.

Моральное уродство поражает все новые и новые сферы жизни (как толпу, так и избранных). Посмотрим, к примеру, где мы живем. Сегодня в тысячах российских городов просто не существует современной архитектуры. Что представляют собой современные жилые, так называемые, районы, все мы знаем. Нашу среду существования мы обре-

каем на безличие, сводя ее к элементарным физиологическим функциям: мы устраиваем для себя клетки, бетонные мешки, которые нужны нам для того, чтобы в них спать, есть... (откат на тысячелетия назад). Наши дома-коробки давно потеряли духовную наполненность; все вокруг одинаково и серо. И самое ужасное, что нас это устраивает. (Вспомним — даже в глухих деревнях крестьяне старались украсить свои наличники, ставни и т.д.). Потребность в красоте, в эстетических началах атрофируется. Спасибо еще, что наши предки нам хоть что-то оставили в наследство, но это — лишь небольшие островки в наших огромных городах. Они, к сожалению, разрушаются.

Более ста лет назад большой русский писатель и философ И.С. Аксаков писал: «В том-то и страшная беда наша, что всё обнаруживаемое теперь мы знали и знаем, и со всем этим ужились и уживаемся, примирились и примиряемся». Почти через 120 лет эти слова — о нас с вами. Нам так удобно: уживаться со всем этим уродством. Это проще, чем идти по пути эволюции, созидать и совершенствоваться. Лучшие мозги утекают на Запад, нация обескровливается, но мы продолжаем сидеть в своем воюющем корыте — нам в нем тепло и уютно. При этом многие изображают бурную деятельность, дабы не потерять эти свои корыта. То у нас в государственной Думе призывают раздать сельскохозяйственные земли православной церкви, то требуют ловить гомосексуалистов и сажать их в тюрьмы (все другие проблемы у нас ведь решены — вот пересаживаем геев и лесбиянок, и наступит в нашей стране процветание и всеобщее благоденствие — ведь от того, кто и как совокупляется, очень зависит благосостояние государства!). То целый авторский коллектив создаст программу борьбы с бедностью — вместо того, чтобы просто дать людям возможность нормально зарабатывать. Перечень всех этих уродств можно продолжать бесконечно.

Моральное уродство сродни уродству физическому. У людей, имеющих серьезные физические изъяны, система ценностей изменена и деформирована. Так же и у моральных уродов, только у них это страшнее. Если бы меня попросили дать определение моральному уродству, вряд ли я смог бы сформулировать его лаконично. Скорее всего, это такое состояние, при котором происходит полная ценностная переориентация всей духовной сути человека. Распознать же такое уродство мы можем лишь по совокупности многих признаков.

Первым таким признаком я назвал бы отсутствие потребности в любви (даже не самой любви, а потребности в ней, заметьте). Это, конечно же, противостественное состояние человека, из которого истекает всё последующее.

Отсутствие чувства сострадания, которое, соответственно, приводит к жестокости.

Отсутствие стремления к совершенствованию.

Нетерпимость к другим мнениям, формам существования в мире, нерушимая уверенность в своей правоте,

которая ведет в итоге к органической неспособности к покаянию (ведь мы знаем, что к покаянию человек идет через сомнения).

Среди прочих признаков можно назвать также:

- атрофию чувства реальности (адекватности поступков конкретным условиям);
- безразличие, инфантилизм;
- отсутствие уважения к ближнему;
- отсутствие чувства ответственности за будущее;
- цинизм, духовный дальтонизм (черное принимается за белое — исчезает способность распознавать подмену одного понятия на другое).

При этом о моральном уродстве можно говорить как при совокупности всех этих признаков, так и при наличии некоторых из них. Комбинации могут быть разными, но результат один — движение к самоуничтожению, регресс. И я не берусь говорить о том, что здесь перечислены все признаки.

Моральное уродство пронизывает все сферы жизни и приводит к разрушению каждой конкретной личности. Что может остановить этот процесс? По аналогии с физическими уродствами, можно сказать, что некоторые из них излечимы хирургическим путем. Моральное уродство — процесс внутренний, однако, имеющий внешние проявления. Поэтому и избавиться от них возможно лишь через воздействие на внутренний мир и внутренние установки человека.

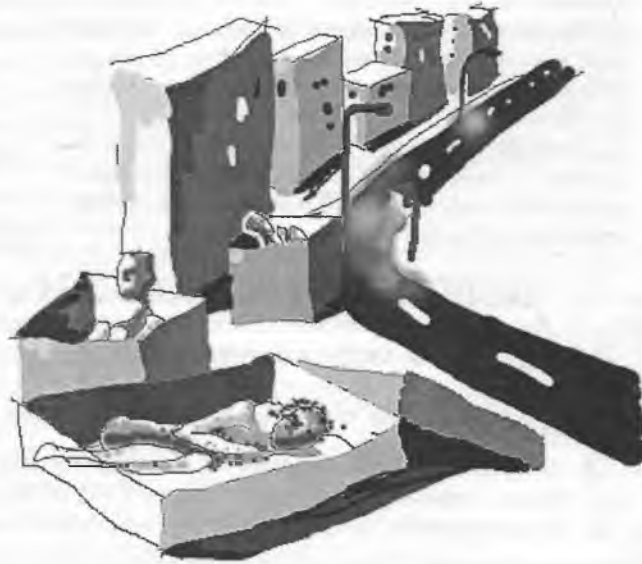
Во все времена в этом воздействии не последнюю роль играла церковь. Даже Наполеон признавал, что религия — вещь для дисциплины весьма пригодная. Однако церковь сегодня из великого таинства превращается в меркантильный механизм, также принимающий уродливые формы. Церковь стремится стать неким государственным учреждением, становится царством от мира сего. Об этом говорили еще сто лет назад. Мы сталкиваемся с еще одной великой подменой. Какис-нибудь формальные вещи затмевают часто самую духовную суть и происхождение церкви. Правда, если мы заглянем в историю, то вспомним, что изначально церковь и служила определенным государственным механизмом. Святой Владимир тысячу лет назад посылал гонцов по всему миру, дабы выбрать религию, которая могла бы послужить делу централизации и объединения огромного раздробленного княжества. Свой выбор Владимир остановил на Византии. И теперь роль церкви очень неоднозначна. Вспомним, к примеру, раскольников. Для староверов наше государство и церковь в их настоящем виде суть царство Антихристово. Но православие продолжает присваивать себе истину.

Другое дело вера (понятие далеко не равнозначное понятию «религиозность» или «церковь»). Путей к настоящей вере — миллионы, и ни у кого нет права узурпации вопроса веры. Это — глубоко личное явление, и не должно поддаваться влиянию общественных настроений ни при

каких условиях. Всё остальное — суррогат и подделка, инструмент в чьих-либо руках. Священники часто стремятся стать жандармами и надзирателями, а не любящими ангелами. А государство радо переложить на посторонние плечи то, на что само уже не способно — удерживать нравственные основы в обществе. Все чаще мы видим воинственность теперешнего православия, чувствующего поддержку безнравственного государства. Чего стоит, к примеру, демарш православной церкви против католиков, которые не имеют дурных помыслов, лишь хотели упорядочить свою деятельность на территории России. Элементы средневекового мракобесия все чаще проявляются в церковной деятельности. Вспомним обвинения церковью ректора Уральского госуниверситета В.Е. Третьякова в сектантстве. А он, между прочим, всего лишь не позволил превратить стены высшего учебного заведения в площадку для междоусобных разборок между конфессиями. Государство же как бы ничего этого не замечает. Словом, в вопросе излечения морального уродства в нашем обществе надежда на нашу церковь крайне ничтожна. Прежде нужно излечить саму ее. Ведь элементарный нравственный закон един — для христианина, мусульманина, буддиста...

Раз уж мы заговорили о государстве, давайте посмотрим, способно ли оно само содействовать излечению общества. В свое время Петр Великий своей сильной и властной рукой прививал в государстве элементы цивилизации, почерпнутые в Европе. Позитивный результат мы знаем. Возможно ли таким же путем привить нашему обществу хоть какую-то культуру? В принципе, в какой-то части — да. Но для этого государство должно иметь реальный моральный авторитет у общества. Такой авторитет, как мы знаем, разрушен не без помощи самого же государства. В результате, на государство особых надежд мы также возлагать не можем.

Еще один инструмент и средство — это искусство. По силе эмоционального воздействия на человека вряд ли что-то еще может сравниться с ним. Я не могу сказать, что искусство исчерпало себя, но нельзя не отметить тот факт, что в определенной части оно также деформировано и уродливо. Оно зачастую приходит на службу сложившейся системе взаимоотношений в обществе. О преобладании темы насилия и подмене искусства телевидением я уже говорил. Искусство все более и более реально становится товаром в худшем смысле этого слова. Большие художники все чаще работают в рекламном бизнесе, в шоу, и надо отметить, реклама становится все более притягательной и профессиональной. Клипы тоже (некоторые).

Рисунки Любови Курзановой.

Тут мы давно переплюнули Запад — ведь реклама у нас существует каких-нибудь лет 15, а уже такие успехи! Но все чаще можно заметить, что люди искусства забывают об истинном своем предназначении. Ведь искусство может развиваться только вопреки существующей системе, но не благодаря ей. В противном случае это не служение, а прислуживание. (Как тут не вспомнить А.С. Грибоедова). Поскольку система находится в очень зыбком состоянии, то становится непонятным, вопреки чему должно развиваться искусство? Ярких имен, заметьте, на нашем небосклоне вспыхивает все меньше, а если они и вспыхивают, то, скорее, с обратным знаком, и отнюдь не розами пахивают. Многие литературные журналы превратились в помойку (впрочем, как и все наше общество), музыка мало кого интересует (больше интересуют бессмысленные шлягеры), о кино уже и говорить не стоит. Национальное достоинство как понятие, видимо, скоро прикажет долго жить. А ведь оно не в малой степени воспитывается средствами искусства.

Так какими же механизмами необходимо воспользоваться сегодня, чтобы изменить существующую ситуацию неверия и деградации? На этот вопрос мы должны найти ответы. Ибо отвечать за подобное положение вещей, возможно, придется очень скоро, и времени на подготовку к ответам может не быть. Вероятно, стоит за неимением новых излечить и подремонтировать старые механизмы? И кто займется этим? Отвечать — в любом случае всем нам.

Вы можете подписаться на наш журнал непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальному заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

Заполните купон;
Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67 "Уральский следопыт".

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
- Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанко», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О. адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанко», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О. адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

Кассир _____

КВИТАНЦИЯ
кассир

Директор редакции Фирсов Максим Отдел истории и краеведения Юний Горбунов Отдел художественной литературы Петр Родимов Отдел «Встречный ветер» Александр Челноков Художественный редактор, верстка Татьяна Суворова Дизайн 1 и 4 полос обложки: Сергей Ивкин Корректор Надежда Перетягина Реклама: ООО «Уральское Рекламное Агентство» тел. (3432) 22-45-01
Учредитель: Общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт» Издатель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет: Владислав Крапивин Сергей Казанцев Кир Булычев Николай Никонов Борис Стругацкий Гвеннадий Прашкевич Олег Поскребышев Станислав Мешакин
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР. ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи не возвращаются. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Цена по подписке 36 рублей. По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. 22-36-62 Подписано к печати 16.05.2003 г. Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 1128 Отпечатано в ОГУП «Сухоложская типография».
© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 3-2003

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
 ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
 (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Доступ в Интернет предоставлен

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА
СРЕДНИЙ УРАЛ
БАСКИЕ БАСЕИНЫ

Одним из интереснейших природных объектов Свердловской области является Средний Урал. На юго-востоке, юго-западе и на северо-западе от его территории расположены следующие объекты — крайний «Северный» — «Чусовая» — «Баскет» — «Баскет».

Хребет протяженностью около 30 км, сложенный кварцевыми породами, имеет три вершины: Южный Баскет, Средний Баскет — самая высокая точка в массиве (934 м) и Северный Баскет.

На хребте встречаются известняки, но самые интересные — медальоны от вершины Среднего Баскета, образующие своеобразную гряду из скал — «Степь» и «Сладкая» — «Сладкая».

Наиболее интересна из них группа скал — «Напоившаяся вершина».

Основная часть хребта находится в границах Государственного природного заказника «Баскет», учрежденного в 1982 году. По юго-западу его протянулся Муслюмовский заповедник, основанный в 1925 году. Юго-восточнее его находится Мушкетерский заповедник, основанный в 1925 году. Юго-западнее его находится Мушкетерский заповедник, основанный в 1925 году.

В предыдущем номере нашего журнала закончена публикация серии заметок “Уральская горная страна”. Она была начата в № 3 за 2001 г. В ней автор, известный фотохудожник и большой любитель уральской природы Евгений Савенко в течение двух лет делал описание всех географических районов Урала от Мугоджар до Новой земли.

Почти в каждом номере журнала давалось описание известных горных массивов, гор и окружающих природных районов, в основном тех, которые ему удалось посетить лично, т.к. все заметки сопровождалось фотографиями автора. Исключение составляют острова Вайгач и Новая земля, где автору не удалось пока побывать и о чем он давно мечтает.

Автор с большим интересом, любовью, а иногда и с чувством восторга описывает Уральские горы, давая, кроме того, ненавязчивые орографические и геологические характеристики горных регионов, что с учетом его замечательных фотографий дало возможность создать единый художественный и общепознавательный образ всей Уральской горной страны.

Мы благодарим автора, члена наблюдательного совета нашего журнала, лауреата Премии губернатора Свердловской области, которую он получил так же за воспевание уральской природы в альбоме “Чусовая”, выражаем признательность за этот цикл и надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА
ПОДЪЕМНЫЙ УРАЛ
ОТ СОБИ ДО ЩУЧЬЕГО ОЗЕРА

Наиболее интереснейшим объектом является Подъемный Урал. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы.

Длина Подъемного Урала составляет около 100 км. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА
ПРИВОСТОЧНЫЙ УРАЛ
ОСТРОКОНЕЧНАЯ САБИЯ

Одним из интереснейших объектов является Привосточный Урал. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы.

Длина Привосточного Урала составляет около 100 км. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы. Он протянулся от горы Шиханы до горы Шиханы.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 034-04X
следопыт
202002

2002 год объявлен ЮНЕСКО Годом Гор

● ИЕТИ НА УРАЛЕ ● НАШИ В ТАЙЛАНДЕ ● КРОВЬ КИБЕРПАНКА ● ПРАВДА О ЗВЕРСТВОВАВШЕМ ПРИКАЗНИКЕ ● ПОЧЕМУ ГОРУ ЗОВУТ ВОЛЧИХОЙ ● ПРОГУЛКИ ВО ЧРЕВЕ ЗЕМЛИ

Журнальная серия “Уральская горная страна” заканчивалась одновременно с созданием фотоальбома “Урал: от моря Карского до Мугоджар”. Если “Чусовая” Евгения Савенко — это взгляд фотохудожника, сфокусированный на красотах одной реки (правда, самой живописной и самой “уральской”), то в альбоме “Урал...” автор, что называется, воспаряет над всей уральской горной страной.

Альбом недавно вышел в свет. Теперь “Урал...” и “Чусовая” стоят, взявшись за руки, и призывают “следопытов” к увлекательному путешествию по евразийской горной стране.

Хочешь двигаться —

ищи попутчика!